

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Часть I

Новосибирск, 2012 г.

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85
В74

В74 «В мире науки и искусства: Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (10 декабря 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012. — 124 с.

ISBN 978-5-4379-0184-7

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «В мире науки и искусства: Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

Рецензенты:

- канд. филол. наук, Бердникова Анна Геннадьевна (г. Новосибирск);
- д-р искусствоведения, канд. филол. наук, Мышьякова Наталья Михайловна, профессор, заведующая кафедрой «Социально-культурный сервис и туризм» Института туризма и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики;
- канд. филол. наук, Павловец Татьяна Владимировна, доцент кафедры теории практики текста и методики преподавания Московского городского педагогического университета;
- д-р филол. наук, Труфанова Ирина Владимировна, профессор кафедры филологического образования Московского института открытого образования (г. Москва).

ISBN 978-5-4379-0184-7

ББК 71+80+85

© НП «СибАК», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Культурология	6
1.1. Теория и история культуры	6
АРТ-РЫНОК КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ	6
Жиделева Ксения Андреевна	
Кириллова Наталья Борисовна	
КАРНАВАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ КАК СИМВОЛЫ ИГРОВОЙ	10
КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ	
Степанчук Виктория Викторовна	
1.2. Музееведение, консервация и реставрация	17
историко-культурных объектов	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВ	17
ЧЕРНИГОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ	
ИМ. В. ТАРНОВСКОГО	
Синельник Ирина Сергеевна	
Секция 2. Языкознание	24
2.1. Русский язык Языки народов	24
Российской Федерации	
СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ	24
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	
СОМАТИЗМА КАП «КИСТЬ РУКИ»	
В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ	
Аштабекова Джамиля Аштабековна	
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ	29
ВЕРБАЛЬНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ НОМИНАТЕМ	
ТИПА «СЛОВСОЧЕТАНИЕ + ЭЛЛИПТИЧЕСКИЙ	
УНИВЕРБЬ»	
Дьячок Наталья Васильевна	
ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ-СКАЗУЕМЫХ	34
В ЯКУТСКОМ ТЕКСТЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ	
Сивцева Наталия Александровна	

2.2. Славянские языки	38
ВАРИАНТНОЕ УДАРЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ -Н- В ПОЭЗИИ ЛЕСИ УКРАИНКИ (В СРАВНЕНИИ С УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМОЙ) Сачко Марьяна Степановна	38
2.3. Германские языки	43
СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ДОМ» Кунина Наталья Ефимовна Бердникова Ирина Александровна	43
СЛОВА-СИМВОЛЫ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Гришкова Надежда Васильевна	47
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУСЛЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТА НЕПОНИМАНИЯ Кобякова Ирина Карповна Литюга Юлия Валерьевна	55
РЕЛИГИОЗНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «HAUS» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ СМИ) Кулдошина Наталия Николаевна	60
ОБРАЗНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА SECLUSION В РОМАНАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. КИЗИ И ДЖ. ФАУЛЗА) Румбешт Анна Юрьевна	65
МЕТОНИМИЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОЛЕКСИКИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Старченко Елена Анатольевна	72
ТАКТИКА ИНТРОДУКЦИИ НОВОЙ ТЕМЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ Цапро Галина Юрьевна	77

2.4. Романские языки	85
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА ЗАКОНА ФРАНЦИИ КОНЦА XVI ВЕКА Бабич Галина Михайловна	85
2.5. Теория языка	89
СЕМНЫЙ СОСТАВ И ДИСТРИБУЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ НОСТURNE/DE NUIT Аммосова Марианна	89
ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ Бувевич Анна Александровна	97
2.6. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	103
К ВОПРОСУ О НОМИНАЦИИ АСТРОНИМА МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ Гатовкина Оксана Петровна	103
ДИАХРОНИЧЕСКАЯ УНИВЕРСОЛОГИЯ Т.Н. НИКОЛАЕВОЙ Карат Елена Васильевна	111
КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ» В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ: ПРИМЕР ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ Федорив Ярослава Романовна	116

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

АРТ-РЫНОК КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Жиделева Ксения Андреевна

магистрантка

Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина,

г. Екатеринбург

E-mail: fevralskaya90@mail.ru

Кириллова Наталья Борисовна

профессор, д-р культурологии

Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина

E-mail: urfo@bk.ru

Важнейшим фактором, оказывающим существенное влияние на культуру в России рубежа XX—XXI веков, является бизнес. Сотрудничество и взаимодействие сферы культуры и бизнеса предполагает финансовую поддержку социальной сферы (наука, образование, культура) и её модернизацию.

Думается, что предпринимательство всегда играло и играет значительную роль в регуляции культурной деятельности. Основным механизмом влияния предпринимательства на сферу художественной культуры является рынок. В обществах с торговым обращением произведения культуры становятся в той или иной степени предметом купли–продажи, и само существование деятеля культуры становится связанным с коммерческими факторами. Производство на рынок означает, что предмет искусства становится товаром, соответственно и успех автора этого предмета определяется спросом на его продукцию на рынке [1, с. 317].

Рыночная цена произведения искусства, предметного воплощения духовной культуры не находится в непосредственном отношении к его духовной ценности. Из истории жизни таких крупных писателей XIX века, как Бальзак, Пушкин, Достоевский, мы знаем, насколько неустойчивым было их финансовое положение. Споры между художником и продавцом имеют место и в наши дни, и лишь немногие деятели культуры могли добиться материального благополучия, если полагались только на рынок.

Хорошо известно и то, что на рынке преуспевающими могли и могут оказаться создатели далеко не лучшей продукции, которая пришлась по вкусу широкой публике. Так, великий голландский живописец Винсент Ван Гог скончался в нищете, никем не признанный, а впоследствии его картины побили на рынке все рекорды и продавались за миллионы долларов.

Освобождая деятелей культуры от диктатуры государства, рынок вместе с тем ставит его в сильнейшую зависимость от колебаний коммерческого спроса. Поэтому обратим внимание на особенности арт-рынка как социокультурного явления.

Понятие арт-рынка имеет узкое и широкое значение. Первоначально под этим термином понимали оборот предметов, обладающих художественной ценностью (произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства). Позднее этот термин стали использовать и для характеристики исполнительских искусств и других культурных услуг (например, музейных). Более корректно совокупность тех и других элементов рынка можно характеризовать как рынок художественный. Художественный рынок — способ распространения и перераспределения культурных ценностей в *обществе*. Термин «арт-рынок» более правильно используется для обозначения понятия товарооборота произведений неисполнительского искусства. Все, что связано с оборотом художественно-культурных ценностей, следует определять рынком культурных услуг [2, с. 168].

На наш взгляд, в постсоветской России арт-рынок находится в стадии становления, но его потенциал достаточно велик. Известно, что русское искусство многие десятилетия было и остается конкурентоспособным в мировом культурном пространстве.

Рынок *изобразительного искусства* — уже давно капиталоемкий рынок. Искусство сегодня представляется одной из заманчивых форм инвестирования.

Мы считаем, что современный арт-рынок — явление сложное. Если акцентировать его художественную сторону, то на первое место

выходит эстетическая ценность произведения искусства, если экономическую — его рыночная стоимость.

В связи с этим можно дать несколько определений арт-рынка:

1. Это общие художественные тенденции и предпочтения, распространенные в определенном временном отрезке, система, направленная на формирование вкусов и предпочтений, то есть культурный феномен, отражающий актуальные состояния общества, в которых задействованы, художник, экспертное сообщество, знающая публика и простые почитатели искусства.

2. Это характер и уровень развития института посредничества, или система взаимоотношений между художниками, дилерами, аукционными домами, ассоциациями и коллекционерами, заключающаяся в товарном обращении предметов искусства.

Арт-рынок выполняет информационные, посреднические, ценообразующие, стимулирующие, регулирующие и художественно-эстетические функции.

Сегодня, развитие арт-рынка привело к тому, что актуальное искусство стало принципиально ориентироваться на современников. Современное искусство настолько разнообразно и концептуально, что нуждается в интерпретации. Более того, конкуренция настолько высока, что задействуются все возможные каналы и технологии формирования необходимого имиджа художника и его узнаваемости в обществе. Как следствие, информационная функция арт-рынка в рамках современного информационного общества, стала еще более актуальна. Появилось внушительное количество профильных и непрофильных СМИ, обзвещающих художественные события, а значит формирующих общественное мнение. Пресса и телевидение играют подчас определяющую роль в формировании имиджа и приобретении известности художников современности.

Стоит отметить, что информационная функция арт-рынка осуществляется и с помощью иных инструментов: ярмарок, выставок, фестивалей, на которых можно ознакомиться с творчеством того или иного автора. В данной связи возникает необходимость посреднической функции — это содействие заключению сделок между художником или владельцем художественного произведения и покупателем.

Арт-рынок призван свести на одной площадке художественный продукт и его потребителя, способствуя удовлетворению потребностей обеих сторон: художника и публики. Сегодня формами рыночных отношений между художником и покупателем являются: аукционные

торги искусством, художественные ярмарки, художественные салоны и галереи.

Стоит также отметить, что важнейшим условием успешного функционирования арт-рынка является формирование и развитие его инфраструктуры, обеспечивающей непрерывное продвижение художественных продуктов от художника к публике. Не сегодняшний день в мире сложилась сложная и многоуровневая инфраструктура арт-рынка, ключевыми фигурами которой являются производители художественного продукта и его потребители поэтому мы считаем, что особое значение среди субъектов арт-рынка имеют художественные музеи как государственные, так и частные, являющиеся организаторами культурных проектов (более подробно мы рассмотрим это в следующем параграфе нашей работы).

На наш взгляд, в условиях перехода российской экономики к рынку область культуры и искусства не могут быть изолированы от данного процесса. Искусство неизбежно становится частью рыночной экономики, вынуждено существовать по ее законам.

Специалисты оценивают этот процесс по-разному. Произошло четкое разделение всего современного искусства на «коммерческое» и «некоммерческое». Действительно, многие боятся «отчаянной коммерциализации» искусства после того, как к нему проснулся огромный интерес. Сейчас об этом ведется много споров в искусствоведческих аудиториях. Так, один из искусствоведов и арт-критиков Евгений Барабанов считает, что исходное заблуждение — отождествление капиталистического арт-рынка с рынком докапиталистическим: с «выгодами купли-продажи», с «жесткой конкуренцией», со «стремлением к предпринимательству и наживе», с «каждой наибольшей денежной выгоды» [3, с. 143].

Безусловно, с помощью фестивалей, выставок, ярмарок произведения искусства продавались и покупались, выступали эквивалентами и залогами, их коллекционировали, из них составлялись личные, корпоративные и национальные сокровищницы. Так было во всех докапиталистических или раннекапиталистических обществах. Однако, на наш взгляд, арт-рынок — нечто иное. Прежде всего, это позднее изобретение, основанное, как и весь западный капитализм, на системе новоевропейской рациональности.

Мы считаем, что отечественный арт-рынок развивается, выходит на мировые позиции, но остается нерешенной проблема подачи материала и организации арт-проектов (фестивали, выставки). Нужно соблюдать баланс: с одной стороны расширять арт-рынок, с другой не потерять за этим рынком самой актуальности, значимости искусства.

Список литературы:

1. Барабанов Е. Искусство на рынке или рынок искусства? [Текст]. /Е. Барабанов // Художественный журнал. — 2002. — № 46. — С. 10.
2. Долгин А.А. Культура и рынок: современные тенденции [Текст]. /А.А. Долгин. — М.: Авеста, 2009. — 420 с.
3. Ерасов Б.С. Социальная культурология [Текст]. / Б.Е. Ерасов. — М.: Аспект Пресс, 1994. — 565 с.

КАРНАВАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ КАК СИМВОЛЫ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Степанчук Виктория Викторовна

аспирант

*Киевского национального университета культуры и искусств,
г. Киев*

E-mail: Magda.Gorvat@mail.ru

Актуальность данной статьи обусловлена обострением интереса современного общества к зрелищным и развлекательно-игровым формам общения населения Средневековой Европы. Культурологические исследования торжественной светской жизни Средневековой Европы, дают возможность проанализировать и понять специфику формирования базовых элементов современной игровой культуры, которая тянется из прошлых веков, где собственно и сформировался особый элемент мировоззрения народа — карнавал. Цель статьи найти пути толкования исследовать феномен сложной символики игровых карнавальных образов, которые сопровождают все известные виды средневекового досуга.

Для правильного рассмотрения данной темы необходимо сконцентрировать внимание на светской культуре в ее целостности, включающей различные пласты и уровни общественного сознания, которые дифференцируются в зависимости от статуса того или иного общественного слоя. Также необходимо обратить внимание на ментальную среду, которая породила известные нам памятники средневековой культуры, включающие разноплановые достижения этого периода.

Карнавал — праздник жизни. Именно это словосочетание для большинства является синонимом карнавала. Многие даже

уверены, что «карнавал» в переводе означает именно «праздник» или «фестиваль». На самом же деле итальянское слово "carnevale" переводится со средневековой латыни как «прощай-мясо». Дело в том, что европейские карнавалы традиционно проводились перед Великим Постом, который подразумевал отказ от мясной пищи и плотских удовольствий. Зато карнавал позволял все: это было время ярких нарядов, веселого распутства, общего ликования и вседозволенности.

С незапамятных времен особенности развития культуры каждого народа сопровождались характерными формами и процессами ритуально-игрового характера. Элементы культовой игры претерпели перевоплощения и совершенствования и обрели четкие черты традиционного характера, в ходе исторического формирования этнической, ментальной составляющей каждого народа. Первой сформировалась так называемая ритуальная игра, которая сопровождалась сакральными представлениями. Впоследствии она получила еще несколько форм содержательного самовыражения, самая распространенная из них карнавальная культура, основная идея которой отчетливо проявлялась еще в римских Сатурналиях. Традиции сатурналий не прерывались и оживали в средневековом карнавале, который ярче и содержательнее других средневековых праздников отражал эту идею всемирного обновления.

Изучению праздничной культуры отдельных европейских стран (в основном по письменным источникам) посвящен ряд фундаментальных исследований историков литературы и театрального искусства. В 1801 г. была издана работа историка, литератора и художника Дж. Стратт «Физические упражнения и игры английского народа» [1], где рассмотрена автором актуальность вопросов практического использования спортивных элементов в ярмарочных играх и театрализованных соревнованиях. Следует подчеркнуть также важную роль трудов английского театроведа Е. Чемберза в исследовании общественного мировоззрения. Так в двухтомной монографии «The Mediaeval Stage» [2, с. 35], в которой автор детально проанализировал феномен средневекового театра, определяя особую роль в создании иронической гротескной атмосферы игрового зрелища центральными содержательными персонажами ярмарочного действия — скоморохами и шутами.

Славянские же народные праздники сохранили более выраженную составляющую языческого прошлого, формируя наслоения доисторических знаний и представлений, что доказано Е.В. Аничковым в труде «Язычество и древняя Русь» [3, с. 109],

Б.А. Рыбаковым в монографии «Язычество древних славян» [4, с. 87] и другими выдающимися русскими и советскими учеными в их исследованиях. Они показали, что в славянской среде обряды официального христианства «причудливо переплелись» с элементами магического мышления. М.М. Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [5, с. 123] доказывает, что средневековые празднования карнавального типа были ограниченными в тех или иных соотношениях и воплощали идею карнавала в менее полном и чистом виде, да и в них формах она присутствовала и чувствовалась как временный выход за пределы бытового, привычного (официального) стиля жизни. Но наибольшее распространение и развитие народные карнавалы, фестивали и рыцарские турниры, как подчеркивает в своих монографиях В.П. Даркевич, получили именно во времена средневековья в Европе, когда религия позиционировала человека как «чашу греха», а все человеческое связывала с греховностью и нечистотой. Католической церковью запрещалось и преследовалось распространение игровых проявлений массовой народной культуры карнавального типа и связанные с ними смеховые представления и обряды. Кроме карнавалов в собственном их ярком проявлении с многодневными и сложными ярмарочными и уличными действиями и шествиями, устраивались также праздники дураков (*festa stultorum*) и праздники осла [5, с. 308]. Да и почти каждый церковный праздник, сопровождался обязательной ярмарочной фестивальной составляющей. Такими были к примеру храмовые праздники, которые обычно сопровождалась ярмарками с их сложной и разнообразной системой зрелищных действ. Карнавальной игровой атмосферой характеризуются так же сельскохозяйственные праздники, к примеру: сбор урожая, в частности винограда. Игровой характер присутствовал обычно и в семейно-бытовых ритуальных традициях, не был исключением также и в помпезных военных (рыцарских) церемониях.

Игра и смеховая бравада сопровождали, даже события торжественного характера (награждение победителей, приемы иностранных уважаемых послов, посвящение в рыцари и т. д.), поскольку шуты и карлики присутствовали на всех торжествах и живо дублировали и высмеивали как различные моменты, так и участников торжественных церемоний [2, с. 75].

В данной ситуации, уместно вспомнить высказывание М.М. Бахтина: «В карнавале сама жизнь играет, а игра на время

становится собственно жизнью. В этом специфическая природа карнавала, особая сущность его бытия» [6, с. 7].

А вот А.Я. Гуревич выводит игровые формы из обычных ежедневных занятий людей, которые наполняли всю их жизнь. Ученый считает, что карнавал, предвидя, переосмысление официальной культуры в ее игровой форме, исходит именно из нее: превращая — утверждает ее [7, с. 45].

Особенно важное значение имела в народной карнавальной культуре отмена всех иерархических отношений во время самой мистерии. На официальных же праздниках иерархия в социуме умышленно подчеркнута демонстрировалась, на ней чрезмерно акцентировалось внимание. На таких мероприятиях необходимо было появляться независимо от статуса при всех необходимых регалиях в соответствии с рангом или чином, особенно эта ритуальная необходимость касалась, можно сказать, что она строилась на основном образе председательствующей центральной фигуры, лидера праздника — короля, или другого вельможи или, священнослужителя высокого ранга. Таким образом, праздник освещал общественное неравенство. В противоположность этому, на народном карнавале все присутствующие считались одинаковыми по статусу. Данное, временное упрощение иерархических отношений между людьми, создавало на карнавальной площади особый тип общения, который был невозможен в обычной жизни — открытый и свободный от церемониальных норм, этикета и моральности. Основными носителями центрального легкого и иронически-смехового образа в карнавале или маскараде были скоморохи.

Скоморохи, шуты были также непременными участниками пиров и трапез, которые формируются на основе языческих обычаев массовой трапезы после жертвоприношения. Поэтому церковь подвергала строгому осуждению праздничные трапезы и пиры. Ведь они были непосредственно связаны с язычеством: «Почти каждое моление, каждая жертва, каждое празднования того или иного праздника или просто обряда — все это было связано с пиршеством, принесением богатой жертвы [8, с 89].

Принятие скоморохов как умельцев на все руки, представителей бесовских забав, которые играют на бесовских музыкальных инструментах, скоморохов как рабов дьявола и исчадий ада, обреченных в будущей жизни на вечный плач и вечные страдания в аду, придает данным образам характер бесовской силы колдовства, волшебства, ведовства. Зафиксированы также факты, когда игровые традиции шутивого характера сопровождали погребальные

церемонии, причем наличие данных игровых форм присутствует в народных культурах народов Европы и сегодня [9, с. 234].

Следует подчеркнуть, что игровой символ — «Маска» как один из основных атрибутов карнавала оказывается наследством ранних форм религии, символически отражает наслоения разных эпох. В первобытные времена в рамках тотемистического видения мира господствовала вера в полное родство человека с животным, вплоть до полного отождествления их. Многие рассказы о вурдалаках и других оборотнях бытуют в селах до сих пор. В связи с этим интересно обратиться к маске как к языческому символу с чрезвычайно глубокими корнями.

На праздниках аграрного календаря «животное ряжание» было связано с культами богов плодородия, которые умирают и воскресают вновь: возвращаются к предметному миру, преодолевая смерть и принося людям жизнь (урожай). Целью таких праздников было гарантирование сельскому хозяйству покровительства со стороны высших сил. Замаскированных людей считали зооморфными воплощениями аграрных божеств: духов хлеба и растительного мира. Во время этих праздников происходило обрядовое игровое убийство данных образов, после которого они снова оживали, имитируя тем самым процессы круговорота года, а также выступая жертвами, которые должны умереть и вновь возродиться для блага человечества [10, с. 110].

Образы, маски и ритуальные куклы — магические символы тотемного животного мира, в основном овцы и козы присутствовали почти во всех календарных праздниках и ритуальных обычаях славянской народной традиции [4, с. 112]. И в современности эти ритуально-игровые образы сопровождают большинство календарных праздников в фольклорном наследии европейских народов.

Одним из старейших образов был образ быка, распространенный среди европейских народов, в том числе и среди славян. У славян вождения по селу парня, переодетого быком, согласно верованиям, обеспечивало богатый урожай и благополучие на весь год [11, с. 208]. Другим популярным образом был вепрь — символ боевой мощи и плодородия, одна из персонификаций божества, на каждом народном гулянии, относительно традиции, должна публично умереть, что бы снова переродится. Переодевание же в волчью шкуру связывалось с покосами, где волк (собака) фигурировали как духи растительности. Но к «волчьим праздникам», как и ко всем остальным игровым маскарадам и ритуалам, которые по крайней мере частично сохранили элемент переодевания, церковь относилась негативно,

поскольку видела в них сатанинские козни. Дьявола называли «волком ада», и поэтому на это животное было перенесено образ универсального зла. Волк и в современности остается одним из самых негативных сказочных персонажей, но это вовсе не делает данный образ менее популярным, ведь до сих пор существуют маскарады.

Языческой составляющей образов животного мира пока не предоставляется достаточно большого ритуально-культурного значения. Животные не символизируют жертвенность, не выступают спасителями человечества, не несут символическое значение, а остаются лишь частью карнавала — некой игровой декоративно-стилизованной составляющей. Оставив (даже усовершенствовав) свои формы, почти все актуальные в прошлом, маски-образы в современной игровой культуре почти полностью потеряли свою содержательно-смысловую нагрузку.

Что касается масок-образов, которые связаны с перевоплощением божеств, символизирующих природные стихии и космические тела, то важно отметить большую сакральную роль огня, как в народной традиционной так и в карнавально-игровой культуре. В народном мировоззрении огонь выступает как хорошая (конструктивная) и недобрая (деструктивная) сила, которая является посредником между небом и землей. Огонь происходит от Солнца, которое посылает на землю свои огненные лучи. Поэтому огонь является земным проявлением Солнца. Наши предки в X—XI вв. считали огонь Богом, молились ему как Богу Неба и Солнца Сварогу, как Богу небесного огня, а земные огни называли Сварожичами [4, с. 137]. Поэтому огонь считали ближе живому и телесному, чем небесному, потому что он «очищает от грехов и всего телесного, преподносит добро и уничтожает зло». При этом его считали почти живым, святым и могучим. Поэтому к нему относились с уважением, как к Солнцу и другим звездам.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что по своей специфике, гротескно-чувственному характеру и наличию сильно выраженного игрового элемента перевоплощения, умышленного преувеличения — все выше указанные образы-маски близки по выразительности и характерным чертам к театрално-зрелищным и художественно-образным формам известных нам в исторических театрализованных современных балах-маскарадах и народных карнавалах. Интересен также и тот факт, что официальные праздники исторического типа и церковные праздники унаследовали официальную церемониальную традицию, сами по себе они проходили по сценарию, который в свою очередь формировался десятилетиями и изменялся в порядке исключения, нежели закономерности, не давая шанса на импровизацию. В народной же карнавально-фестивальной культуре

в противовес светской торжественной культуре — импровизация не просто имела место быть, она становилась главной игровой основой праздника, давала возможности для необходимого элемента отдыха и нейтрализовала социально-иерархические разграничения в обществе, создавая ощущение иной жизни, свободной от предубеждений, социальной ответственности и существующего государственного устройства. Это был настоящий праздник времени, становления, изменений и обновлений, выступающий как протест против взгляда в прошлое и консервативной традиционности. Но поскольку, эмоциональный центр в карнавальной культуре не формируется как театрально-зрелищное действо, поэтому и стилистически карнавал не относится к искусству, ведь он находится на грани игровой культуры и самой жизни.

Следует отметить, что в основе ментальных потребностей современного человека возникает желание разнообразить общение в социуме, дополняя его образно-игровой составляющей, которая, как исторически сложившаяся тенденция с ментально-этническими чертами, наблюдается в тяготении современного общества к карнавално-игровым формам коммуникации как символическим, творческим вариантам общения.

Список литературы:

1. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. — М.: Индрик, 2003.— 440 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Худож. лит., 1990. — 543 с.
3. Воропай О.О. Обычаи нашего народа. К.: Оберег, 1991. — 384 с.
4. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. — М.: Искусство, 1981. — 358 с.
5. Дмитриева Л.С. Теоретические проблемы праздничной культуры в работах М.М. Бахтина. — СПб.: Алетейя, 1995. — 370 с.
6. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве XI—XVI вв. — М.: Индрик, 2006. — 518 с.
7. Даркевич В.П. Средневековые маскарады Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. — 216 с.
8. Мечковская Н.Б. Язык и религия. — М.: Фаир, 1998. — 352 с.
9. Попович М.В. Мировоззрение древних славян. К.: Наукова думка, 1985. — 167 с.
10. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М.: Наука, 1981.—153 с.
11. Chambers E.K. The Mediaeval Stage. — London : Oxford, 1952. — 113 p .
12. Strutt J. Sports and Pastimes of the People of England. — London: Oxford, 1830. — 152 p.

1.2. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВ ЧЕРНИГОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. В. ТАРНОВСКОГО

Синельник Ирина Сергеевна

советник городского головы

г. Чернигов

E-mail: sirina_1980@i.ua

Черниговский исторический музей имени В. Тарновского (далее — ЧИМ), коллекции которого на сегодня насчитывают около 200 тысяч предметов материальной и духовной культуры со времен древности и до наших дней, является одним из самых богатых музеев Украины исторического профиля.

Свое летоисчисление музей ведет с конца XIX в. — с частной коллекции известного на Черниговщине и в Украине мецената, любителя украинских древностей В. Тарновского-младшего, который свое собрание безвозмездно передал в дар Черниговскому губернскому земству «без права отчуждения из города». В его обращении к земству отмечалось: «Составленный мною в течение всей моей жизни музей местных древностей я желал бы, для верного сохранения их, передать в собственность и заведование Черниговскому губернскому земству с тем, чтобы он помещался в старинном доме над Десной, за собором, и был открыт для обозрения его публикой...» [10].

В 1902 г. в городе был открыт Музей украинских древностей В.В. Тарновского. Однако первый общедоступный музей в городе открылся еще в 1896 г. стараниями Черниговской губернской ученой архивной комиссии [3, с. 348]. С 1906 г. в Чернигове также действовал музей религиозного направления — Епархиальное древлехранилище [9, с. 60]. В 1925 г. названные музеи и новые, основанные советской властью, были объединены в Черниговский государственный музей [17, с. 3].

ЧИМ неоднократно вызывал научный интерес исследователей: изучалась его история, отдельные коллекции музея, но остались без внимания вопросы состояния фондов, основные направления их комплектации. Эта сфера нуждается в более детальном рассмотрении. Цель научной статьи — раскрыть особенности процесса пополнения фондов в ЧИМ, назвать основные источники поступления новых экспонатов в разное время.

В процессе формирования музейных коллекций и создания ЧИМ, в сокровищницу истории и культуры Черниговщины, как можно назвать музей, попали документальные фонды разных учреждений и организаций, частные архивы и разнообразные коллекции, мемориальные вещи известных людей. К тому же, потомки выдающихся деятелей украинской культуры считали за честь передать в музей документы и рукописи своих знатных родственников. Именно так в ЧИМ попали архивы классиков украинской литературы П. Кулиша, И. Нечуя-Левицкого, М. Коцюбинского, черниговского адвоката и общественного деятеля И. Шрага, местного художника И. Рашевского и других [20]. В составе собрания В. Тарновского в ЧИМ сохранились ценные архивные и археологические коллекции, старопечатные книги, оружие разных времен и мастеров. Особый интерес современников вызывают экспонаты древнерусского времени и периода казачества.

В тоже время, коллекции исторического музея Черниговской губернской ученой архивной комиссии включали множество предметов православного культа, подаренных священниками Черниговской губернии (по предварительным подсчетам, музей получил предметы древности почти из 80 храмов губернии) [11, с. 195]. Речь идет об иконах, крестах, деревянной скульптуре, церковной утвари. При подготовке в Чернигове XIV Археологического съезда в 1908 г., состоялись этнографические экспедиции в Нежин, Новгород-Северский, Кролевец, Борзнянский уезд, в результате которых музейные коллекции получили уникальные предметы старинного украинского быта [12, с. 141].

Начало советской эпохи в музейном деле Чернигова открыло новые пути формирования фондов. Они пополнялись, в основном, за счет антиквариата, посуды, мебели, конфискованных у дворян и богатых черниговцев, реже — в результате покупок или подарков частных лиц. Музей помещичьего быта и искусства, который тоже стал частью Черниговского государственного музея, получил коллекции, в составе которых была мебель из ценных пород дерева

XVIII—XIX вв., китайские фарфоровые вазы, бронзовые статуэтки, украинский фарфор, иконы, картины, медали и другие экспонаты.

Во времена закрытия православных храмов и монастырей, в 20—30-е годы XX ст., многие церковные предметы были переданы в ЧИМ, хотя такая участь постигла не все религиозные историко-культурные ценности. В докладной записке Губполитпросвещению — органу местной власти, в ведении которого находился музей, — сотрудник учреждения В. Шугаевский отмечал, что ликвидация монастырей XII—XVIII вв. в Новгород-Северском и Чернигове имеет «бессистемный и непланомерный характер», «большое количество историко-культурных ценностей погибло, или было утилизировано, вместо того, чтобы пополнить музейные фонды» [1, с. 58].

Формирование музейных коллекций ЧИМ зависело также от культурной политики власти, к примеру, в советское время повсеместно практиковалось перераспределение коллекций, и часто соответствующие решения принимались чиновниками, не вникавшими в особенности музейной деятельности. В результате этого, в 1935—1941 г.г. созданному в Чернигове мемориальному музею М. Коцюбинского из ЧИМ было передано около 3 тыс. экспонатов [2, с. 57].

Перед Великой Отечественной войной фонды музея насчитывали 60 тыс. экспонатов, а его научная библиотека — 40 тыс. томов различной литературы. Война, оккупация Чернигова фашистами губительно отразились на развитии фондов ЧИМ. Часть экспонатов была отправлена в эвакуацию в Башкирию. Многие из исторических ценностей, оставшихся в городе, пострадали во время бомбежек, или были вывезены в Германию. Так, коллекция старинной живописи, экспонировавшаяся в Борисоглебском соборе, в 1941 г. серьёзно пострадала во время пожара, возникшего вследствие попадания бомбы [8]. В местном периодическом издании того времени отмечалось, что все ценные памятники исторического музея погибли [5, с. 2]. По окончании войны фонды ЧИМ значительно уменьшились, лишившись 27 тыс. экспонатов и 37 тыс. томов музейной библиотеки [19, с. 3].

В послевоенное время практику передачи музейных коллекций продолжил Комитет по делам культурно-образовательных учреждений при Совете Министров УССР. С конца 40-х гг. до середины 80-х гг. XX в. ЧИМ передал другим музеям и архивам около 8 тыс. экспонатов. В том числе, Черниговский мемориальный музей М.М. Коцюбинского в 1948 г. получил 2066 ед. хранения (архивы П. Кулиша, Г. Барвинок, И. Рашевского), Киевский государственный музей российского

искусства в 1960 г. — 441 ед. (архив художника Н. Ге), Щорский мемориальный музей Н. Щорса в разные годы — 83 экспоната, Черниговский художественный музей в 1983 г. — 3920 ед. [2, с. 58]. В 50-х гг. в письме секретарю Черниговского обкома сотрудники музея жаловались, что «скромные фонды музея раздаются Комитетом по делам культурно-образовательных учреждений при Совете Министров УССР другим музеям без учета интересов Черниговского музея», они считали такую установку неправильной, абсолютно не отвечающей «заботам партии и правительства о развитии местных музеев» [6].

В целом, в результате передач экспонатов другим музеям, фонды ЧИМ оскудели почти на 20 тыс. предметов. Это — оружие, военное снаряжение, бытовые вещи казацкой эпохи, в том числе — сабля и булава гетмана Б. Хмельницкого, рюмка гетмана П. Полуботка; архив Н. Ге; автографы писателей Леси Украинки, Елены Пчелки, М. Рыльского; художественные произведения П. Антокольского, В. Штернберга, Л. Жемчужникова [20].

Правда, в отдельные годы ЧИМ получал экспонаты от других музеев. Наиболее значительной стала передача в 1953 г. экспонатов из Прилукского краеведческого музея — 1239 ед. (коллекция живописи помещика Г. Галагана), из которых позже 469 ед. попали в областной художественный музей. В этой ситуации работники ЧИМ, по сути, спасли коллекцию, поскольку директор Прилукского музея обращался в Киев с просьбой списать и уничтожить экспонаты, называя их «помещичьим хламом» [16, с. 174]. Изымались экспонаты из музейных коллекций также по идеологическим соображениям. Например, в 1953 г. в результате попредметной проверки всего экспонатного фонда изъято и передано в государственный архив 328 ед., не отвечающих идеологическим установкам, а в Киевскую государственную публичную библиотеку — 99 книг на иностранных языках [2, с. 58].

В 60—70-х гг. музейные работники проводили активную собирательскую деятельность. Работали в архивах, собирали фотографии и документы, ездили в районы, где встречались с очевидцами событий, в основном, — Октябрьской революции, гражданской и Великой Отечественной войн, социалистического строительства [7]. Работники музея вели переписку с почти всеми Героями Советского Союза, чья биография была связана с Черниговщиной. По итогам комплексных экспедиций, фонды ЧИМ в это время пополнились предметами домашней утвари конца XIX —

начала XX вв., одеждой того времени, образцами вышивок из разных районов Черниговщины.

На современном этапе развития музея пополнение коллекций происходит в значительной мере за счет приобретения экспонатов на основании соответствующего решения фондово-закупочной комиссии. Так, в 2008 г. закуплено экспонатов на 40 тыс. грн., из которых свыше 14 тыс. грн. потрачено на пополнение коллекции нумизматики юбилейными и памятными монетами Национального банка Украины [13, с. 28]. В 2009 г. на приобретение музейных предметов потрачено свыше 50 тыс. грн. Кроме монет Национального банка Украины, также закупились старопечатные книги, произведения народного декоративного искусства, этнографические материалы, бытовые вещи, серебряная посуда, мебель [14, с. 87—88].

Пополняются фонды ЧИМ также благодаря передаче отдельных экспонатов от организаций, частных лиц. Члены общественной организации «Патриот», занимающейся поиском неизвестных захоронений воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, выявили и передали в музей металлический сейф с документами. По предварительным данным, они принадлежали политотделу 195-ой стрелковой дивизии 5-ой армии Юго-западного фронта, которая в августе-сентябре 1941 г. защищала Чернигов. Документы, пролежавшие в воде 70 лет, нуждались в реставрации, провести которую согласился Мемориальный комплекс «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» в Киеве. Средства на проведение реставрационных работ выделило «Черниговское землячество в г. Киеве», а также предприниматель из Москвы. Первые отреставрированные документы были представлены на выставке, посвященной 65-летию освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков [4].

В 2010 г. фонды музея пополнились на более чем 6 тыс. экспонатов, хотя только 700 из них вошли в основной фонд хранения. Среди уникальных предметов можно назвать материалы Президента Украины Л. Кучмы (фото, личные вещи, книги с автографами, документы; образцы агитационной продукции, протоколы участковых комиссий по выборах Президента Украины в 2010 г.; значки, фотографии, марки, посвященные развитию космонавтики [15, с. 41].

Состоянием на начало 2012 г. собрание ЧИМ насчитывало 134 803 ед. основного фонда и 73 459 предметов вспомогательного фонда. Рост количества предметов вспомогательного фонда состоялся в результате поступлений массового материала из археологических раскопок. Количество предметов вещевой группы увеличилось

до 84 737 ед. за счет объединения в отчетности вещевых предметов с нумизматикой. Сейчас эта группа является наибольшей в фондах музея. Так же увеличилась группа письменных экспонатов и составляет 34 103 ед. Коллекция фотографий насчитывает 13 497 ед. Количество предметов изобразительной группы выросло до 2167 ед., а декоративно-прикладной уменьшилась до 84 ед. [18].

Комплектование музейных фондов, в том числе и региональных музеев, как планомерное и систематическое, научное пополнение их памятками истории и культуры, в разные исторические периоды имеет свои особенности. На состояние их фондов, в первую очередь, влияет культурная политика власти, определяющая, в том числе возможности хранения и научного изучения фондов, приобретения новых экспонатов.

В настоящее время ЧИМ не ставит перед собой цель простого количественного увеличения фондов, ведь их пополнение подчинено концепции развития культурного учреждения. Основными формами новых поступлений на современном этапе развития музея являются: приобретение экспонатов, осуществляющееся за бюджетные средства и собственные деньги ЧИМ, получение в подарок или по итогам этнографических, археологических экспедиций, передача от государственных органов. Ведь, в основе современного музея находятся четыре составляющие — сохранение, изучение, популяризация и приумножение коллекций. Не соблюдение хотя бы одного из направлений негативно отражается на деятельности музея в целом.

Список литературы:

1. Акуленко В. Охорона пам'яток культури в Україні (1917—1991). — К.: Вища школа, 1991. — 274 с.
2. Арендар Г., Лихачева С. Чернігівський історичний музей у 20—90-ті роки // Родовід. — 1996. — Число 14. — с. 45—59.
3. Арендар Г., Лихачова С. Чернігівський історичний музей ім. В.В. Тарновського /Чернігівщина краєзнавча: Календар 2005. Чернігівське земляцтво: автори-упорядники І. Корбач, В. Устименко. — К.: ТОВ «Культурно-освітній, видавничо-поліграфічний центр «Златояр», 2004. — 768 с. іл.
4. Глебов Д. Пролетавшие 70 лет в болоте документы раскроют тайны обороны Чернигова// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gorod.cn.ua/news_38002.html.
5. Голод Ф. Зберегти рештки експонатів // Українське Полісся. — 1942. — 11 січня. — Ч. 5.

6. Государственный архив в Черниговской области (далее — ГАЧО), Ф.Р. — 2124, оп. 1, д. 66, стр. 30.
7. ГАЧО, Ф.Р. — 2124, оп. 1, д. 68, стр. 4.
8. ГАЧО, Ф.Р. — 2124, оп. 1, д. 130, стр. 16.
9. Ісаєнко Л., Мудрицька В. Історія Чернігівського єпархіального давньоховища // Родовід. — 1996. — Число 14. — С. 60—64.
10. Лаевский С. Три условия Василия Тарновского // Зеркало недели. — 2005. — № 29 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://zn.ua/SOCIETY/tri_usloviya_vasiliya_tarnovskogo-44063.html.
11. Лаевський С. Участь священнослужителів у формуванні колекцій музею Чернігівської губернської вченої архівної комісії // Скарбниця української культури: Зб. наук. праць. — Вип. 12. — Чернігів, 2010. — 238 с.
12. Линюк Л. XIV Археологічний з'їзд і музей Чернігівської губернської вченої архівної комісії // Скарбниця української культури: Зб. наук. праць. — Вип. 11. — Чернігів, 2009. — 187 с. — С. 141—147.
13. Линюк Л. Чернігівський історичний музей імені В.В. Тарновського у 2008 році // Скарбниця української культури: Збірник наукових праць. — Вип. 11. — Чернігів, 2009. — 187 с. — С. 23—38.
14. Линюк Л., Лаевський С. Звіт про роботу Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського у 2009 році. // Скарбниця української культури: Збірник наукових праць. — Вип. 12. — Чернігів, 2010. — 238 с. — С. 79—92.
15. Линюк Л., Лаевський С. Про роботу Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського у 2010 році // Скарбниця української культури: Збірник наукових праць. — Вип. 13. — Чернігів, 2011. — 231 с. — С. 33—47.
16. Лихачева С. Повоєнна історія Чернігівського історичного музею у спогадах О.Д. Повод // Скарбниця української культури: Зб. наук. праць. — Вип. 7. — Чернігів, 2006. — 212 с. — С. 172—190.
17. Неділя А. До історії Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського // Скарбниця української культури: Матеріали ювілейної наукової історичної конференції, присвяченої 100-річчю Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського. — Чернігів, 1996. — 103 с.
18. Статистический отчет по форме № 8-НК за 2011 г. — Текущий архив ЧИМ.
19. Сто років Чернігівському історичному музею // Краєзнавство та шкільний туризм. — 1997. — № 2.
20. Черниговский исторический музей им. В.В. Тарновского / Официальный сайт Главного управления культуры, туризма и охраны культурного наследия Черниговской облгосадминистрации // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.cult.gov.ua/blog/2011-12-06-200>.

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОМАТИЗМА КАП «КИСТЬ РУКИ» В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аштабекова Джамия Аштабековна
преподаватель кафедры арабского языка
факультета востоковедения,
Дагестанского государственного университета,
г. Махачкала
E-mail: mariam515@mail.ru

Семантическое пространство соматизма **кап** образовано 12 фразеологизмами. Три фразеологизма объединены общностью фразеологического значения «гладить, поглаживать (рукой)»: *Кап аладарун* — наглаживать, проводить рукой.

Две фразеологические единицы репрезентируют ментальную сущность, передаваемую сочетанием слов «как на ладони». *Капан юкьвал алайди хьиз* — «как на ладони»

Остальной корпус фразеологизмов с компонентом **кап** несводим к единой теме, например, ср.:

Капарихьди алукуьун (падение в сторону кистей рук) — падать ничком;

капар ягьун (кисти рук, битие) — аплодировать; аплодисменты.

Са кап фу (одна кисть руки хлеба) — ломоть хлеба.

Са капа авай кьел (в одной кисти руки имеющаяся соль) — горсть соли и т. д.

Фрагменты семантического пространства соматизма **кап** отражают прототипические ситуации объективной реальности.

Ментальная сущность «гладить, наглаживать» предстает как прототипическая ситуация механического движения кистью руки. При этом внутренняя форма фразеологизмов репрезентируют конкретную прототипическую ситуацию этого действия, ср.:

Я руш, аялдилай кап алтадмир, на адав ксуз тазвач!

Дочь, (по поверхности ребенка кисть руки не намазывай) не гладь ребенка, ты отвлекаешь его от сна!

Как следует из приведенного контекста поглаживание концептуализуется как намазывание кистью руки (по поверхности того, кого гладят).

Эта же прототипическая ситуация концептуализуется в виде «снятия кисти руки», ср.:

Руша аялдилай кап элягъна.

Девушка погладила (с поверхности ребенка кисть руки сняла) ребенка.

Рассматриваемая фразеологическая единица идиоматична, ее внутренняя форма затемнена.

Современная форма глагола *элягъун* «снимать» исторически должна была быть *ала+гъун* (есть на поверхности ноша). В фонетическом аспекте *ала-гъун элягъун* имеет параллели, ср.:

Ава гъун-эвягъун.

Аладун-элядун.

Гола гъун-гелягъун.

Ала гъун-элягъун.

Внутренняя форма глагола *ала гъун* «на поверхности ноша» этимона *элягъун* легко объясняет фразеологическое значение «гладить»: *кап ала гъун* (кисть руки на поверхности ноша) «гладить, поглаживать», т. е. фразеологизм сохранил «языковую память» — концептуализованную прототипическую ситуацию.

Аналогичную внутреннюю форму должно иметь фразеологическое значение *кап алудун* (снятие с поверхности кисти руки) — «поглаживание». В морфологии глагола *алудун* «снятие с поверхности» его содержание должно быть аналогичной семеме *элягъун* «снимать», будучи синонимом последнего. Компонент *эла* (*эля*)-*гъун* семантически равен *ала*-(*дун*)

Третий фразеологический вариант *кап аладарун* также идиоматичен — глагольный компонент *аладарун* в современном лезгинском языке отмечен значениями:

1. переливать через край;
2. накрывать, стелить;
3. рассыпать, разгонять.

Исторически первичным должен быть лексико-семантический вариант *аладарун* — «рассыпать, разгонять». Это вытекает из значения морфем — *ала-* (есть на поверхности), *дар-* «не есть» (ср. табасаранское *дар-* «не есть», *-ун* «делание», эмидированная форма глагола — *авун* «делание»).

Сложение смыслов *ала* «есть на поверхности» + *дар* «не есть» рождает смысл *аладар* — не есть на поверхности и «не делание» предполагает результирующее значение *аладарун* «рассыпать, разгонять» (овец, стадо и т. п.) [Талибов, Гаджиев 1966: 42]. Следовательно, языковая память глагола *аладарун* «разгонять, рассыпать» эксплицирует внутреннюю форму фразеологизма *кап аладарун* (кисть руки разгонять по поверхности) «гладить, поглаживать».

Таким образом, одна и та же прототипическая ситуация поглаживание в лезгинском этническом сознании концептуализуется в трех ипостасях:

1. намазывание кисти руки по поверхности;
2. разгон кисти руки по поверхности;
3. по поверхности бытие кисти руки.

Ментальная сущность, репрезентируемая сочетанием слов «как на ладони» метаязыка, концептуализуется в виде «как на поверхности кисти руки», ср.:

Ингъе Къасумхуор, лап капал алайди хъыз аквазва. Гила чун агакъайдай яхъ (А.И. Самур)

Вот Касумкент виден как на ладони (как на поверхности кисти руки). Теперь считай, что мы прибыли.

Вариант исследуемой единицы имеет внутреннюю форму «как на середине кисти руки» — *капан юкъвал алайди хъыз*.

Ментальная сущность «ползти» концептуализуется как «*капаралди фин*» (на кистях рук передвижение):

Къарагъ, вуи капаралди яргъал фидач!

Вставай, ползком (на кистях рук) далеко не уйдешь!

Прототипическая ситуация «аплодировать» концептуализирована в форме «битие кистями рук», ср.:

Артист сегънедал акъуч! намазди хуьруьнбуру капар ягъиз башламина.

Едва артист вышел на сцену, как сельчане стали хлопать (кисти рук бить).

В представлении носителей лезгинского языка кисть руки может выступать в функции единицы измерения — горсти:

Чи к|вале къел амач, фена къуншидавай са кап гъваши.

У нас дома соль закончилась, пойдй к соседке и попроси одну горсть (кисть руки), ср. также

Са кап фан патал накамалай няналди к|валах тийич хьи.

Ради куска (кисти руки) хлеба нельзя же работать с утра до вечера.

Концептуализация ментальной сущности «переполненный» происходит на основе образа воды, переливающейся из пригоршни, ср.:

Тамадади тапшуругъ гьасятда тамамарна: вази гьиле кап аладарайди х|из ац|ай истикан вугана

Тамада тут же исполнил поручение и вложил в мою руку переполненный (как кисть руки переливающийся) стакан.

В этническом сознании носителей лезгинского языка метафорическое бытие в чьей-либо кисти руки ассоциируется с достатком и уважением, ср.:

Севзихан: Ваз чизва хьи, зун тек гада я. Жуваз хва виле къабула. Айнаразни заз са мехьер ая. Мад вуна к|валах хьувун герек туш чна вун, Алияр дау, капал къачуна хуьда (Н.А. Сифтегван къван).

Ты же знаешь, я одинок. Меня возьми вместо сына. Айне и мне свадьбу сыграй. Больше тебе не надо будет работать, Алияр-отец, на руках тебя носить будем (на кисти руки взяв, ухаживать будем).

Синоним *кап* «кисть руки» *капаш* отличается от первого отрицательной коннотацией, которая сохраняется и в морфологии отмеченных фразеологических трех единиц.

Два фразеологизма репрезентируют семантику прототипической ситуации «дать оплеуху». Эта ситуация концептуализуется в двух вариантах:

1. «кисть руки бросить сверху вниз», ср.:

Хьваз акурла за адаз са къве капаш вегьена.

Увидев, что он пьет, я влепил ему затрещину (кисть руки бросил сверху вниз).

Та же прототипическая ситуация представляется менее эмоциональной при замене глагола «*вегьин*» глаголом «*гун*», ср.:

Хьваз акурла за адаз са къве капаш гана.

Увидев, что он пьет, я дал ему затрещину (одну — две кисти руки).

Отрицательная коннотация сохраняется и при кодификации прототипической ситуации поисков чего-либо, ср.:

Яда, вуна капаш экьурзава, заз ан на юкьуз жегьзидай зат|авач.

Слушай, ты в чем шаришь (заставляешь кисть руки прохаживаться), я там даже днем ничего не могу найти.

Приведенный контекст указывает на то, что в общественном сознании носителей лезгинского языка прототипическая ситуация «шарить в чем-либо» отложилась как «заставить руки прохаживаться в чем-либо».

Список литературы:

1. Гюльмагомедов А.Г. Фразеологический словарь лезгинского языка. — Махачкала, 1975.
2. Гюльмагомедов А.Г. Словарь лезгинского языка: Т. 1. — Махачкала, 1975.
3. Магомедова Н.А. Семантическое пространство концептов «свет» и «тьма» в лезгинском и французском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2009. — 25 с.
4. Магомедова С.И. Соматизмы «глаз», «сердце», «голова» в объективации картины мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2009. — 24 с.
5. Магомедов Р.Ш. Лингвокультурологический анализ концепта «жилище» в лезгинском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Махачкала, 1999. — 22 с.
6. Яралиева Э.М. Семантическое пространство соматизмов рик1/ heart в лезгинском и английском языках: Автор. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2010. — 24 с.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ НОМИНАТЕМ ТИПА «СЛОВСОЧЕТАНИЕ + ЭЛЛИПТИЧЕСКИЙ УНИВЕРБЬ»

Дьячок Наталья Васильевна

*канд. филол. наук, доцент Горловского института иностранных
языков Донбасского государственного педагогического университета,
г. Горловка, Украина
E-mail: dyachoknatalya@mail.ru*

Целью данной статьи является определение статуса универбов в русском языке, а также описание особенностей их возникновения и функционирования.

В традиционном понимании универбация является проявлением синтетизма в словообразовании, то есть выражением одним словом (простым, производным или сложным) комплекса значений, выражаемых в аналитических конструкциях сочетаниями слов. В русской лингвистической литературе существуют и другие термины-синонимы: включение (Сиротина, 1974), стяжение или семантическая конденсация (В.Н. Немченко, А.В. Исаченко, 1958; Л.А. Капанадзе, 1973), семантическая компрессия (В.В. Лопатин, 1977), универбация (Е.А. Земская, 1968; И.П. Глотова, 1977; Л.И. Осипова, 1994). Однако все ученые согласны с тем, что универбация — явление деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения совсем не словообразовательные.

В.И. Теркулов считает, что такие «дериваты» являются на самом деле универбализованным (вербальным) эквивалентом словосочетания. То есть универб рассматривается им как «слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию» [8, с. 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу эллиптической универбации.

Под универбом нами понимается семантически и грамматически тождественное определенному словосочетанию слово, могущее стилистически отличаться от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами разговорности, сленговости либо стилистически

совпадать с ним, являющееся наряду со словосочетанием дублетом одной номинатемы.

А.В. Исаченко ввел в научный обиход под термином «универбация» понятие утраты формальной и семантической расчлененности наименования. В данном случае лингвист имел в виду явления словосложения (*прямолинейный, водовоз*), сращения (*накануне, долгоиграющий*), эллиптического пропуска одного из элементов комплексного наименования (эллипсис означаемого члена, то есть субстантивация (*рабочий, военный, передовая*), эллипсис означающего члена (*газовая плита — плита, патефонная пластинка — пластинка*)), аффиксальной деривации (*молотильная машина — молотилка, прогрессивная зарплата — прогрессивка*), нулевой суффиксации (*противогазовая маска — противогаз*), различные типы сложносокращенных слов (*медработник, ПАЗ, НИИ, мопед*).

Со временем значение вышеуказанного термина было сужено до определенного типа преобразования словосочетания в слово, при котором «в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват (универб) по форме соотносится с одним словом, а по смыслу — со всем мотивирующим словосочетанием (*многотиражная газета — многотиражка*)» [5].

Из классификации А.В. Исаченко к универбации в новом значении можно отнести так называемую аффиксальную деривацию (типа *прогрессивная зарплата — прогрессивка, кожаная куртка — кожанка, брать в жены — жениться*) и нулевую деривацию (типа *противогазовая маска — противогаз, богатый человек — богач*), причем с замечанием относительно некорректности термина «нулевая деривация». Данный термин сопряжен со столь же некорректными терминами «нулевая аффиксация» и «нулевой аффикс».

Бесспорно то, считаем мы, что существительное *противогаз* соотнесено имитацией морфологической деривации со словосочетанием *противогазовая маска*. Этот способ реализации номинатемы с доминантой-словосочетанием является омонимичным традиционному бессуффиксному способу морфологического словопроизводства (Н.М. Шанский, З.А. Потиха). Нулевая суффиксация неоднократно рассматривалась в теоретическом аспекте. Этого нельзя сказать, например, об историческом или ахроническом аспектах данной проблемы.

«Нулевые словообразовательные средства, способ нулевой суффиксации не были искони присущи системе славянского словообразования» [4, с. 38]. Слова указанного выше типа формировались «на базе аффиксального производства существительных посредством

тематических суффиксов *ĩ, õ, ÿ, a* (> *ь, ъ*)» [9, с. 286], именно поэтому подобные образования имели в своей структуре иногда приставочную, корневую, суффиксальную и флективную морфемы: *рокъ* (**rõkõs*), *порокъ* (**rõrõkõs*), *урокъ* (**aurõkõs*) и т. д. Вслед за Г.А. Николаевым мы полностью разделяем мнение А.В. Десницкой, считавшей, что многие из подобных образований «могут быть сравнительно нового происхождения. Но как тип, это словообразование имеет очень большую древность, соответствуя аналогичным построениям древнегреческого и санскритского языков и уходя своими корнями в далекие эпохи выработки категории имени и глагола» [2, с. 14].

Понятие нулевой аффиксации, а также близкое ему по сути понятие нулевой морфемы представляются нереальными не только в историческом, но и в синхронном теоретическом аспекте.

Нулевая морфема, или нулевой аффикс, — «отсутствие аффикса в какой-либо форме, противопоставляемое положительно выраженным аффиксом в других формах той же парадигмы» [6, с. 213].

Изначальное противоречие заложено в самом термине, в котором атрибут «нулевой» по своему исконному значению абсолютно синонимичен определению «отсутствующий». Другими словами, термин «нулевой аффикс (морфема)» по семантике составляющих компонентов идентичен термину «отсутствующий аффикс (морфема)». Однако в этом случае трудно определить, что же обозначает термин: материально не выраженную субстанцию или отсутствие всякой субстанции.

В.И. Теркулов в своих заметках «К вопросу о нулевой флексии» считает также, что данное понятие противоречит теории знака. Как известно, знак — это «материально-идеальное образование..., репрезентирующее предмет, свойство, отношение к действительности» [3, с. 67]. «Это предполагает, что план выражения знака является элементом, субституирующим реальность, причем эта способность к субституции и есть сущность знака. Если же у знака нет плана выражения, то отсутствует и способность к субституции, а, следовательно — отсутствует и сам знак» [7, с. 353—354].

Однако ученые поддерживают мнение о том, что оправдать отсутствие плана выражения у знака можно за счет констатации того, что знак данного типа находится на периферии системы. При этом существование нулевых аффиксов обосновывается не столько внутренними закономерностями существования системы, сколько необходимостью заполнения парадигматических лакун: «Под нулевой суффиксацией понимается нами показательное отсутствие формального знака при наличии четкой соотнесенности с производящей основой в системе родственных суффиксальных образований» [1, с. 102].

Выражаясь иными словами, например, у слова *синхрон* выделяют нулевой суффикс только потому, что материально выраженный суффикс есть в других тождественных, синонимичных или близких по значению данному универбах соответствующих им номинатом, например, *синхронный перевод* — *синхрон* и *синхронный перевод* — *синхронка*.

В нашем случае можно предложить другой способ трактовки понятий «аффикс» вообще и «нулевой аффикс», в частности для универбов — реализаций номинатом с доминантой-словосочетанием. Если, вслед за В.И. Теркуловым, мы называем универб вербальной реализацией номинатемы, то есть фактически ее формой, а процесс универбации понимаем как процесс, сопряженный не с внешней, а с внутренней мотивированностью, то формирование каждого отдельного универба можно считать формообразованием, а морфему, при помощи которой универб формируется — формообразующим аффиксом, лишь имитирующим словообразовательный. Поскольку аффикс универба имитирует словообразовательный, то, в первую очередь формально, он не может быть определен как флексия; каждый универбальный аффикс мы определяем как материально выраженный либо материально не выраженный реляционный суффикс, конфикс и т. д.

Таким образом, являясь абстрактной единицей, морфема существует всегда, воплощаясь в алломорфах, которые могут быть материально выражены либо материально не выражены, что, впрочем, не делает ущербными структуру и значение слова.

В связи с этим термины «нулевая аффиксация», «нулевой аффикс (морфема)» являются неуместными в данном случае как не отвечающие действительности.

В продолжение затронутой темы позволим себе еще одно замечание. Оно касается определения статуса существительных типа *асфальт* (*асфальтовая дорога*), *стационар* (*стационарное отделение*), *синхрон* (*синхронный перевод*), *плацкарт* (*плацкартный вагон*) и т. п. В данном случае вполне оправданным является вопрос: перед нами результат метонимии или универбации, а именно — имитации материально не выраженной аффиксации (суффиксации)?

Напомним, что метонимия — это семантическое явление, сущность которого заключается в переносе значения по смежности, например, *серебро* (*посуда, сделанная из серебра*), *бумага* (*документ, написанный на бумаге*) и т. п.

Мы считаем, что существительные типа *стационар* или *асфальт* являются универбами и результатами имитации материально не выраженной суффиксации, поскольку наряду с ними в речи используются словосочетания *стационарное отделение* и *асфаль-*

товая дорога с тождественными им значениями. Кроме того, словосочетания и соответствующие им универбы связаны отношениями внутренней мотивированности.

У слова же (номинатемы — Н. Д.), новое значение которого приобретено в результате семантического процесса метонимии, нет равноправного по значению и употреблению словосочетания, к тому же данное слово не связано с первичным (производящим) словом отношениями ни внешней, ни внутренней мотивированности, то есть абсолютно не зависит от словосочетания или слова мотивационно.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. термин «нулевая аффиксация» некорректен как в плоскости традиционного словообразования, так и в области его имитации;
2. аффикс всегда имеет значение, следовательно, его можно определить как материально не выраженный формант;
3. формирование универбов определенного типа не является метонимичным, так как явление метонимии невозможно в пределах одной конкретной номинатемы.

Список литературы:

1. Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П. О тождестве слова // Филол. науки. — 1965. — № 2. — С. 59—68.
2. Десницкая А.В. К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках // Ученые записки ЛГУ. — Вып. 14. — 1949. — С. 11—16.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 688 с.
4. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. — Казань: КГУ, 1987. — 224 с.
5. Осипова Л.И. Суффиксальная универбация как продуктивный способ образования новых слов в русской разговорной речи // Русский язык: исторические судьбы и современность. Сб. тезисов II Международного конгресса исследователей русского языка. — М., 2004. — С. 17—18.
6. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1976, 1985. — 400 с.
7. Теркулов В.И. К вопросу о «нулевой флексии» // Нариси досліджень у галузі гуманітарних наук в педвузі. — Горлівка: ГДПШМ, 1995. — С. 353—355.
8. Теркулов В.И. Еще раз об основной единице языка // Вісник Луганського національного університету ім. Т.Г. Шевченка. — Луганськ, 2006. — № 11 (106). — С. 127—136.
9. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. — М.: МГУ, 1966, 1968. — 312 с.

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ-СКАЗУЕМЫХ В ЯКУТСКОМ ТЕКСТЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ

Сивцева Наталия Александровна

*канд. филол. наук, н. с. ИГИиПМНС СО РАН,
г. Якутск*

E-mail: sivna@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-34-00356а2 «Временные формы глагола как средство межфразовой связи в якутском языке».

Глагол в якутском языке является достаточно изученной частью речи, однако его исследования в аспекте проблемы текста в настоящее время отсутствуют. В некоторых трудах по якутскому языку вопросы глагола рассматриваются на уровне текстового материала. Однако, так как теоретическое представление текстовых категорий, единиц на материале якутского языка до сих пор находится на начальной стадии, в них не используется терминология лингвистики текста, все примеры, основанные на текстовых фрагментах, сведены к понятию контекст или обозначены как отрывки из текста.

Исследование языковых явлений на уровне текста дает возможность наиболее точно выявить, описать их суть, шире и глубже раскрыть их потенциал. По мнению исследователей, «почти идеальной моделью» текста является сложное синтаксическое целое (далее — ССЦ) — структурно-семантическая текстовая единица, представляющая собой «группу взаимосвязанных самостоятельных предложений, объединенных лексико-грамматическими и ритмомелодичными признаками, характеризующих какую-либо сторону описываемого предмета (явления)» [1, с. 15—80], в его структуре обнаруживаются «практически все принципы, приемы, средства, релевантные для текста» [2, с. 100—101]. В этом отношении изучение языковых явлений, их текстообразующей функции на уровне ССЦ является целесообразным.

Любая синтаксическая конструкция существует благодаря синтаксической связи. Как отмечают исследователи, «без синтаксических связей нет и не может быть никаких синтаксических объектов, никаких синтаксических субстанций, поскольку синтаксический объект всегда мыслится как конструктивный, построенный тем или иным способом» [3, с. 7]. Средства синтаксической

организации текста, обеспечивающие его целостность и связность, подразделяются на лексические, морфологические и синтаксические. Единство временных форм глаголов-сказуемых, подчеркивающих цельность и связность текстовых единиц, относят к морфологическим средствам межфразовой связи [5, с. 8].

Данная статья посвящена временным формам глаголов-сказуемых в якутском тексте научного стиля. Рассмотрим фрагмент текста (римскими цифрами обозначаются номера ССЦ в фрагменте текста, арабскими цифрами — порядковые номера предложений в ССЦ):

I. (1) Уруккутун курдук, бу томна идэ лексиката эмиэ киирдэ. (2) Бу — киин оройуоннарга биллибэт хаһаайыстыба ураты салаатыгар (таба ийтиитигэр, балык, тыа булдугар о.д.а.) туттуллар аналлаах тыл-өс. (3) Балар тылдыкка балачча киэнник хабыллылар. (4) Итинник тыллар кэккэлэриттэн соорохторо литературнай тылга хайыы-үйэ киэнник туттуллар буоллулар.

II. (1) Тылдыкка түөлбэ тыла буолуулар мөккүөрдээх тыллар эмиэ бааллар. (2) Олор түөлбэ тыла икки литературнай тыл икки ардыгар халбантыы сылдыар аранаҕа киирсэллэр (омуруйуу онн. омурбан, чуумсук онн. чуум көрөөччү о.д.а.). (3) Манник тыллары түөлбэ тылын тылдытыгар киллэрэн, литературнай тылтан букатыннаахтык быһаан-арааран кэбисэппит. (4) Балар литературнай тыл биир баай элеменэ буолаллар. (5) Онуоха тыл сайдыытын тыыннаах хамсааһына көстөр.

Как и раньше, в том вошла так называемая профессиональная лексика, т. е. активные в регионе слова, употребляемые в определенной отрасли хозяйства (оленоводство, рыболовство, охота и т. д.), которые в центральных районах республики не характерны, экзотичны. Подобный пласт лексики в словаре представлен довольно широко. Известно, что из числа таких слов многие уже прочно вошли в состав литературного языка.

В словаре также представлены слова, диалектная принадлежность которых может быть спорной. Они бытуют как бы на стыке диалектной и общелитературной лексики (омуруйуу вм. омурбан «перерыв для отдыха и еды в сельхозработе», чуумсук вм. чуум корооччу «работник чума» и т. д.). Включение этих слов в диалектологический словарь, как нам кажется, не означает, что они окончательно определены как диалектные. Они составляют один из элементов, за счет которых обогащается литературный язык. В данном случае отражается некий этап живого процесса развития языка [4, с. 13].

Вышеприведенный фрагмент текста состоит из двух ССЦ, в композиционно-стилистическом плане графически выделенных в виде абзацев. С точки зрения функционально-смысловых типов речи данный отрывок представляет повествование с вкраплениями рассуждения. Функциональный стиль фрагмента — научный. Первое ССЦ состоит из четырех предложений, соединенных цепной связью при помощи местоимений ((1,2) *бу* — указательное местоимение; (3) *балар* — указательное местоимение во мн. ч.; (4) *итинник* — определительное местоимение). Первое предложение, зачин фрагмента, в семантическом отношении тесно связано со всем текстом, что выражено в значении местоимения *бу*, указывающего на смысловую нагрузку предыдущего предложения, не включенного в данный отрывок. В плане синтаксических функций местоимения, выступающие средствами связи между предложениями в данном ССЦ, представлены следующим образом: (1) *бу* — определение; (2) *бу* — подлежащее; (3) *балар* — подлежащее; (4) *итинник* — определение. Второе ССЦ включает пять самостоятельно оформленных предложений, которые объединены цепной связью. Основными средствами связи при этом выступают местоимения и их производные формы: (2) *олор* — указательное местоимение во мн. ч.; (3) *маннык* — определительное местоимение; (4) *балар* — указательное местоимение во мн. ч.; (5) *онуоха* — форма указательного местоимения *ол* в дат. п. Зачин данного ССЦ (1) начинает изложение новой микротемы, при этом смысловая связь с первым ССЦ достигается формальным и семантическим единством дополнений в первых предложениях, представленных в качестве синонимов в контексте данного фрагмента (I ССЦ: (1) Уруккутун курдук, *бу томна* идэ лексиката эмиэ киирдэ. / II ССЦ (1) *Тылдыкка* туолбэ тыла буолуулар мөккүөрдээх тыллар эмиэ бааллар). В пятом предложении, концовке второго ССЦ, форма указательного местоимения *ол* в дат. п. *онуоха* является аналитической скрепой прономинального типа, обозначающей описание события, которое является следствием предыдущего. Местоимения и их производные формы в качестве средств межфразовых связей выполняют следующие синтаксические функции: (2) *олор* — подлежащее; (3) *маннык* — определение; (4) *балар* — подлежащее; (5) *онуоха* — обстоятельство. Временные формы глаголов-сказуемых преимущественно представляют единство (форма недавнопрошедшего времени: I. (1) *киирдэ* — (3) *хабалыннылар* — (4) *туттуллар буолуулар*; форма настоящего-будущего времени: II. (1) *бааллар* — (2) *киирсэллэр* — (4) *элеменэ буолаллар* — (5) *көстөр*). Исключение составляют следующие сказуемые: I. (2) *тыл-өс* (именное сказуемое);

II. (3) *быыһаан-арааран кэбиспэппит* (отрицательная форма законченного вида глагола-сказуемого).

Таким образом, в якутском тексте научного стиля также наблюдается соблюдение единства временных форм глаголов-сказуемых в качестве средств межфразовой связи, что подчеркивает связность и завершенность текстовых единиц.

Список литературы:

1. Лосева Л.М. Как строится текст. — М.: Просвещение, 1980. — С. 15—80.
2. М.Я. Дымарский Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX—XX вв. — М.: КомКнига, 2006. — С. 100—101.
3. М.И. Черемисина, Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 7.
4. Предисловие // Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. — Новосибирск: ВО «Наука», 1995. — С. 13.
5. Цырендоржиева Б.Д. Межфразовые связи в современном бурятском языке (на материале категории личного притяжания): Автореф. дисс. ... к.ф.н. — Улан-Удэ, 2008. — С. 8.

2.2. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ВАРИАНТНОЕ УДАРЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ -Н- В ПОЭЗИИ ЛЕСИ УКРАИНКИ (В СРАВНЕНИИ С УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМОЙ)

Сачко Марьяна Степановна

препод. национального университета «Львовская политехника»,

г. Львов

E-mail: z.kotsiuba@mail.ru

В последнее время акцентная характеристика как отдельных слов, так и соответствующих типов слов разных морфологических классов в поэтических произведениях является отдельным направлением среди научных акцентологических исследований украинского языка. Однако, анализируя поэзию, следует учитывать «дихотомический характер акцентуации лексем в поэтическом употреблении. С одной стороны, — здесь в основном сохраняются общие закономерности и тенденции литературной речи, с другой, — ударение слов имеет и свои особенности: не всегда грамматические ударения слов и их форм совпадают в поэтических текстах с ударениями ритмическими или функционально маркированными» [7, с. 6]. Поэтому акцентуация слов в поэтических произведениях является благодарным материалом при исследовании процесса становления и развития акцентной системы языка. Так, известны публикации, посвященные изучению акцентирования слов в поэзии И. Котляревского [8], Т. Шевченко [5; 12], И. Франко [4], Леси Украинки [10].

Еще в свое время М. Рыльский указывал, что ударения в Леси Украинки нередко расходятся с общеупотребительными. Система ее ударений — а это все-таки система — могла бы быть очень интересной темой для научной работы [11, с. 67].

Цель данной статьи — охарактеризовать вариантную акцентуацию имен прилагательных с суффиксом *-н-* в поэтической практике Леси Украинки в сравнении с современной акцентной нормой украинского и русского языков.

В поэтических произведениях Леси Украинки прилагательные с суффиксом *-н-* функционируют с корневым (доминирующим)

и (менее распространенным) флективным ударением. В одних случаях они сохраняют накорневую акцентуацию мотивирующих слов (*бра́тний, ві́рний, госпо́дній, ді́мний, кра́йній, лі́тний, міся́чний, мі́рний, ра́нний, тумáнный*), которая совпадает с современной акцентной нормой, как и в русском языке (*бра́тний, ве́рный, госпо́дний, ді́мный, кра́йний, ле́тний, ме́сячный, мі́рный, ра́нний, тумáнный*). Другие не сохраняют акцентирование мотивирующих слов (*бі́дний, вечі́рній, голо́дний, грі́зний, осі́нній, молóчний*). Так же и в русском языке — *бе́дный, вече́рный, голо́дный, гро́зный, осе́нный*.

Флективная акцентуация анализируемых прилагательных соответствует их ударению в современном украинском и русском языках (укр.: *ду́рний, зе́мний, ку́рний, лі́сний, ні́чний, ну́дний, вста́вний, стра́шний, чу́дний*; рус.: *ду́рной, зе́мной, ку́рной, ле́сной, но́чной, ну́дой, ста́вной*, но *стра́шный, чу́дный*).

В украинских акцентированных памятниках конца XVI — начала XVIII в. указанные прилагательные зафиксированы с разным ударением. Так, например, слово *чу́дний* имеет корневое акцентирование [7, с. 304]; у прилагательных *зе́мний, ні́чний, стра́шний* превалирует накорневая акцентуация, и реже они выступают с ударением на окончании [3, с. 87; 7, с. 303]. В древних памятниках русского языка XVI—XVIII в. слова *во́дный, стра́шный, че́стный* имеют двойное ударение, прилагательные *зна́чный, ро́дный, сму́тный* — корневое, а с флективным акцентированием выступает слово *ну́дой* [3, с. 88].

В прилагательных с суффиксом *-н-* флективная акцентуация носит вторичный характер, поскольку она возникла вследствие перемещения ударения с корня на окончание, которое происходит с давних времен на протяжении веков и длится до сих пор, охватывая все большее количество слов, и поэтому нередко сопровождается колебанием ударения. Подтверждением этому служит поэтический материал конца XVIII—XX вв. Причем в поэзии XIX в. шире распространено вариантное акцентирование, чем в поэтической речи XX в. В связи с этим акцентный статус флективного типа ударения по сегодняшний день точно не определен [6, с. 32].

Как следствие существования двух типов ударения (корневого и флективного) в анализируемых прилагательных, а также указанной тенденции к передвижению ударения с корня на флексию, в поэтической практике Леси Украинки функционирует ряд прилагательных с вариантным акцентированием.

Имя прилагательное *бу́йний* чаще выступает с корневой акцентровкой и реже употребляется с ударным окончанием:

Та й умилась буйною росою Та моя найкраща рожка мила; Личить співати вам пісню кохання волі своїй, молодій та буйній, рано співать панахиди по ній. В одном случае поэтесса употребляет субстантивную форму прилагательного *буйнй* с поставленным ударением в тексте: ***Буйнй*** шукає сходу сонця.

В акцентированных памятниках украинского языка конца XVI — начала XVIII в. это прилагательное имеет корневую акцентуацию. Со временем в украинском языке конца XIX — начала XX в. прослеживается колебание ударения, которое отображено в поэзии Леси Украинки и других поэтов, например, И. Франко. Еще Л. Булаховский рекомендовал — *буйний* и *буйній* [2, II, с. 392], а И. Огиенко — только корневое ударение — *буйний* [9, с. 274]. С таким акцентированием это прилагательное функционирует в современном украинском и русском языках.

В поэзии Леси Украинки прилагательное *дівний* чаще функционирует с ударением на корне и реже имеет акцентированную флексию: *Перед світом у святу неділю Вельми дівний сон мені приснився; Знайте, браття: хто пісні смутної Вислухати від мене прийде, не забуде він пісні дивної.* В трех случаях поэтесса ставит флективное ударение в тексте: *І красу небувалу, дивну, чарівну дасть обличчю останній рум'янець.* В древних акцентированных памятниках и в украинском языке XIX—XX вв. рассматриваемое прилагательное последовательно употребляется с корневой акцентровкой, а флективная его акцентуация в поэтической речи Леси Украинки (при явном превалировании ударения на корне) является диалектной, и она обусловлена влиянием такого акцентирования в северных говорах украинского языка. Современная литературная норма украинского (как и русского — *дівний*) признает корневое ударение — *дівний*.

В поэтических текстах Леси Украинки слово *смутний* употребляется с вариантным акцентированием — корневым (доминирующим) и флективным (менее распространенным): *Смутна оселя!.. В веселій країні; Дивлюсь я на ясні зорі, Смутні мої думи, смутні.*

Накорневая акцентуация названного прилагательного, которая совпадает с ударением мотивирующего существительного, в украинском языке является первичной, и в акцентированных памятниках засвидетельствована такая акцентровка [3, с. 88]. В процессе исторического развития в связи с тенденцией к перемещению ударения с корня на окончание прилагательных с суффиксом *-н-* анализируемое слово употребляется с колебанием

в акцентировании и постепенном упрочении флективной (нормативной) акцентуации — *смутній*, а в русском языке литературной нормой является первичное корневое ударение — *смѣтній*.

Имя прилагательное *трудній* в поэтической практике Леси Украинки также функционирует с двояким акцентированием — первичным на корне и вторичным — на окончании: *Сумне мое серденько **трудне**; Так у спеку в пустелі мандрівці **трудні***.

В акцентированных памятниках украинского языка конца XVI — начала XVIII в. указанное прилагательное фиксируется преимущественно с ударением на корне и редко встречается флективное акцентирование [3, с. 88; 7, с. 305]. Позднее в лексикографических работах, акцентологических исследованиях закрепляется двойное ударение, а в украинской классической поэзии слово *трудній* еще шире употребляется с колебанием ударения [7, с. 305—306]. Л. Булаховский, фиксируя *трудний* и *трудній*, объяснял, что в сравнении с русским языком ударение на *-ний* в украинском более распространено [1, с. 24]. Современные украинские словари рекомендуют *трудній*, а в поэзии XX века выступает вариантное акцентирование [7, с. 306]. В русском языке сохраняется первичная корневая акцентуация — *трудный*.

В поэтических произведениях Леси Украинки прилагательное *дрібній* в большинстве случаев имеет акцентированную флексию и лишь изредка встречается с ударением на корне: *Дівчина пряде, і на кужіль Все котяться сльози **дрібні**; Хай буде мій милий щасливий, як **дрібна** пташина в маю*.

В древних памятниках украинского языка анализируемое слово регистрируется с корневой акцентуацией, хотя бывает и флективное акцентирование [3, с. 88]. В лексикографических работах конца XIX — начала XX в., украинской классической поэзии, акцентологических исследованиях того времени прилагательное *дрібній* фиксируется с разным ударением. Поэтому его акцентные варианты, выступающие в поэтической речи Леси Украинки (при подавляющем большинстве случаев флективного ударения), отображают результат незавершенных акцентуационных процессов. Современной акцентной нормой украинского языка является вторичное флективное акцентирование — *дрібній*, а русского — первичное — *дробный*.

Таким образом, функционирование акцентных вариантов прилагательных с суффиксом *-н-* в поэтической речи Леси Украинки — это результат наличия и конкуренции с давних времен в украинском языке двух типов ударения (корневого и флективного), а также действие тенденции к перемещению ударения с корня

на окончание, нормализация которой в основном завершилась в первой половине XX в. В связи с этим некоторые анализируемые прилагательные в современном украинском литературном языке имеют первичное корневое акцентирование (*буйний, дівний*), другие — вторичное флективное (*дрібний, смутний, трудний*), а первичное корневое ударение является нормативным в русском литературном языке — *буйный, дивный, drobный, смутный, трудный*.

Список литературы:

1. Булаховський Л.А. Український літературний наголос (характеристика норми). — Київ — Львів: Рад. школа, 1947. — 54 с.
2. Булаховський Л.А. Вибрані праці: В 5-и т. — Київ: Наук. думка, 1975 — 1980.
3. Веселовська З.М. Наголос у східнослов'янських мовах початкової доби формування російської, української та білоруської націй (кінець XVI — початок XVIII століть). — Харків: Вид-во Харк. ун-ту, 1970. — 163 с.
4. Винницький В.М. Парокситонічна акцентуація дієслів (на матеріалі поетичного мовлення І. Франка) // Мовознавство. — 1980. — № 5. — с. 14—23.
5. Винницький В.М. Наголошування прикметників у поезії Т.Г. Шевченка // Укр. мова і література в школі. — 1981. — № 3. — с. 26—30.
6. Винницький В.М. Акцентная система современного украинского литературного языка. Автореф. дисс. докт. филол. наук. — Киев, 1985. — 48 с.
7. Винницький В.М. Українська акцентна система: становлення, розвиток. — Львів: Біблос, 2002. — 578 с.
8. Зинякова А.А. Наголошення іменників в «Енеїді» І. Котляревського. Автореф. дис. канд. філол. наук. — Київ, 1997. — 23 с.
9. Митрополит Іларіон. Український літературний наголос. — Вінніпег, 1952. — 304 с.
10. Міджин Р.С. Акцентуація іменників у поезії Лесі Українки. Автореф. дис. канд. філол. наук. — Львів, 2007. — 20 с.
11. Рильський М. Ясна зброя. — Київ: Рад. письменник, 1971. — 285 с.
12. Скляренко В.Г. Авторські наголоси в творах Т.Г. Шевченка // Культура слова. — 1989. — Вип. 37. — с. 22—25.
13. Скляренко В.Г. Слова з двома наголосами в поетичних творах Лесі Українки // Культура слова. — 1991. — Вип. 40. — с. 32—35.
14. Українка Леся. Зібрання творів: У 12-и т. — К.: Наук. думка, 1975—1979.

2.3. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ДОМ»

Кунина Наталья Ефимовна

*канд. филол. наук, заведующая кафедрой английского языка
Челябинского государственного педагогического университета,
г. Челябинск*

Бердникова Ирина Александровна

*канд. пед. наук, доцент
Челябинского государственного педагогического университета,
г. Челябинск
E-mail: berdnikov_78@list.ru*

Концепт «Дом» не является чисто культурным и социальным феноменом, в первую очередь изучаемый концепт представляет интерес в лингвистическом плане. Как известно слово «home» достаточно многозначно, но в его первостепенной дефиниции присутствуют такие понятия как «безопасность», «семья», «счастье» [4, с. 621]. В Староанглийском доме считалось имение, имущество, участок. Проанализировав семантику и этимологию данного слова, можно предположить, что «безопасность» играет доминирующую роль в концептуализации понятия «дом» на начальном этапе развития английского языка. Во фразеологии это предположение подтверждается в следующих фразеологизмах: “An Englishman’s home is his castle», «to be as safe as houses”, “home and dry”. В нашем исследовании понятие «дом» подразумевает место, где люди живут, чувствуют себя безопасно, свободно, комфортно.

Несмотря на то, что защита и безопасность играют достаточно важную роль в жизни людей, ещё одной важной потребностью, близкой по значению к первой является потребность человека в любви и заботе, т.е. в семье. Следовательно, концепт «Дом» так же пересекается с концептами «семья» и «счастье», например: “to be/feel at home”, “home sweet home”, “home is where you lay your heart”, “a home from home”.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт «Дом» в английском языке представлен как в материальном, так и в духовном

плане. Это отражено, во-первых, в определении понятия дома как места обитания, жилища человека (во фразеологических единицах (ФЕ) материальная сторона представлена названиями предметов мебели и быта), а во-вторых дом — это семья, уют, тепло, семейный очаг, что также отражено в определении и анализируемых ФЕ, обозначающих отношение к семье или гостям.

Анализируя структуру концепта «Дом», необходимо рассмотреть его содержательную сторону, оценочный компонент и форму [1, с. 174].

В основе анализа внутреннего содержания данного концепта лежат понятия фрейма и слота, позволяющие выделить комплекс знаний об изучаемом концепте в современный исторический период в современном социуме, а также конкретизировать объём информации, релевантный фрагменту действительности «дом». В общем понятии «Дом» можно выделить следующие фреймы и слоты:

- семейные отношения:
- жена — муж (A good husband makes a good wife; a grass widow — a woman whose husband is away temporarily);
- родители — дети (the prodigal son — the one who returns home after a long absence; mother's boy — the one who is spoiled by his mother);
- распределение ролей в семье (the head of the family; a father's figure);
- семейное положение (a bachelor's daughter — an unmarried girl; a merry widow — merry because she is now free to make new friends and have a merry time);
- гостеприимство (to be at home to people — to be willing and prepared to receive friends in one's home; to keep open house — to be at home to visitors at all times; a housewarming party — a party given in celebration of the new owners taking possession of their house).

Форма концепта выражена образами: An Englishman's home is his castle; the last home — the grave; cupboard love — a display or affection motivated by selfish interest.

Следовательно, в концепт «Дом» также можно включить семейные отношения и гостеприимство. Фразеологические репрезентанты, отражающие отношения родителей и детей, а также отношения между мужем и женой превалируют.

Рассматривая оценочный компонент фразеологических репрезентантов концепта «Дом», заметим, что 76 % из них являются эмоционально окрашенными, при этом положительные и отрицательные составляют две приблизительно равные по количеству группы. Остальные 24 % фразеологизмов можно считать

эмоционально нейтральными. Например, положительно-окрашенные фразеологизмы: a family man — a man whose interests are in his home, big Daddy — a father who is very protective of his daughter, to be house-proud — to be proud of the appearance, cleanliness etc. of one's house; фразеологизмы, выражающие негативное отношение: a fish wife — a woman who is vulgar and uses bad language, poor relations — relatives who are despised for the lack of money, a rough house — a fight; нейтральные фразеологизмы: within these four walls — in confidence, a household word — something that is familiar to every household in the country, to be next door to something — so close as to be almost identical.

Экспрессивность фразеологизмов признаётся многими исследователями одним из основных категориальных свойств ФЕ, при этом, помимо номинативной и сигникативной функции, экспрессивность выполняет ещё и прагматическую функцию, назначение которой не просто назвать элемент действительности, а сделать это так, чтобы, в первую очередь, воздействовать на собеседника, повлиять на него [2, с. 89].

Классифицируя ФЕ, репрезентирующие концепт «Дом», по уровню выраженности экспрессивного значения, следует выделить интенсифицирующие и образные ФЕ. Степень интенсивности проявления признака выражается с помощью слов-интенсификаторов: междометий, наречий и т. д. Например: homely enough to stop a clock — Rur. ugly. She's a sweet girl, but homely enough to stop a clock. No one asks Mary out, and no wonder. She is homely enough to stop a clock. В нашем исследовании преобладают образные ФЕ, т. к. само понятие дом ассоциируется у нас с образами жилища, семейного очага, предметов быта и семейной жизни, широко представленные в английских фразеологизмах: candle-end economies — small paltry economies, that serve no purpose; a son of the soil — who has been brought up on the land; to bite the carpet — to be angry.

Определяя стилистическую окраску исследуемых ФЕ, разделим их на две группы: общеупотребительные и функционально закреплённые. Первые не связаны ни с каким конкретным стилем, могут встречаться как в разговорной, так и книжной речи, составляют основную часть исследуемых репрезентантов, например: to see someone home — to accompany someone home; to make yourself at home — to behave in a relaxed way in a place, as if it was your own home (often an order); to come home to somebody — to become completely clear to someone. Среди функционально закреплённых фразеологизмов преобладают разговорные, преимущественно используемые в устной форме общения, а также в художественной литературе:

- to go home in a box (Sl.) — to be shipped home dead (often said in exaggeration). Example: Hey, I'm too young to go home in a box. You had better be careful on this camping trip, or you'll go home in a box;

- to bring home the bacon (informal): 1. to earn money to live on. Example: If Jo's going to be at home looking after the kids, someone needs to bring home the bacon. 2. to do something successfully, especially to win the game or race. Example: Race goers crowded the stand to see him bring home the bacon (win the race) [3, с. 269].

Таким образом, изучая концепт «Дом» с помощью фразеологических единиц, мы пришли к следующим выводам:

- понятие «дом» включает в себя как материальную (земля, жилище, предметы быта), так и духовную составляющие (семья, любовь, уют, домашний очаг);

- в структуре концепта «Дом» можно выделить следующие фреймы: семейные отношения (включающие следующие слоты: жена — муж, родители — дети, распределение ролей в семье, семейное положение) и гостеприимство;

- семантически характерными свойствами ФЕ выступают оценочность и экспрессивность. Исходя из того, что «дом» может ассоциироваться с человеческими радостями и печалью, вызывать приятные и неприятные воспоминания, фразеологизмы с положительной и отрицательной оценочностью распределились пополам. Что же касается экспрессивности, то в исследуемой группе преобладает образная экспрессивность в связи с особенностями самого понятия «дом», его высокой ассоциативностью;

- фразеологические репрезентанты концепта «Дом» в большинстве своём стилистически нейтральны, употребляются в различных функциональных стилях и являются универсальными. Среди стилистически маркированных фразеологизмов преобладают разговорные ФЕ.

Список литературы:

1. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке. Языковые концепты. Волгоград — Архангельск, 1996. — 205 с.
2. Кругликова Л.Е. Структура лексического и фразеологического значения. — М., 1998. — 300 с.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. — М., 1999. — 801 с.
4. Hornby A.S. Oxford advanced learner's dictionary of current English. — Oxford University Press, 2002. — 1541 p.

СЛОВА-СИМВОЛЫ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Гришкова Надежда Васильевна

*преподаватель, Национальный университет «Острожская академия»,
г. Острог*

E-mail: nading47@mail.ru

Актуальность нашего исследования определена тем, что язык находится в постоянном развитии, отображая все стороны жизни этнического сообщества, которое также эволюционирует, поэтому и исследуемая нами лексика постоянно изменяет свое значение. Важным этапом в жизни большинства представителей английского сообщества является изменение их социального статуса, то есть женитьба, которая сопровождается официальной регистрацией и свадебной церемонией. Особое место занимают лексические единицы, номинирующие главные составляющие этого события, а также слова-символы, которые специфичны для каждого этноса. Учитывая выше сказанное, целью нашего исследования является установление культурологических составных в семантике обрядовых слов-символов, которые являются неотъемлемой составной частью лексико-фразеологического фонда английского языка. В своей работе мы делаем акцент на семантическом подходе и руководствуемся мнением А. Потебни, который указывал на то, что только через язык можно упорядочить символы в соответствии с мировоззрением этнического сообщества.

Слова-символы занимают важное место в языковой картине мира каждого этнического сообщества. Необходимо отметить, что исследователи символики народных текстов — А.А. Потебня [15], Н.И. Костомаров [11, с. 44—200], О.М. Афанасьев [2], А.Н. Веселовский [4, с. 125—199], И.И. Огиенко [13] объясняли поэтические символы как выразительные единицы, которые выражают определенную идею, при этом не определяя собственно лингвистических параметров. В.А. Чабаненко связывал символичность фольклорного слова тоже с устойчивостью, «канонизацией» ассоциативных связей между многими явлениями природы и человеческой жизнью [23, с. 45—46].

Слова-символы наделены особым символическим смыслом, который непосредственно связан с национальной культурой, религией и историей. Современные исследователи определяют символическое

значение как обобщенный тип номинативного и производного значений [19, с. 47]. Оно возникает на основе предметно-логического значения, которое в образной системе языка превращается в символическое.

В украинской этнолингвистике языковую природу этнических слов-символов исследовали С.Я. Ермоленко [7, с. 42—55], В.И. Кононенко [10], В.В. Жайворонок [8, с. 58—66; 84—92; 164—174], О.И. Симович [17], С.С. Василько [3]. Исследованием символов в зарубежной культуре занимались Е.А. Гутман, Ф.А. Литвин, М.И. Черемысина, В.И. Жельвис [5], [9]. В.И. Кононенко рассматривал символ как категорию семантики, которая имеет внешнее выражение (звуковой, графический, кинетический аспект) и связь с предметом, вещью и понятием [10, с. 4]. Он выделил следующие основные группы символов: архетипные, символы-мифологемы, библейские, косогонические, растительные, анималистические, орнитологические, антропологические.

Становление символов связывают с эволюционными процессами в семантике слов, появлением новых слов, контекстуальными семантическими изменениями. А.О. Потемня в работе «О некоторых символах в славянской народной поэзии» отмечал, что новые понятия обозначаются звуками, которые ранее имели смысл [16, с. 206]

В понимании И. Бодуэна де Куртенэ, человеческий язык — это язык, составленный из случайных символов, поэтому символ — это языковой знак [12, с. 181, 209]. Н. Хомский тоже определяет номинацию как «символическую референцию». По его мнению, символическая референция остается полной тайной, частично из-за того, что никому не удастся заняться изучением ее наиболее элементарных свойств в языке человека [22, с. 123]. Как отмечает В. Телия, символы, как правило, получают языковое воплощение и играют значительную роль в организации национально-культурной системы [18, с. 39—40]. Рассматривая внутреннюю и внешнюю структуру символов, В.Д. Ужченко выделяет следующие их дифференциальные признаки:

1. они делают видимыми идеи человека, передают глубокие и древние мысли о самом человеке, характеризуют его менталитет;
2. чрезвычайно насыщенные информацией;
3. в большинстве случаев имеют несколько значений;
4. обладают способностью частично подносить к высокой степени обобщения [20, с. 77].

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что символ национально специфичен и мотивирован той смысловой связью, которая устанавливается между

предметными и абстрактными элементами его содержания [1, с. 18]. Например, в английском свадебном обряде установилась национально детерминированная связь между такими предметами, как *корзина, мешок, локоть* и их символическими значениями.

Несмотря на большое количество символов, их референтов и символического использования обычных номинативов, Н.И. Костомаров выделил пять основных тематических групп символов:

1. символы небесных светил и стихий с их феноменами;
2. символы местности;
3. символы полезных ископаемых;
4. растительные символы;
5. символы мира животных [11, с. 60].

Благодаря огромному детерминирующему влиянию этнического мышления на языковую структуру, набор референтов мира растений, которым свойственна вторичная языковая категоризация, определяется именно окружающей действительностью. А.А. Потебня отмечает, что основными символами, которые связаны с предметами, их признаками и действиями, являются:

- огонь, дым, вода холодная, вода и ветер, слабый свет, таяние, пыль, мороз, черная туча, темная ночь;
- еда, горечь, сладость;
- белый, зеленый, красный, черный;
- скорость, найти, утопить, лить, выть, вязать, ковка, золото, рвать, пахать;
- листья, рой, тонкое дерево, калина;
- путы, узда, ключ, замок;
- дорога, равнина, горы [20, с. 78]

Для английской этнокультуры значимыми являются такие названия растений:

1. деревья: клен, граб (символизируют выносливость) [6, с. 235—240];
2. цветы: роза (символ нежности) [6, с. 235—240]; маргаритка (символ невинности) [6, с. 235—240]; сирень (символизирует первую любовь) [6, с. 235—240]; орхидея (символ вечной молодости) [6, с. 235—240]; флердоранж (символизирует богатство и счастье в супружеской жизни) [6, с. 235—240]; нарцисс (символ Уэльса) [6, с. 249];
3. сорняки: одуванчик (символ достатка) [6, с. 235—240]; чертополох (символ Шотландии) [6, с. 249]; сорняк (символ безответственности; напр., *a man of words and not of deeds is like a garden full of weeds*) [27, с. 301];

4. лекарственные и съедобные растения: боярышник (символ чего-то привлекательного; напр., *when all fruit falls, welcome haws*) [44, с. 88]; крыжовник (символизирует что-то лишнее; напр., *to play gooseberry*) [30, с. 237]; лук-порей (символ чего-то необходимого; напр., *lovers live by love, as larks live by leeks*) [37, с. 219]; рис (символ плодovitости) [25, с. 257]; дикий овес (символ юношеских увлечений; напр., *to sow one 's wild oats*) [39, с. 1583]; трилистник (символ Северной Ирландии) [6, с. 249].

Мир животных как фрагмент реального мира выступает мощным иницирующим фактором создания вторичной образной картины мира, потому и номены животных рассматривают с точки зрения их метафорического эмотивного переосмысления [5, с. 147—165; 9, с. 30—38].

Среди наименований фауны наиболее значимыми для представитель английской этнической общности являются такие названия ЖЫВОТНЫХ:

1. поросенок или свинья: а) (символ счастливой жизни; напр., *if you want to be happy for a week take a wife, if you want to be happy for a month kill a pig, if you want to be happy all your life plant a garden*) [24, с. 67], б) (символ чего-то неприятного) [25, с. 259]; конь (символизирует порядочность, веру; напр., *a man without a religion is a horse without a bridle*) [27, с. 44]; вол — а) (символ тяжелого труда; напр., *fingers of a housewife do more than a yoke of oxen*) [27, с. 122], б) (символ лиц мужского пола) [45, с. 888]; осел (символ лиц женского пола; напр., *if you make your wife an ass, she will make you an ox*) [45, с. 888]; обезьяна (символ незамужней женщины; напр., *to lead apes in hell*) [34:1, с. 65]; кот: — а) (символ воинственности; напр., *to fight like Kilkenny cats*) [43, с. 184], б) (символ домашнего уюта; напр., *a woman, a cat and a chimney should never leave the house*) [27, с. 128]; охотничья собака-птицелов (символ того, кто отбивает любимую девушку; напр., *a bird — dog*) [34:1, с. 125]; теленок (символ юношеского увлечения; напр., *calf love, half love; old love, cold love*) [37, с. 251]; овечка (символ покорной женщины; напр., *a sheep*) [33, с. 204]; землеройка (символ сварливой женщины; напр., *a shrew*) [33, с. 204];

2. ПТИЦЫ: гусыня (символ лиц женского пола; напр., *what is sauce for the goose is sauce for the gander*) [28, с. 291]; гусь (символ лиц мужского пола; напр., *what is sauce for the goose is sauce for the gander*) [28, с. 291]; перепелка (символ незамужней девушки; напр., *a quail*) [29, с. 194]; сорока (символ удачи, напр., *one for sorrow, two for mirth, three for a wedding, four for a birth*) [44, с. 170]; утка (символ

любимой женщины; напр., *to break one 's duck*) [43, с. 77]; курица (символизирует человека, которым управляют; напр., *hen pecked*) [36, с. 103];

3. рыбы: рыба (символ трудолюбия; напр., *he who sleeps catches no fish*) [28, с. 136];

4. черви: червь (символ благородства; напр., *a truly great man will neither trample on a worm nor sneak to an emperor*) [27, с. 294]. Источником создания вторичной образной картины мира может быть не только флора и фауна, но и предметные символы. Среди них представляется возможным выделить следующие группы имен:

1. специальные обрядовые предметы: игрушечные черные кошки (символ счастливого брака) [21, с. 114]; сделанные из кружева подковы на лентах (символ благополучия) [21, с. 114]; пустые металлические банки (символ защиты от злых духов; напр., *empty cans*) [25, с. 184]; свадебная подвязка (символ замужества; напр., *a wedding garter*) [14, с. 269];

2. одежда, обувь, украшения: старые ботинки (символизируют то, что отец отдает дочь; напр., *old boots*) [25, с. 184]; брюки (символ женской власти; напр., *to wear the pants in the family*) [35, с. 996]; пояс (символ женской власти; напр., *to have somebody under one 's girdle*) [34:1, с. 478]; фартук (символ мужчины, которым управляют; напр., *the cunning wife makes her husband her apron*) [45, с. 160]; бусина (символ прелестности; напр., *to draw a bead on someone*) [41, с. 79]; носовой платок (символ взаимности в любви; напр., *to pick up the handkerchief*) [30, с. 357]; шерстяные перчатки (символ «офисного приданого») [25, с. 261]; зеленые чулки (символ замужества младшей сестры раньше, чем это сделает старшая; напр., *to give one 's sister green stockings*) [35, с. 400]; карман (символ господства в семье; напр., *to have someone in one 's pocket*) [38, с. 322]; узел (символ брака; напр., *to tie knot*) [40, с. 184];

3. блюда и напитки: хлеб и сыр (символ бедности; напр., *bachelor 's fare: bread and cheese, and kisses*) [45, с. 24]; уха (символ чего-то важного; напр., *prettiness makes no pottage*) [37, с. 219]; вино (символ богатства; напр., *comment not your wife, wine nor horse*) [45, с. 137];

Отдельную группу формируют единицы, компонентами которых выступают имена собственные: «матушка Хаббард» (символ свадебного наряда; напр., *Mother Hubbard*) [32, с. 105], «шапка Джульетты» (символ свадебной одежды; напр., *Juliet cap*) [32, с. 87]; Данмоуцкая ветчина (символ счастливой семейной жизни; напр., *Dunmow flich*) [32, с. 52]; Флит Стрит (символ чего-то тайного; напр.,

Fleet marriage) [35, с. 343]; Гретна-Грин (символ чего-то тайного; напр., *Gretna — Green marriage*) [32, с. 70].

Таким образом, типичные номинативы в английском языке, которые символизируют женщину, мужчину, состояние влюбленности, распределение ролей в семье, супружеские отношения и благополучие — это названия деревьев, цветов, животных и птиц, обрядовых предметов, одежды, обуви, украшений, блюд и напитков, природных реалий. В контексте обрядовой английской культуры в семантике этих слов развиваются символические значения, также как и особенности национально-языковой картины мира обусловлена специфическими лексическими и фразеологическими единицами.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. — М.: Academia, 2002. — 394 с.
2. Афанасьев А.Н. Поэтическое воззрение славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов / А.Н. Афанасьев: [в 3 т.]. — М.: Совр. писатель, 1995. — Т. 1. — 416 с.; Т. 2. — 400 с.; Т. 3. — 416 с.
3. Василько З. Символика фольклорного образу / Зоряна Василько. — Львів: ДПА Друк, 2004. — 392 с.
4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский [ред. вступ. ст. и примеч. В.М. Жирмунский]. — [2-е изд., испр.]. — М.: УРСС, 2004. — 648 с.
5. Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемысина М.И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик // Национально-культурная специфика речевого поведения. — М., 1997. — С. 147—165
6. Давыдова-Харвуд Е. Английская свадьба / Е. Давыдова — Харвуд. — М.: Ко Либри, 2010. — 400 с.
7. Єрмоленко С.Я. Фольклор і літературна мова: [монографія] / С.Я. Єрмоленко, — К.: Наук. Думка, 1987. — 245 с.
8. Жайворонок В.В. Українська етнолінгвістика / Віталій Жайворонок: нариси: [навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл.] — К.: Довіра, 2007. — 262 с.
9. Жельвис В.И. Национально-специфические особенности лексической семантики зоонимов как элемент типологического анализа // Лексическая семантика и фразеология. — Л., 1987. — С. 40—54.
10. Кононенко В.І. Символи української мови / В.І. Кононенко. — Івано-Франківськ : Плай, 1996. — 270 с.

11. Костомаров М.І. Об историческом значении русской народной поэзии / М.І. Костомаров // *Слов'янська міфологія*. — К.: Либідь, 1994. — С. 44—200
12. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. — М., 2007. — С. 180—210
13. Огієнко І. (Митрополит Іларіон). Дохристиянські вірування українського народу / Іван Огієнко. — К.: Обереги, 1992. — 424 с.
14. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии/ В.В. Ощепкова. — М./ СПб.: Глосса / КАРО, 2004. — 336 с.
15. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А.А. Потебня. — [2-е изд.]. — Харьков: [б.и.], 1914. — 243 с.
16. Потебня О.О. Эстетика і поетика слова / О.О. Потебня. — К.: Мистецтво, 1985. — 302 с.
17. Сімович О.І. Поетична символіка української народної творчості: лінгвістичний аспект / Оксана Сімович. — Л.: ВЦ Львів. держ. ун-ту, 1999. — 46 с.
18. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. — М., 1986. — С. 30—40
19. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты/ В.Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 286 с.
20. Ужченко В.Д., Ужченко Д.В. Фразеологія сучасної української мови/ В.Д. Ужченко, Д.В. Ужченко: [навч. посібник]. — К.: Знання, 2007. — 494 с.
21. Химунина Т.Н. В Великобритании принято так / Т.Н. Химунина: [учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.».]. — [2-е изд.]. — М.: Просвещение, 1984. — 239 с.
22. Хомський Н. О природе и языке / Н. Хомський. — М., 2005. — С. 110—125
23. Чабаненко В.А. Основи мовної експресії / В.А. Чабаненко. — К.: Вища школа, 1984. — 167 с.
24. Эфендиева Р.А. Лексикографическое описание концепта «женщина» / Р.А. Эфендиева // *Вестник ПГЛУ*. — Пятигорск, 2004. — № 1. — С. 66—69
25. A. Monsarrat And the bride wore/ A. Monsarrat. — Falmouth, Cornwall: Coronet Books, 1998. — 288 p.
26. Olson E. Wedding Lore and Traditions/ E. Olson. — UK: Basic Books, 2003. — 192 p.
27. Англо-американські прислів'я та приказки [уклад. О. Дубенко]. Вінниця: Нова книга, 2004. — 416 с.

28. Англо-латинсько-українсько-російський словник афоризмів [уклад. Ю. Цимбалюк]. К.: Грамота, 2009. — 408 с.
29. Англо-русский словарь-справочник табузированной лексики и эвфемизмов [сост. А. Кудрявцев и др.]. М.: КОМТ, 1993. — 304 с.
30. Англо-русский фразеологический словарь [сост. А. Кунин]. — 4-е изд. — М.: Русский язык, 1984. — 944 с.
31. Англо-український словник [Є. Гороть та ін.]. Вінниця: Нова книга, 2006. — 1700 с.
32. Англо-український словник власних назв та імен [уклад. Т. Олійник]. Тернопіль: Підручники і посібники, 2000. — 208 с.
33. Англо-український словник парних словосполучень / [ред. упоряд. О. Семенець]. К.: Укр. енциклопедія ім. М.П. Бажана, 1994. — 253 с.
34. Англо-український словник: у 2-х томах [уклад. М. Балла]. — К.: Освіта, 1996. т. 1. 752 с.; т. 2. — 712 с.
35. Англо-український фразеологічний словник [уклад. К. Баранцев]. — К.: Радянська школа, 1969. — 1052 с.
36. Другими словами Словарь английских идиом [сост. Т. Соломоник]. — Спб.: Издательство Алга-Фонд, 1994. — 248 с.
37. Русско-английский словарь пословиц и поговорок: 500 единиц [сост.: С. Кузьмин и др.]. — Спб.: МИК / Лань, 1996. — 352 с.
38. Chambers Dictionary of Idioms: English — Ukrainian semibilingual. — К.: Всеувиго, 2002. — 475 с.
39. Longman Dictionary of Contemporary English. Edinburgh Gate, Harlow: Pearson Education Limited, 2003. — 1949 с.
40. Longman Dictionary of English Idioms. Edinburgh Gate, Harlow: Longman Group UK Limited, 1996. — 387 с.
41. NTC's American Idioms Dictionary [edited by R. Spears]. — 1992. — 530 с.
42. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [edited by A. Hornby]. Oxford: Oxford University Press, 2005. — 1780 с.
43. Oxford Dictionary of English Idioms [edited by A. Cowie, R. Mackin, I. Mc Caig]. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 685 с.
44. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs [edited by J. Simpson]. — Oxford: Oxford University Press, 1982. — 256 с.
45. The Oxford Dictionary of English Proverbs [revised by F. Wilson]. — Oxford: Clarendon Press, 1970. — 930 с.
46. The Oxford Dictionary of Phrase, Saying and Quotation [edited by S. Ratcliffe]. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 590 с.
47. Thesaurus of English Phrases and Idioms [уклад. А. Кушнір]. — Тернопіль: 2000. — Book 2. — 195 с.; Book 3. — 283 с.
48. Wit and Wisdom = Афоризмы и пословицы [сост. С. Гапонова]. К.: Знання, КОО, 2005. — 277 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУСЛЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТА НЕПОНИМАНИЯ

Кобякова Ирина Карповна

*канд. филол. наук, доцент Сумского государственного университета,
г. Сумы
E-mail: kobyakova@ukr.net*

Литюга Юлия Валерьевна

*студент
факультета иностранной филологии и социальных коммуникаций
Сумского государственного университета,
г. Сумы
E-mail: litujka@mail.ru*

Непонимание является коммуникативно-когнитивным явлением, которое возникает при рецепции сообщения в процессе диалогического взаимодействия двух и более собеседников и присущее обычно слушателю. Анализ англоязычных диалогических единств, манифестирующих непонимания, доказывает его существование в двух плоскостях — коммуникативной и когнитивной. Такое существование происходит параллельно. Непонимание сочетает признаки как дискурсивно-коммуникативной, так и лингвокогнитивной природы. Рассмотрим непонимание как тип интерпретации с точки зрения когнитивной лингвистики. С этой точки зрения, непонимание связано с понятием интерпретации — видом когнитивной деятельности, направленным на раскрытие смысла сообщения адресанта. Незавершенность отдельных содержательных компонентов, неправильный интерпретационный ход формируют псевдоментальную репрезентацию дискурса, создают когнитивные предпосылки непонимания как типа интерпретации.

Когнитивная природа понимания трактуется как последовательность операций или процедур, ответственность за осуществление которых несет отдельный модуль. Таким образом, речь должна идти о модульной организации понимания. В качестве когнитивной деятельности непонимание возникает из-за разногласий в оценке только одного модуля или нескольких модулей одновременно [1, с. 66].

Принимая за основу концепцию модульной организации процесса понимания Демьянковой В.З., можно предположить,

по какой причине непонимание является дисфункцией одного или совокупности модулей одновременно. Рассмотрим первые основные фазы акта интерпретации коммуникативного сообщения. Первый модуль отвечает за использование языкового знания. Языковая компетенция и уверенность — основные характеристики этого модуля. Причиной недоразумений на этом этапе может быть различия в стандартной языковой компетенции общения. В частности, это касается:

1. корректного восприятия формы выражения:
 - *Do you know what I'm frightened of?*
 - *Some man...*
 - *Yes — but I didn't say whom — I said what ... I'm afraid of being killed* [9, с. 49].

В этом диалоге говорящий указывает на неправильное понимание вопроса адресатом.

2. правильной идентификации и интерпретации (раскрытия содержания) лексических и структурных единиц, которые можно характеризовать неоднозначно:

- *Yes, it's my first trip. I'm touring the country by train. The US countryside is beautiful.*
- *It certainly is, especially in my neck of woods. I'm from Alabama. Do you all plan to travel down that way?*
- *No, I'm travelling alone* [11, с. 22].

В данном примере прослеживается непонимание из-за неоднозначности интерпретации и двусмысленности *you*. В английском языке нет дифференциации личных местоимений 2-го лица единственного и множественного числа, поэтому возникает непонимание.

3. использования знаний семантики, идиоматики и фразеологии языка:

- *Excuse me... Will we arrive in Chicago at three-thirty?*
- *You got it.*
- *I got what?*
- *You've got the correct information. It's a short way of saying "you're correct"* [11, с. 49].

4. понимания лингвистических средств с четко выраженной социальной принадлежностью: профессионализмов, вульгаризмов, сленга:

- *I think we've got floater on our hands, Chief*
- *A floater? What in Christ's name is floater?*
- *It was a word Hendricks had picked up from his night reading.*
- *A drowning, — he said embarrassed* [7, с. 18].

В последнем примере причиной непонимания стал семантический компонент. Идиоматичность употребления *to get* и нетрадиционное применение с точки зрения принадлежности к словарю определенной профессиональной группы *floaters* вместо традиционного *drowning* (кроме того, эти лексические единицы имеют значительные семантические различия) создают своеобразные барьеры для полного понимания высказывания адресатом.

5. интерпретации слов иноязычного происхождения:

- *I've asked you a question. Who is the boy?*
- *Un monsieur, said Bernadette.*

Did she mean by that an older man, or was Bernadette, in using the word "monsieur" implying a social category? "Quel monsieur?", said Nora. Bernadette shrugged [10, с. 34].

6. непонимания как следствия интерпретации высказываний с ошибочным употреблением лексических, грамматических единиц, фразеологии, а также с ошибками на фонетическом уровне: произношение, интонация, ударение.

Следующий модуль — построение и верификация гипотетических интерпретаций. Компонентом понимания коммуникативных сообщений является процесс ожидания и формирования гипотез относительно развития дальнейших событий, которые являются предметом интерпретации. Непонимание возникает из-за несоответствия сказанного ожиданиям адресата. Усвоение сказанного выделяют как отдельный этап. Можно предположить, что дисфункцию этого модуля и, соответственно, непонимание, неполное или неправильное раскрытие содержания высказывания, могут вызвать следующие факторы:

1. проблемное определение пропозиционального содержания акта речи. Центром внимания становится суждение, которое содержится в коммуникативном сообщении. Именно эта константа представляет основу для создания модельного мира интерпретатором [2, с. 138]. Ошибки в воспроизведении пропозиционального содержания могут быть связаны с первым модулем, а также вызываться редуцированием высказываний, их понятийной сложностью, ложной категоризацией или концептуализацией, неправильным определением значения:

- *I'm gonna need a man with me. I lost my mate, and I wouldn't feel comfortable taking on that big fish without an extra pair of hands.*
- *Lost your mate? What overboard?*
- *No, he quit. He got nerves...* [7, с. 205].

Неадекватность ментальной репрезентации адресата в данном примере возникает как следствие неправильного определения предложения *I lost*. Интерпретатор фиксирует неправильное предложение «он погиб» вместо правильного «он уволился». Этот случай также подтверждает единство лингвистического и когнитивного компонентов в процессе интерпретации речи.

2. высказывание как сложная сущность содержит одновременно смысл и референцию, поскольку соотносится с соответствующей ситуацией. Успех общения зависит от того, обладают ли собеседники общими референтами. Отсутствие общего референта приводит к непониманию со стороны адресата, следствием чего может быть коммуникативный провал или попытка адресата раскрыть содержание, используя уточняющие вопросы, которые требуют дополнительной информации:

- ... *In Kensington Garden it was. A nurse there asked me the time.*
- *A nurse? A hospital nurse?*
- *No, no — a children's nurse. Such a pretty baby it was...* [9, с. 10].

Таким образом, мы проследили вероятность возникновения непониманий на первых основных этапах интерпретации высказывания. Именно первые этапы интерпретационного процесса являются главными, определяющими факторами, создающими основы успешности или безуспешности осуществления речевой интеракции. Ошибки в восприятии лингвистических средств непосредственно влияют на формирование модельного мира интерпретатором, на отражение в представлении адресата семантики высказывания. Неадекватное формирование модельного мира становится главной причиной возникновения непонимания, неполного или неправильного раскрытия содержания коммуникативного сообщения [4, с. 163].

Интерпретируя коммуникативное сообщение говорящего в англоязычном формате, реципиент реконструирует свою ментальную проекцию и прагматическое содержание. В случае непонимания с одной стороны — адресат не понимает коммуникативного намерения адресанта, а реагирует на прямой смысл высказывания, а с другой стороны — он интерпретирует прямой речевой акт как косвенный.

Непониманию как типу интерпретации присущ ложный ход мыслей, что приводит к построению неадекватной внутренней модели коммуникативного сообщения. Неэффективное осуществление интерпретационных операций реципиентом провоцирует неполную ментальную репрезентацию коммуникативного сообщения с неправильной репрезентацией и ошибочным воспроизведением

конститутивных элементов. Проблема взаимодействия представителей различных культур возникает во время межличностной коммуникации, при переводе текста. Анализ процесса возникновения лакун, обусловленных культурной дистанцией и влияющих на процесс адекватного понимания текста сообщения помогает в осуществлении адекватного перевода (натурализации текста). Коммуникативные стратегии разных культур неразрывно связаны с внутренними свойствами культурной системы и ее стержневыми ценностями. Они и призваны преодолеть когнитивную суть непонимания.

Список литературы:

1. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкозн. — М., 1993. — № 6. — С. 58—67.
2. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. — 245 с.
3. Маковська Н.М. Дискурсні маркери неповного розуміння в англомовній інтеракції / Маковська Н.М. // Іноземномовна комунікація: здобутки і перспективи: Міжнародна наукова конференція, 25—26 травня 2006 р. — Тернопіль, 2006. — С. 32—34.
4. Маковська Н.М. Непорозуміння як проблема когнітивної лінгвістики / Маковська Н.М.// Науковий вісник ВДУ. — 2002. — Вип. 5. — С. 159—165.
5. Мальцева Е.С. Міжкультурні непорозуміння і проблема міжкультурного перекладу. Автореф. дис... канд. філософ. наук: 09.00.04 / Мальцева Е.С.; Ін-т філос. ім. Г.С. Сковороди НАН України. — К., 2002. — 20 с.
6. Швачко С.А. Статус лакун в языке и речи / Швачко С.А.// Сборник статей: Когнитивная лингвистика. новые парадигмы и новые решения / отв. ред. Пименова М.В. — Москва: ИЯ РАН . Серия Концептуальные исследования. — 2011. — вып. 15, С. 201—207.
7. Benchley P. Jaws. — London: Pan Books, 1985. — 285 p.
8. Bradbury R. Fahrenheit 451//Short stories. — М.: Raduga Publishers, 1993. — 382 p.
9. Christie A. Murder in Mesopotamia. — London: Pan Books, 1991. — 190 p.
10. Gallant M. My Heart is Broken. — Penguin Books, 1991. — 280 p.
11. Murphy A.F. Cultural encounters in the USA // Cross-cultural dialogues and mini-dramas. — National Textbook Company, USA, 1996. — 120 p.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «HAUS» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ СМИ)

Кулдошина Наталия Николаевна

*соискатель Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина,
преподаватель иностранного языка
Московского медицинского колледжа имени С.П. Боткина,
г. Москва
E-mail: natakul@list.ru*

В современном языкознании многие языковеды концентрируют основное внимание на исследовании концепта в когнитивном аспекте с учетом его культурной компоненты. Концепты и их вербальные репрезентации рассматриваются как элементы национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: «от языка к культуре» (Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачѳ, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик).

«Сам факт взаимосвязи языка и культуры очевиден, по крайней мере, потому, что интеллектуальная и духовная составляющие культуры — научные знания, верования, традиции, обычаи, система устройства общества, система нравственных и этических ценностей и т. п. — фиксируются, в том числе в виде текстов, письменных и устных. Однако формы взаимодействия языка и культуры весьма многообразны и изучению могут подвергаться различные аспекты этого взаимодействия» [1, с. 44].

Особое место в изучении культуры занимают концепты культуры, репрезентирующие особенности мировидения этноса. В германских языках важное место в системе представлений о мире занимает концепт HAUS — «дом». HAUS — это сложный концепт, открывающий доступ к знаниям немцев о мироздании, о взаимодействии человека с окружающей средой. «Дом — макет мироздания, национальный космос в миниатюре. Здесь земля (пол), страны света (стены) и т. д. Как мир (природа) — храм, дом Бога, так дом — храм человека; человек творит дом, как Бог мир — по своему образу и подобию» [4, с. 38].

Анализ этимологических данных позволил установить, что первоначально дом представлял собой храм. «Дом, жилище в древности понимался как космос, считался воплощением божественной Гармонии и Порядка. С другой стороны, Дом,

Жилище — воплощение божественного Первопространства и предмет поклонения: в центре дома находился Очаг — символ сакрального Огня» [7, с. 210—211]. HAUS — Im gottischen ist das Wort nur in dem einmal vorkommenden Kompositum gud — hus — Gotteshaus [9, с. 640].

Учёные сходятся во мнении, что особой разновидностью дома является церковь, храм. «Разновидность дома — храм, Дом для Бога. Испокон веков храмостроительство имитирует космогоническое свершение, а сами храмы в миниатюре олицетворяют мирозданье. Они стремятся ввысь, к Богу, возвышаются спасительными маяками» [5, с. 263]. Христианская топика запечатлела библейскую традицию уподобления мира, общины верующих, церкви Дому Бога. «Христианский Бог предстаёт в облики рачительного хозяина (dominus). Domus Dei, подобно всякому иному Дому — сфера принадлежности, власти, долга и добродетелей» [6, с. 147].

Религиозными сооружениями, репрезентирующими концепт HAUS, являются синонимичные лексемы **die Kirche** (geweihtes Gebäude mit einem oder mehreren [Glocken]türmen, in dem die Mitglieder einer christlichen Glaubensgemeinschaft Gottesdienst abhalten, beten, liturgische Handlungen vollziehen u.a.[10]) — церковь, храм и **das Gotteshaus** (für den Gottesdienst bestimmtes Gebäude; Kirche [10]) — церковь, храм. Слово храм используется в восточном христианстве для обозначения здания церкви, как храма Божьего, то есть слова «церковь» и «храм» являются взаимозаменяемыми; **der Dom** (große, künstlerisch ausgestaltete, meist bischöfliche Kirche mit ausgedehntem Chor [10]) — собор и **die Kathedrale** ([erz]bischöfliche Hauptkirche [10]) — собор; **die Moschee** (islamisches Gotteshaus [10]) — мечеть (мусульманская церковь), а также лексема **das Kloster** (Gebäude [komplex], in dem Mönche oder Nonnen von der Welt abgesondert leben [10]) — монастырь. Данная лексическая синонимия объясняется тем, что названия религиозных сооружений пришли в немецкий язык из разных языков: die Kirche (spätgriechisch kyrikón = Gotteshaus, zu älter: kyriakón, eigentlich = das zum Herrn gehörende (Haus), zu: kýrios = Herr) и der Dom (Lehnübersetzung von griechisch oĩkos tēs ekklēsiās = Haus der Christengemeinde) — из греческого, а das Gotteshaus (mittelhochdeutsch gotshūs, althochdeutsch gotes hūs; Lehnübersetzung von lateinisch templum dei bzw. domus oder casa dei) и die Kathedrale (zu mittellateinisch ecclesia cathedralis = zum Bischofssitz gehörende Kirche, zu: cathedra, Katheder) — из латинского [10].

Как правило, при описании религиозных сооружений в СМИ, указывается их принадлежность к той или иной конфессии: die katholische Kirche, zur orthodoxen Kirche, muslimisches Gotteshaus,

katholische Kathedrale, muslimischem und christlichem Gotteshaus, die russisch-orthodoxe Kirche. Сравните: Die orthodoxe Kirche fordert jetzt Gebäude zurück, die ihr niemals gehörten [12]. Elizabeth II. besuchte auch die katholische Kathedrale [12] — как свидетельствует данный пример, люди, находящиеся у власти, также посещают церковь. Denn Córdoba's Altstadt ist bereits seit 1994 Weltkulturerbe, nicht zuletzt aufgrund der Mezquita, einer gewaltigen Kombination von muslimischem und christlichem Gotteshaus [12] — из этого примера следует, что люди разных вероисповеданий уважительно относятся друг к другу, поэтому их церкви могут находиться в одном городе.

Относительно других атрибутов следует отметить, что они отражают величие здания, выраженное прилагательными *grunkvoll*, *prächtig*, помимо этого может быть указано, что сооружение существует уже долгое время, тогда в качестве определения используется прилагательное *alt*. Например: Geboren wurde er in einer behäbigen Landstadt, die sich einen prächtigen Dom mit riesigem Turm geleistet hatte [12]. Man kann in alten Klöstern oder in Herrenhäusern wohnen [12].

При упоминании религиозных сооружений может указываться место их нахождения: от маленького населённого пункта (деревни): Selbst in Tutbury wissen nicht alle, dass die Fabrik, die einer Kathedrale gleich im Herzen des Dörfchens steht [12], до названия страны: Als erstes muslimisches Gotteshaus in Deutschland eröffnete 1925 im Bezirk Wilmersdorf die Moschee der Ahmadiyya [12] — данный пример свидетельствует ещё и о том, что первая мечеть в Германии была открыта в 1925 году. Однако, чаще встречается название города, причём как в препозиции: Londoner St.Paul's Kathedrale, Kölner Dom, im Regensburger Dom, der Königsberger Dom, так и в постпозиции: Kathedrale von Santiago, Kloster nahe Damaskus, Dom in Berlin, Dom von Parma, Kloster in Madrid, die Kathedrale von Rouen, In der Kathedrale von Reims. Ср.: Das Motiv steht vor dem Fenster: die Kathedrale von Rouen [12]. In der Londoner St.Paul's Kathedrale feiern die Briten das 60. Thronjubiläum der Königin mit einem Gottesdienst [12] — пример подтверждает, что собор до сих пор является центром общественной жизни, где празднуются важнейшие государственные события. Ведь ещё со времен средневековья соборы принимали активное участие в мирской жизни города и были связаны с городским советом, местным судом, школами. Они являлись важным местом встречи, располагались в центре города, а некоторые из них были традиционными местами коронации монархов [8]. Храм — дом Бога, убежище, самое большое, самое красивое, самое прочное здание

в городе; главное достояние общины, сокровищница общины, место сбора общины, место хранения документов общины, место свершения светлых таинств, место захоронения лучших людей [2]. И до сих пор люди собираются у храма: *Schon eine Stunde vorher ist der Platz vor der katholischen Kirche St. Karl Borromäus gefüllt — und wieder sind es vor allem die Teenager, die Schüler und deren Eltern, die sich treffen* [12].

Поскольку церкви являлись центром населённого пункта, к их сооружению относились с особым трепетом. Строительство собора становилось на десятилетия святым общим делом для множества людей. В это вкладывали лучшее, что было в душах. Для размещения собора почти всегда выбирался центр города. Получалась концентрическая система: город — центр большой области, собор — центр города, в соборе центральное место — алтарь [2]. Обычно церквям и соборам давали названия в честь какого-нибудь святого: *St. Johannis Kirche, In der St. Mary's Kirche, in der katholischen Kirche St. Karl Borromäus, die katholische Kathedrale St. Macartin, in der Londoner St. Paul's Kathedrale, vor der Basilius-Kathedrale*. Ср.: *Die Archäologen fanden nicht nur die Fundamente der Petrikerche, sondern auch die von mindestens vier ihrer Vorgängerbauten* [12]. Так, например, церковь святого Петра была названа в честь апостола Петра и является старейшей приходской церковью Гамбурга, что подтверждает вышеприведённый пример. *Die Sankt-Petri-Kirche ist die älteste Pfarrkirche Hamburgs. Sie ist nach dem Apostel Petrus benannt und gehört zu den fünf Hamburger Hauptkirchen* [11].

Отдельное внимание следует обратить на монастырь (*das Kloster*), так как в этом религиозном сооружении проживают люди (монахи или монашки). *Das Kloster — Gebäude[komplex], in dem Mönche oder Nonnen von der Welt abgesondert leben* [10]. Монастырь (греч. *μοναστήριον*) — религиозная община монахов или монахинь, имеющая единый устав, а также единый комплекс богослужебных, жилых, хозяйственных построек, ей принадлежащих [3]. *Ein paar Schritte weiter wartet vor einem Kloster Futter auf sie. Ein Mönch in einem orangefarbenen Stoffgewand hat gekochten Reis und Teigtaschen* [12] — из примера видно, что в монастыре живут монахи и ведут хозяйство, в частности, готовят еду.

Монастыри возникли из стремления отшельников к духовной жизни вне общества, но в сообществе. Христианское монашество появилось в пустыне Египта, где отшельники искали уединенной жизни. Постепенно монашеское движение стало распространяться в Европе [11; 8]. Сначала монастыри были не только центром

духовной жизни, но и центром ремесленного и сельскохозяйственного мастерства и исследования, а также центром собрания знаний: von Anfang an waren die Klöster nicht nur Ort geistlichen Lebens, sondern auch Zentren der handwerklichen und landwirtschaftlichen Kunst und der Erforschung und Sammlung von Wissen (Klosterbibliothek) [11]. Поэтому сейчас бывшие монастыри могут использовать в качестве музеев: Im Reichsstadtmuseum, einem ehemaligen Kloster, wird der Kurfürstenhumpen aufbewahrt [12].

Immerhin ist dieses Kloster eine Wohnung an der meistbefahrenen Straße von Karlsruhe [12] — существительное Wohnung в приведённом примере подтверждает, что монастырь используют в качестве жилья. Однако, монастырь — это ещё и место уединения и спокойствия, что иллюстрирует следующий пример: Ein Kloster in Madrid, eine stille Oase mitten in der hektischen Stadt [12].

Таким образом, удалось установить, что к религиозным сооружениям, репрезентирующим концепт HAUS в немецких СМИ, относятся синонимичные лексемы die Kirche и das Gotteshaus, der Dom и die Kathedrale, а также die Moschee, das Kloster. Все эти здания очень важны для людей, обычно они (за исключением монастырей) находятся в центре населённого пункта и имеют названия. Более того, кроме своего религиозного предназначения данные сооружения выполняют ещё и функцию хранителей культуры этноса. Ведь благодаря храмам, трепетному к ним отношению, сохранились до настоящего времени очень многие памятники материальной и духовной культуры.

Список литературы:

1. Беляевская Е.Г. Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 44—50
2. Бурьяк А. Средневековые символы в культуре Запада. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://medievism.narod.ru/Sym0040.htm#6.1> (дата обращения 20.09.2012).
3. Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 1.11.2012).
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-психо-логос. — М.: Прогресс, 1995. — 479 с.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие/ В.А. Маслова. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 296 с.
6. Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. — М.: РОССПЭН, 2003. — 632 с.

7. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры / М.М. Маковский. — М.: Азбуковник, 2004. — 630 с.
8. Allcastle. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://allcastle.info> (дата обращения 20.11.2012).
9. Deutsches Woerterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Vierten Bandes, zweite Abteilung, Leipzig Verlag von S. Hirzel, 1877.
10. Duden — Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.duden.de> (дата обращения 18.11.2012).
11. Wikipedia. Die freie Enzyklopaedie. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://de.wikipedia.org> (дата обращения 1.11.2012).
12. Zeit Online. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.zeit.de> (дата обращения 20.11.2012).

**ОБРАЗНЫЙ КОМПОНЕНТ
КОНЦЕПТА SECLUSION
В РОМАНАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. КИЗИ
И ДЖ. ФАУЛЗА)**

Румбешт Анна Юрьевна

*Киевский национальный лингвистический университет
г. Киев*

E-mail: annaru2001@yahoo.com

В основе произведений Дж. Фаулза, в частности «Мага», «Коллекционера», «Башни из черного дерева», а также «Полета над гнездом кукушки» К. Кизи лежат разные темы и разные смыслы. Вместе с тем, героями этих романов выступают люди, добровольно или принудительно оказавшиеся в замкнутом пространстве, вдали от общества.

Наше исследование опирается на постулат когнитивной лингвистики о том, что мышление человека оперирует определенными ментально-когнитивными структурами — концептами, а знания организованы с помощью когнитивных моделей типа схем, фреймов, сценариев, метафорических и метонимических моделей. Концепт имеет сложную структуру и включает в себя понятийный, образный

и ценностный компоненты [1, с. 129]. Целью данной работы является описание именно образной стороны концепта, которая фиксируется в когнитивных метафорах. Для реконструкции метафорических схем, лежащих в основе изучаемого концепта, мы опирались на идеи теории концептуальной метафоры [напр., 10; 11; 14 и др.]. Привлечение теории прототипов [12; 13; 15] позволило структурировать концепт SECLUSION путем сведения выделенных нами метафорических схем к нескольким прототипическим.

Объектом исследования выступает концепт SECLUSION, а **предметом** — его метафорическая репрезентация в произведениях К. Кизи и Дж. Фаулза.

Актуальность заявленной темы определяется возрастающим интересом лингвистов к когнитивным аспектам языка и поискам ответа на вопрос, как человек воспринимает и концептуализирует действительность. Кроме того, актуальность обусловлена отсутствием работ, посвященных концепту SECLUSION. Ранее объектом языковедческих научных исследований становился лишь смежный с ним концепт ОДИНОЧЕСТВО. Такие исследования осуществлялись, например, на материале русской поэзии [4], а также с точки зрения двух лингвокультур — русского и немецкого языков [2]. В фокусе нашего исследования находится концепт SECLUSION, который сочетает в себе физический (изолированность) и моральный (одиночество) аспекты.

Анализ художественного материала показал, что SECLUSION концептуализируется всеми героями произведений как некий, как правило, закрытый, контейнер, в котором они пребывают. Поэтому наиболее частотной из представленных метафорических моделей является метафора «контейнер» [11]. Схема SECLUSION IS A CONTAINER выступает прототипической по отношению к ряду метафорических моделей, референтом которых выступает SECLUSION, а коррелятом — CONTAINER.

CONTAINER представлен в тексте исследуемых произведений несколькими концептами, в частности непосредственно концептом CONTAINER, например: “*Being trapped inside it*” [6], “*He has careerwise continually placed himself in situations of isolation*” [8]. Такая концептуализация SECLUSION достигается благодаря использованию предлогов *in* и *inside*. Подвидом концепта CONTAINER выступает кокон (SECLUSION IS A COCOON): “... *but we sat and stood in a strange cocoon of remoteness from even the nearest outside things*” [7].

Кроме того, концептуализация SECLUSION как вместилища происходит через его метафорическое осмысление как определенного

здания, комнаты, помещения. Так, идея SECLUSION как обреченности актуализируется концептуальной схемой SECLUSION IS A PRISON. Рассмотрим следующий пример: “... *A hell of a lot like a Chinese prison camp*” [9]. Основанием для развертывания данной метафоры в тексте является использование лексики, связанной с лишением свободы: *prison camp*. Обреченность персонажа выражается и посредством ассоциации SECLUSION с могилой (SECLUSION IS A CRYPT): “*I’ve grown to know every inch of this foul little crypt*” [6]. Несносность нахождения отдельно от других людей актуализируется в метафорической схеме SECLUSION IS AN ASYLUM: “*God, God, it’s like a lunatic asylum*” [6].

Следующие примеры иллюстрируют реализацию пространственной метафоры ЗАЛ ОЖИДАНИЯ (SECLUSION IS A WAITING ROOM): “*But the notice said, in dull red letters on a white background, SALLE D’ATTENTE.... It was Mitford’s warning: Beware of the waiting room*” [8]. Объективация исследуемого концепта также осуществляется через метафорическое осмысление жизни в замкнутом пространстве как театра (SECLUSION IS A THEATRE), например: “...*had the impression that we were two actors with the same doubts about the director*” [8], “*I tried to be objective, content to be a spectator*” [8], “*After all, it was a masque, and I wanted, or after a very short while began to want, to play my part*” [8].

Использование лексики, связанной с содержанием животных в неволе, позволяет концептуализировать SECLUSION как клетку (SECLUSION IS A CAGE): “*David and his generation, and all those to come, could only look back through bars, like caged animals, born in captivity, at the old green freedom*” [6], “*If you have a private menagerie your concern is to keep the animals ... inside the cage*” [8]. Ситуация невольной изоляции уподобляется нахождению мыши или другого животного в ловушке (например: “*He feels he’s been trapped some way*” [9], “*It was like a joke mousetrap I once saw ...*” [6], “*He wants to lead you into a ... sort of trap*” [8]), что дает нам возможность реконструировать метафору SECLUSION IS A TRAP.

Определенной разновидностью вместилища в контексте исследуемых произведений выступает «морилка» (SECLUSION IS A KILLING BOTTLE) — бутылка для умерщвления насекомых при создании коллекции: “*He showed me one day what he called his killing-bottle. I’m imprisoned in it. Fluttering against the glass*” [6]. В приведенном примере сценарий коллекционирования бабочек накладывается на заключение главной героини «Коллекционера» Миранды Грей. Подобно бабочке, девушка обречена стать частью

коллекции своего похитителя, находясь в темном подвале («морилке») до тех пор, пока не погибнет.

Жизнь, протекающая внутри места, где находятся персонажи, воспринимается ими как игра между «жертвой» и ее «властелином». Это своеобразная игра на выживание, соревнование, в котором необходимо проявить хитрость и смекалку, чтобы вырваться на свободу. Зачастую в ней присутствует фактор риска, опасности и даже смерти. Например, героям нужно «просчитывать ходы» как в шахматах (**BEING IN SECLUSION IS PLAYING A CHESS GAME**): “*A sort of chess-game with death I'd rather unexpectedly won” [6], “*I had the distinct feeling that he was a chess master caught between two moves: immensely rapid calculation of combinations” [8]. Преимущество в противостоянии жертвы и человека, которому она подвластна, реализуется через аналогию с игрой в карты (**BEING IN SECLUSION IS PLAYING A GAME OF CARDS**): “... *she acts like she still holds all the cards up that white sleeve of hers*” [9]. Рассмотрим такие иллюстрации: “*I saw a die, a shaker, a saucer, and a pillbox*” [8], “... *I risked death. I threw for life, and I won life*” [8], “...*Russian roulette*” [8]. Данные примеры демонстрируют осмысление рассматриваемой ситуации как игры в кости или русскую рулетку (**BEING IN SECLUSION IS PLAYING DICE, BEING IN SECLUSION IS PLAYING RUSSIAN ROULETTE**).**

В следующих примерах данное противостояние концептуализируется как соревнование: “*She knew she'd lost one big round and was losing another, but she wasn't in any hurry the fight could go on as long as she wanted, till he made a mistake or till he just gave out, or until she could come up with some new tactic that would put her back on top in everybody's eyes. A good lot happened before she came up with that new tactic” [9]. На основе приведенного фрагмента реконструируем метафорическую схему **BEING IN SECLUSION IS HAVING A BOXING MATCH**. Использование терминологии, характерной для боксёрских поединков, позволяет передать напряженность борьбы между жертвой и тем, кто ее держит взаперти. Возможность вырваться на свободу зависит от выбранной тактики.*

Таким образом, концептуальная схема **BEING IN SECLUSION IS A (DANGEROUS) GAME/ COMPETITION** является прототипической для ряда текстовых фрагментов, в которых ситуация изолированности или заключения сравнивается с определенной игрой. Необходимо отметить, что связь игры и концепта **SECLUSION** как замкнутого пространства, на наш взгляд, не является случайной. Так, Й. Хейзинга отмечает, что в игре среди ее формальных признаков «...первое место занимает пространственная выхваченность этой деятельности

из обыденной жизни. Некое замкнутое пространство, материальное или идеальное, обособляется, отгораживается от повседневного окружения» [5]. Таким образом, любой игре присущи замкнутость и обособленность во времени и пространстве.

Как уже отмечалось выше, герои исследуемых произведений оказываются в уединенном месте по разным причинам: принудительно или по собственной воле. От этих обстоятельств зависит отношение персонажей к ситуации уединения или изоляции. Для некоторых из них нахождение в замкнутом пространстве означает нахождение в подземелье, поэтому имеет направленность «вниз» (**SECLUSION IS DOWN**): “... *I saw a doorway in the corner of the wall facing us as we came down the stairs. It was another large cellar, four big steps down from the first one ...*” [6]. Реализуясь через концепт ОДИНОЧЕСТВА (LONELINESS), **SECLUSION** ассоциируется с темной подземелья: “*It was very dark, I could just make out the path and some trees. And it is very lonely*” [6], “*It was so dark. So lonely. No lights. Just darkness*” [6]. В основе приведенных фрагментов лежит метафорическая схема **SECLUSION IS DARKNESS**. Имея негативную коннотацию, так как **DOWN IS BAD** [11], метафорические схемы **SECLUSION IS DOWN** и **SECLUSION IS DARKNESS** коррелируют с метафорической схемой **SECLUSION IS BAD** (например, “*The solitude is unbearable*” [6]), поэтому считаем последнюю схему прототипической.

Исследованный материал продемонстрировал, что позитивное отношение к уединению вербализуется в лексике с положительной коннотацией. Проанализируем следующие текстовые фрагменты: “*Loneliness has its advantages ...*” [8], “... *fortunate old man ... to buy this last warm solitude and dry affection with his fame*” [7], “*His unconscious intention in seeking this isolation*” [8], “*But he was absolutely alone And I believe the happiest man I have ever met*” [8]. Как видно из приведенных примеров, к уединению или одиночеству «стремятся», они «имеют преимущества» по сравнению с жизнью в обществе. О том, что человеку нравится находиться отдельно от других, свидетельствует также эпитет *warm*, который характеризует **SECLUSION** как нечто приятное. Такая его характеристика реализуется через описание эмоций, вызванные ситуацией, в которой герои находятся. Уединившийся человек «счастлив», ему «повезло» (*fortunate, the happiest*), следовательно **SECLUSION**, в частности, представлено концептуальными метафорами **SECLUSION IS HAPPINESS**, **SECLUSION IS LUCK**, которые могут быть объединены в схеме **SECLUSION IS GOOD**.

Добровольное обособление также концептуализируется как желанный объект (**SECLUSION IS A CHERISHED OBJECT**), к которому стремятся, который ищут: “*All his life he [Henry] must have had this craving for a place to hide” [7], “*His unconscious intention in seeking this isolation” [8], “*But they both agreed that Conchis was a man who cherished his privacy” [8]. Уединение можно купить, заработать: “*...fortunate old man, to stay both percipient and profoundly amoral, to buy this last warm solitude and dry affection with his fame” [7]. Сказанное позволяет реконструировать метафорические схемы **SECLUSION IS A CHERISHED OBJECT**, **SECLUSION IS AN OBJECT THAT CAN BE BOUGHT**, которые могут быть сведены к прототипической метафоре **SECLUSION IS AN OBJECT**.****

Подводя итоги, отметим, что значительная часть метафорических схем, реконструированных во время анализа художественного материала, имеет общие свойства и может быть сгруппирована вокруг определенных центров — прототипических моделей. Нам удалось выделить пять метафорических схем, которыми представлен образный компонент исследуемого концепта:

1. SECLUSION IS A CONTAINER (COCOON/ PRISON/ CRYPT/ ASYLUM/ WAITING ROOM/ THEATRE/ CAGE/ TRAP/ KILLING BOTTLE);
2. BEING IN SECLUSION IS PLAYING/ HAVING A (DANGEROUS) GAME/ COMPETITION (CHESS-GAME/ CARD GAME/ DICE/ RUSSIAN ROULETTE/ BOXING MATCH);
3. SECLUSION IS AN OBJECT (A CHERISHED OBJECT/ OBJECT THAT CAN BE BOUGHT);
4. SECLUSION IS GOOD (HAPPINESS/ LUCK);
5. SECLUSION IS BAD (DOWN/ DARKNESS).

Вместе с тем, поскольку концепт не имеет четких границ и жесткой структуры [3], представленное количество метафорических схем концепта SECLUSION не является предельным и потенциально может пополняться новыми схемами.

Список литературы:

1. Карасик В.И. Языковой круг: Личность. Концепты. Дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
2. Подзолкова Н.В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2005. — 223 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2001. — 191 с.
4. Ситдикова Г.Ф. Мотив одиночества в лирике М.Ю. Лермонтова и М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ситдикова Гузель Фидарисовна. — Стерлитамак, 2008. — 191 с.
5. Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / сост., пер. и авт. вступ. ст. Д.В. Сильвестров. — М.: Прогресс, 1997. — 416 с.
6. Fowles J.R. The Collector [Электронный ресурс] / J.R. Fowles. — Режим доступа. — URL: http://webreading.ru/prose_/prose_classic/john-fowles-the-collector.html.
7. Fowles J.R. The Ebony Tower // The Ebony Tower. Eliduc. The Enigma. — Moscow: Progress Publishers, 1980. — P. 33—130.
8. Fowles J.R. The Magus [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://webreading.ru/prose_/prose_classic/john-fowles-the-magus.html.
9. Kesey K. One Flew Over the Cuckoo's Nest. — N. Y.: Penguin Books, 1976. — 310 p.
10. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed.A. Ortony. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 202—251.
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago and London: The University of Chicago Press, 2003. — 276 p.
12. Rosch E.H. Human Categorization / E.H. Rosch // Advances in Cross-Cultural Psychology / ed. by N. Warren. — London: Academic Press, 1975. — Vol. 1. — P. 1—49.
13. Taylor J. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory / J. Taylor. — Oxford: Clarendon Press, 1985. — 309 p.
14. Turner M. Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science. — New York: Princeton University Press, 1987. — 248 p.
15. Wittgenstein L. The Blue and Brown Books: Preliminary Studies for the Philosophical Investigations. — New York: Harper Torchbooks, 1965. — 208 p.

МЕТОНИМИЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОЛЕКСИКИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Старченко Елена Анатольевна

*преподаватель Горловского института иностранных языков ГВУЗ
«Донбасский государственный педагогический университет»*

г. Горловка, Украина

E-mail: helen-starchenko@mail.ru

Под терминологией избирательного процесса и избирательных процедур (ТЛИП) следует понимать совокупность гетерогенных с точки зрения генетических, структурных и коммуникативно-прагматических особенностей терминологических единиц (ТЕ), которые соотносятся с реалиями и понятиями избирательного процесса и в определенной мере отвечают общепризнанным требованиям к термину и терминологии.

Изучение особенностей терминообразования в терминосфере избирательного процесса и избирательных процедур подтверждает общепризнанный факт, что научное мышление воспринимает новые данные о действительности через известный запас информации и с помощью инвариантных признаков [7, с. 201]. По мнению ряда термиологов [1; 3; 4 и др.], значительная часть терминов, благодаря сходству научных и бытовых понятий, представляет собой продукт семантической деривации в пределах уже готового языкового знака, причем базой для новой номинации в специальных сферах является общенародный язык. Процесс развития в общеупотребительных словах новых терминологических значений сопровождается переосмыслением их семантики и осуществляется в соответствии с такими стандартными, хорошо известными моделями семантической деривации, как специализация значения, метафорическая и метонимическая транспозиция. Остановимся подробнее на последней.

Метонимия представляет собой механизм речи, который заключается в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, который ассоциируется с данным по смежности, отношению к одной ситуации [6, с. 300].

В отличие от метафоры, семантическая мотивированность которой основывается на одном или нескольких конкретных признаках

исходного значения и через них связана со всем содержанием слова, семантическая мотивированность метонимии связана с исходным значением не отдельными признаками, а всем объемом значения. Это означает, что в основе метонимии лежат реальные связи и реальные отношения между объектами. Обращение к метонимии не нуждается в гипотезах о сходстве, предположении фиктивности образа, поскольку он и в реальности сохраняет ассоциативную смежность с новым обозначением [5, с. 46].

Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные, логические и синтагматические отношения между разными категориями действительности, между предметами, действиями, процессами и т. п.

Поскольку основной функциональной направленностью метонимии является номинативная функция, терминологическим единицам, образованным путем метонимической транспозиции, присуща низкая экспрессивность, стилистическая нейтральность и высокая номинативность. Вот почему вопрос о создании терминов путем метонимизации не вызывает таких пылких споров и дискуссий среди лингвистов, как вопрос о роли метафоры в процессе терминообразования.

Более того, важность метонимической транспозиции как способа терминообразования сложно переоценить, ведь именно благодаря этому способу семантической деривации создан ряд базовых терминов исследуемой терминологии (кроме того, метонимия является активным источником развития полисемии уже существующих терминов).

Анализ исследуемого материала показывает, что ТЕ, образованные путем метонимизации, имеют различную структурную организацию и представлены однокомпонентными и двухкомпонентными номинациями.

Примерами однокомпонентных ТЕ, образованных вследствие метонимической транспозиции, в ТЛИП АЯ могут быть такие: *seat* «мандат», *vote* «голос, голосование», *content* «голос «за»; тот, кто голосует «за», *tugwump* «член партии, который сохраняет за собой право голосовать на выборах независимо от партии», *to colonize* «переселять или регистрировать дополнительных избирателей в тех районах, где наблюдается высокая конкуренция между кандидатам (кандидаты могут получить почти равное количество голосов)» и т. п.

Двухкомпонентные ТЕ, образованные путем комбинирования метонимической транспозиции и синтаксического способа терминообразования можно разделить на две группы.

Первую представляют ТЕ, образованные вследствие переосмысления всего словосочетания, ни один компонент которого не является термином исследуемой терминологии. Например, англ. *pressing the flesh* «один из популистских приемов ведения предвыборной кампании, который предусматривает пожатие рук, тесное общение с толпой избирателей и т. п.», *gender gap* «отличие в мужском и женском подходах к вопросам политики, в частности в вопросах голосования: женщины чаще голосуют за кандидатов от Демократической партии», *smell of magnolia* «специфический фактор избирательной кампании в США, который может обозначать как трудности, которые будут подстерегать кандидата с юга во время общенациональной кампании в северных регионах и на Среднем Западе, так и привлекательность кандидатуры с юга для южных штатов» и т. п.

Вторую группу образуют ТЕ, в которых метонимической транспозиции подвергается один из компонентов словосочетания. Этим компонентом может быть:

- зависимый компонент, напр. англ. *silk-stocking district* «избирательный округ, в котором живут зажиточные люди», *cemetery vote* «голосование вместо умершего, не исключенного из списка избирателей», *white primary* «первичные выборы в ряде южных штатов, в которых согласно уставу определенных партий темнокожее население не имело права принимать участие», *coffee-klatch campaign* «способ организации предвыборной кампании в городских кварталах, когда кандидат на выборную должность встречается с небольшими группами избирателей во время обеденного перерыва или перерыва на кофе» и т. п.

- ядерный компонент. К этой подгруппе принадлежат все терминологические сочетания с такими базовыми терминами, как *vote* «голосование, голос», *seat* «мандат, место в парламенте» и *ballot* «избирательный бюллетень; голосование (тайное)», которые образовались вследствие метонимической транспозиции от общеупотребительных слов или уже существующих терминологических значений соответствующих терминов. Зависимый компонент таких составных ТЕ может быть как логическим (непереосмысленным), так и переосмысленным атрибутом, напр., англ. *safe seat* «округ, в котором кандидату на выборную должность, которую он занимает на момент проведения выборов, практически гарантировано переизбрание», *blanket ballot* «голосование списком» и т. п.

Если говорить о метонимии в ТЛИП АЯ с точки зрения того, какие отношения: пространственные, временные, событийные,

понятнейшие и т. п. положены в основу метонимической транспозиции, обращает на себя внимание значительное количество метонимических ТЕ, образованных на основе пространственных отношений с переосмысленным географическим названием, напр., *Australian ballot* «избирательный бюллетень для тайного голосования, напечатанный за счет государства, который содержит фамилии всех легально выдвинутых кандидатов на выборную должность и в котором есть место для вписывания избирателем любой другой фамилии (свое название получил благодаря тому, что впервые был использован в Австралии в 1858, с 1888 начал использоваться в США, а со временем и в других странах)», *Indiana ballot* «избирательный бюллетень, в котором кандидаты от каждой партии представлены отдельным столбцом, часто под изображением эмблемы партии, и предполагается одновременное голосование за всех кандидатов от этой партии (свое название получил благодаря тому, что впервые был использованный в штате Индиана)», *Massachusetts ballot* «разновидность избирательного бюллетеня, применяемого во многих штатах США, в котором кандидаты на выборные должности сгруппированы по должностям, на которые они баллотируются» и т. п.

Еще одной характерной особенностью исследуемой терминологии является большое количество составных терминов, в состав которых входит собственное имя — фамилия. И это абсолютно оправдано, ведь, по мнению Л.Ю. Буяновой, уникальность семантического пространства собственного имени дает возможность производить дериваты, которые адекватно отвечают основному требованию, выдвигаемому к термину: требованию моносемантической, которая исключает синонимию и полисемию в терминологическом континууме, освобождает постдеривационное пространство от омонимии. Более того, исследовательница подчеркивает, что термин, мотивированный собственным именем, как бы включается с помощью своей деривационной базы в систему данной понятийно-логической сферы, поддерживая на деривационном уровне ее стройность и саморазвитие [2, с. 154]. Примерами терминов, созданных на основе фамилий политических деятелей и специалистов в области избирательного права, которые являются изобретателями систем голосования и систем подсчета голосов, в ТЛИП АЯ могут быть такие: *the Hare system* «система голосования, согласно которой избиратель имеет возможность проголосовать за нескольких кандидатов на выборную должность и расположить их в порядке собственных предпочтений», *Condorcet's method* «метод голосования за кандидата на выборную должность в парных соревнованиях,

которые предусматривают наличие лишь одного победителя (напр., президент, мэр, губернатор и т. п.)», *the Droop quota* «высочайший порог, пересечение которого гарантирует кандидату в депутаты получение мандата» и т. п.

Следует отметить, что ТЕ, образованные путем метонимической транспозиции от собственных имен, характеризуются наименьшей степенью мотивированности, ведь в основу номинации положен несущественный признак понятия. При наличии правильно ориентирующих с точки зрения внутренней формы дублетных номинаций в сфере функционирования терминов преимущество отдается именно таким дублетным номинациям, например: *Indiana ballot = party-column ballot, Massachusetts ballot = office-block ballot*.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что метонимическая транспозиция приводит к развитию в пределах уже готового знака общенародного языка или существующего термина нового терминологического значения из области избираемого термина и избирательных процедур и является одним из продуктивных способов образования ТЕ исследуемой терминологии.

Список литературы:

1. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1998. — 120 с.
2. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в современном английском языке — Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1996. — 254 с.
3. Володина М.Н. Теория терминологической номинации — М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. — 230 с.
4. Гринев С.В. Основы лексикографического описания терминосистем: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 — М., 1990. — 436 с.
5. Кришталь С.М. Структурно-семантический анализ метафорических терминов подязыка финансов в английском и украинском языках: дис ... канд. филол. наук: 10.02.17 — Донецк, 2003. — 218 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / [под ред. В.Н. Ярцева]. — М.: Советская Энциклопедия, 1990. — 685 с.
7. Панько Т.І. Українське термінознавство — Львів : Світ, 1994. — 216 с.

ТАКТИКА ИНТРОДУКЦИИ НОВОЙ ТЕМЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Цапро Галина Юрьевна

*старший преподаватель кафедры английской филологии
Гуманитарного института Киевского университета
имени Бориса Гринченко,
г. Киев*

E-mail: tsaprogyu@mail.ru

Гендерный аспект коммуникативных стратегий и тактик ярко проявляется в диалоговом дискурсе, в нашей работе — интервью [1, с. 51—52; 2]. Мы изучаем стратегии и тактики, используемые интервьюируемыми в англоязычном интервью, на материале телепрограммы CNN Larry King Live. Данная статья посвящена тактике интродукции новой темы интервьюируемым, что рассматривается через гендерную призму.

Тема, предложенная интервьюером, является отравной точкой для дальнейшего построения интервью. Именно интервьюер обычно выступает инициатором введения новой темы, решает, как долго и полно она будет звучать в эфире, сворачивает тему, возвращается к ней снова через некоторое время, расширяя ее, изменяет тему. Интервьюер определяет логику и структуру интервью в зависимости от персоны приглашенного гостя, тем самым заставляя интервьюируемого придерживаться определенной тематики разговора, иногда навязывая гостю программы запланированные роли. Вопросы, которые ставит интервьюер, строятся определенным образом. С одной стороны, интервьюируемый может иметь совершенно отличающееся представление о предложенной ему теме, поскольку она может быть ему не интересна, вызывать негативные реакции, у него может возникнуть нежелание раскрывать тот или иной аспект происходящих событий. С другой стороны, придя на телепрограмму, интервьюируемый четко определяет свою роль и строит выгодный ему образ, нацеливаясь на обширную аудиторию телезрителей. Поэтому, когда интервьюер не затрагивает тему, интересную или важную для интервьюируемого, последний применяет тактику интродукции новой темы. В свою очередь ведущий программы может поддержать новую тему беседы, найдя ее интересной для зрителей, либо же не продолжить ее, уводя интервьюируемого в другом направлении.

В исследуемом материале тактика интродукции новой темы представлена как гомогендерная мужская тактика, то есть количест-

венный анализ материала показал, что тактика представлена в 91 % случаев примерами ее использования в высказываниях мужчин. По сравнению с другими тактиками стратегии развития темы эта тактика не является частотной, что объясняется спецификой ведения интервью, поскольку в соответствии с принципом кооперации, интервьюируемый скорее всего будет развивать предложенную ему тему, в то время как интродукция им новой темы приводит к нарушению этого принципа. Введение новой темы гостем программы нарушает установленный порядок проведения интервью, особенно, если новая тема вводится интервьюируемым эксплицитно.

В приведенном ниже примере ведущий программы Ларри Кинг спрашивает теннисиста Андре Агасси о Стефани и ее игре на корте. Уклоняясь от продолжения темы, Агасси вводит новую тему, которая заинтересует интервьюера, с одной стороны, а с другой прорекламирует его благотворительный фонд, который функционирует уже более десяти лет, что поддерживает его положительный имидж не только как успешного спортсмена, но и как сознательного гражданина.

KING: Stephanie going to keep on playing?

AGASSI: No, she hasn't played in seven years now.

KING: She won't play again at all?

AGASSI: Well...

KING: She played for the last time.

AGASSI: And she also — we also play for charity, you know. We also go and try to, you know, have fun playing some mixed doubles and, you know, raise some awareness.

KING: You're very philanthropic.

AGASSI: I've had my foundation for about 13 years now.

KING: Which does what?

AGASSI: It gives children with no opportunities in life a little hope and we do that through education mostly. We clothe over 3,000 children a year but sort of dealing with all the needs of children we realize we're sticking Band-aids on the real issues. The issue that exists is you have to give a child a chance to make better choices for themselves. So, we built a school that is bringing these children up to speed inside a year in the most poverty sort of economically challenged part of Las Vegas. (September 7, 2006)

Интервьюируемый Андре Агасси имплицитно вводит новую тему вместо предыдущей, базируя свою новую тему на предыдущем своем высказывании об игре в теннис как благотворительном акте,

также при этом опираясь на высказывание ведущего о его филантропической природе.

В своем интервью Альберт Гор, бывший вице-президент Соединенных Штатов, старается отойти от политических вопросов и сосредоточить внимание как интервьюера, так и телезрителей на проблемах окружающей среды. Интервью происходит после съемок фильма *"An Inconvenient Truth"* и публикации книги *"The Planetary Emergency of Global Warming and What We Can Do About it: An Inconvenient Truth"*, автором которой является Альберт Гор. Гость программы использует свой шанс обратиться к телезрителям для промоушена своей книги, а также с целью акцентирования изменения его интересов: уход из политики и новый аспект его жизни — борьба с загрязнением окружающей среды.

KING: Will you support Hillary?

GORE: I'm certain I'd support the nominee. And sure. But look, I'm not even — she is in a campaign for re-election to the Senate in New York. I don't want to jinx her, but she's going to win overwhelmingly. And I think it's really important for those of us who share my political persuasion to try to get a majority of either the House or the Senate, hopefully both, during these midterm elections this November.

Now, let me pause and say this, Larry. I'm happy to talk to you about politics, and I really believe that our country would be better off if we had a sharing of power with the legislative branch holding the president accountable, and I'm going to try to help Democrats this fall, but I'm focused on this climate crisis, and I believe it should not be seen as a political issue. I think it is a moral issue, and I want Republicans and conservatives as well as Democrats, liberals, to share the sense of urgency and this moral cause. Our future is at stake.

I don't want to imagine a future in which our children say, decades from now, what were our parents thinking? Why didn't they wake up when they had a chance? In order to answer that question in the present, we have to lift this crisis out of the political framework and redefine it as a moral and ethical issue. It's really a spiritual issue.

KING: I've tried to separate it tonight. (July 13, 2006)

Тактика интродукции новой темы вводится эксплицитно, нарушая принцип кооперации, подчеркивая, что интервьюируемый нацелен на другие вопросы, а не на политику. Новая тема вводится без привязывания к предыдущему высказыванию. Альберт Гор опирается на собственный авторитет и откровенно заявляет о круге своих интересов. При этом интервьюер вынужден оправдываться,

почему он заставляет гостя программы обсуждать вопросы, которые не являются для него приоритетными.

В следующем примере обладатель Оскара, режиссер-документалист Майкл Мур, работающий в сфере острой политической и социальной сатиры, использует тактику интродукции новой темы.

KING: Joining us now in Travis City, Michigan, Michael Moore, the Oscar winning documentary filmmaker, who opposes the \$ 34 billion federal bailout loans the big three automakers are now desiring from Congress. And nobody ever accused Moore of mincing words. But in a new letter on your Web site, which is, by the way, MichaelMoore.com, you're really rather blunt in opposition to the bailout. You call it — you say, "These idiots don't deserve a dime."

OK, but what all the people who work for them, Michael?

MICHAEL MOORE: Well, yes, absolutely. First of all, Larry, let me just say it's some show here you've got tonight, where you've two winners of the sexiest men alive. So it's a... (December 3, 2008)

Режиссер документальных фильмов Майкл Мур старается отойти от спорной темы о срочном займе производителям автомобилей, ярким противником которой он сам является, переключаясь на шутливую тематику. Новая тема вводится эксплицитно, при этом гость программы даже не утруждает себя дать ответ на вопрос ведущего программы Ларри Кинга, выигрывая некоторое время, используя хедж вместе с минимальным реакцией-ответом. Интервьюер перебивает его, возвращаясь к предыдущей теме. Данный пример демонстрирует отказ ведущего программы продолжать тему, предложенную гостем программы и настойчивое продолжение заранее запланированного хода интервью.

В следующем примере певец и автор песен Барри Манилоу имплицитно вводит новую тему для дальнейшего обсуждения, которая в свою очередь поддерживается интервьюером.

KING: Are you still writing?

MANILOW: I am. I'm writing and, you know, I've got this Broadway musical that, you know, we've been hoping for and I think that within the next couple of weeks there might be some very good news.

KING: What is it about?

MANILOW: It's called "Harmony" and it's the true story of the first boy band in Germany in the '30s that were destroyed by the Nazis and we had never heard of them but my collaborator, Bruce, and I looked them up and said "Whoa, what is this story?" It's a very compelling story. So, we've written an original musical based on their lives and it's pretty interesting (April 22, 2006).

Тактика интродукции новой темы базируется на предыдущем вопросе о творческой деятельности, на который гость программы

Барри Манилоу дает утвердительный ответ, и, употребляя хедж *you know* в апеллятивной функции, певец рассчитывает на поддержку своего нового проекта — Бродвейского мюзикла — со стороны интервьюера Ларри Кинга, а также рекламирует свой мюзикл своим почитателям и широкой массе телезрителей. Поскольку Барри Манилов в предыдущей части интервью рассказывал об успешной сольной карьере и о триумфе его песен на протяжении десятилетий, вводя новую тему о мюзикле, певец имплицитно подводит телезрителей к идее о возможном успехе его нового творения. Использование хеджа *you know* в апеллятивной функции страхует говорящего, показывая, что он нуждается в поддержке, второй хедж *you know*, который используется в такой же функции, демонстрирует ожидания Барри Манилоу получить радостные новости о принятии его мюзикла к постановке.

В следующем примере ведущий программы Ларри Кинг обсуждает проблему афроамериканцев и обращается к приглашенному гостю доктору Элвину Пуссену с просьбой прокомментировать образ президента Соединенных Штатов Барака Обамы как надежды темнокожего населения страны. Далее интервьюер обращается к главному гостю программы, комедианту Биллу Косби, с просьбой прокомментировать высказывание доктора Пуссена.

KING: The book is "Come on People." The guests are Dr. Alvin Poussaint, the director of the Media Center of the Judge Baker Children's Center in Boston and professor of psychiatry at Harvard; and Bill Cosby. If I have to tell you who he is, you have a major problem. In this atmosphere, Dr. Poussaint and Bill, does Barack Obama represent the kind of — for black people, a hope?

POUSSAINT: Well, I think obviously he does, and he has rallied a lot of black people behind him and black people are contributing to his campaign, including, you know, upper and middle class black people. So I think, yes, that's important and — symbolically and otherwise because it shows just as we get people as secretary of state and these other positions that we can go to the very top.

KING: Are you supporting him, Bill?

COSBY: I want to say that it's unfair. Do you ask white people this question?

KING: No, I'm...

COSBY: I'm asking you — I'm not raising my voice, I'm asking, have you — no, no, have you asked them, seriously? Because I get people — they ask me this, and then it's sort of like those other people are not running. I want to know why this fellow especially is brought up in such a special way.

KING: I'll tell you what...

COSBY: And here's the question I'm asking. How many Americans in media really take him seriously, or do they look at him like some prize brown baby like...

KING: I think he's taken seriously by most of American media. He proves it every time he talks, whether you ...

COSBY: Look, I see journalists, whether it's CNN or whatever, and they talk about him in a manner that I feel says, well, OK, what did he say, and how special was he for what he said and how hard does he have to work? Everybody else — nobody else is held — those four Republicans that didn't show up at Morgan State happen to be more accountable in terms of what they didn't do, especially for the brown people as well. What is it that they're not saying about those four guys that didn't show up?

They're not saying that we didn't — we as black people, didn't vote for them. That's silly. Because if you need votes and if you want votes, and brown people are waiting to ask you some questions and the black people are waiting to ask you, and Asian people are waiting to ask you questions, how could you not show up? (October 18, 2007)

Интервьюируемый Билл Косби вводит новую тему для обсуждения, прямо отказываясь отвечать на поставленный ведущим вопрос, поскольку он касается политических взглядов гостя, а также задевает интервьюируемого тем, что стереотипно считается, что все афроамериканцы должны поддерживать друг друга только из-за одинакового цвета кожи. Билл Косби подчеркивает, что политики избираются для решения насущных проблем в державе, а средствам массовой информации необходимо сосредоточиваться на оценке эффективности работы политиков, а не на их цвете кожи. Тактика интродукции новой темы базируется на вопросе, который интервьюируемый задает интервьюеру, таким образом меняясь ролями во время проведения интервью.

KING: Do you feel your importance? Do you sense it?

WINFREY: No. If you're saying that I'm important, I understand that I have...

KING: Clout.

WINFREY: I understand that I have a wonderful platform that we've built over the years and I remember when you were doing your column for — Do you remember this?

KING: "USA Today."

WINFREY: "USA Today." And you had written a column and you said, I would like to know who her publicist is. Do you remember that?

KING: Yes.

WINFREY: Years ago. And at the time my publicist was an intern girl who had started the very first day I did who had not a clue about — Alice McGee (ph) who later became a producer and later helped develop our book club idea.

But when you wrote that article, I said, if he only knew that my publicist was a young girl who started the same day I did. Her first day out of college and I said to her when I started getting lots of mail, I said, Alice, would you help me with the mail? I'll pay you a dollar a letter.

And then I started getting so much mail, I said, I can't afford a dollar a letter anymore. So yeah, it's been a great ride for me. It's been really ... (May 1, 2007).

Гость программы Опра Уинфри во время проведения интервью часто использует изменение роли интервьюер-интервьюируемый, что объясняется ее профессиональной деятельности. В приведенном выше примере интервьюируемая Уинфри не поддерживает тему интервьюера, используя тактику уклонения от темы, и вводит новую тему для разговора, при этом выступая в роли интервьюера и задавая вопросы Ларри Кингу. Она использует тактику тематической детализации, поскольку у нее появилась возможность подать себя в новом ракурсе для телезрителей и рассказать о необычном начале своей карьеры. Когда интервьюируемый слишком долго удерживает инициативу, ведущий Ларри Кинг направляет разговор в запланированное им русло.

Тактика интродукции новой темы представлена следующими коммуникативными ходами, которые представлены в таблице 1:

Таблица 1.

Коммуникативные ходы тактики интродукции новой темы

тактика интродукции новой темы		
имплицитные ходы		
имплицитное введение, опираясь на предыдущее высказывание, + тактика уклонения от темы	имплицитное введение, опираясь на предыдущее высказывание, + употребление хеджей	имплицитное введение, опираясь на предыдущее высказывание, + тактика уклонения от темы
эксплицитные ходы		
переход на новую тему + тактика отказа от темы	переход на новую тему + вопрос	неудачный переход на новую тему (тема не получает поддержку интервьюера)

В исследованных нами текстах интервью выборка иллюстративного материала представлена 47 примерами использования тактики интродукции новой темы, из них — 43 примера использования мужчинами-интервьюируемыми, а 4 — женщинами-интервьюируемыми.

Гендерное варьирование тактики интродукции новой темы объясняем интенциями интервьюируемых. Мужчины-интервьюируемые, не соглашаясь отвечать на некоторые вопросы и не стараясь придерживаться принципа кооперации, эксплицитно вводят новую тему или же имплицитно переходят на новую тему, тем самым оставаясь в рамках принципа кооперации. Женщины-интервьюируемые не отваживаются так откровенно нарушать принцип кооперации, тем самым вместо введения новой темы используют тактику отклонения от темы и в очень редких случаях тактику отказа от темы.

Список литературы:

1. Борисенко Н.Д. Гендер персонажей современной британской драмы как социально-статусная характеристика // Языковые и концептуальные картины мира: Сб. науч. трудов. — 2010. — № 32. — С. 51—56.
2. Fina de A., Perrino S. Introduction: Interviews vs. 'Natural' Contexts: A False Dilemma // Language in Society. — 2011. — Vol. 40. — № 1. — P. 1—11.

2.4. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА ЗАКОНА ФРАНЦИИ КОНЦА XVI ВЕКА

Бабич Галина Михайловна

преподаватель Академии МВД Республики Беларусь

E-mail: appelle@mail.ru

Конец XVI века во Франции ознаменовался сменой общественных формаций: страна совершала переход от феодального к королевскому государству. Отличительной особенностью этого переломного периода было усиление независимости королевской власти, которое в сфере права проявлялось в способности короля не только вершить правосудие (“roi est fontaine de la justice”), но и создавать законы (“roi est la loi vivante”).

Выдающимся документом той эпохи является Нантский эдикт 1598 года, состоящий из 4 законодательных документов. Сам эдикт включает в себя 92 статьи общего характера и 52 секретные статьи, два текста под названием “brevets”. Основной текст документа начинается с преамбулы, которая, благодаря гуманистическим идеям и художественному тону изложения, является культурным достоянием всего человечества.

В соответствии с коммуникативной ситуацией того времени, король, автор законов, обнаруживает себя в самом тексте, выступая в качестве субъекта речи: «*Nous* défendons à tous prêcheurs lecteurs ... ». Для соотношения текста с адресантом используется местоимение *nous* (мы) (так называемое *nous «de majesté»*). Местоимение *je* (я) не употребляется, поскольку способно в силу своей субъективности разрушить оппозицию «вышестоящий»/«нижестоящий», поставив монарха в один ряд с его подданными [6, с. 31]. Опущение местоимения *nous* актуализирует дополнительные прагматические функции, а именно — установление контакта с адресатом [2 с. 77, 78], например, в преамбуле закона: «Pour ces causes, (...), [*nous*] avons, par cet Edit perpétuel et irrévocable, dit, déclaré et ordonné, disons, déclarons et ordonnons: ... » [4]. В секретных статьях Нантского Эдикта местоимение *nous*, указывающее на законодателя, уступает место 3 лицу — *Sa Majesté* (*Его Величество*): «*Sa Majesté* ne veut aussi que

ceux de ladite religion qui auront ci-devant contracté ou contracteront ci-après mariages (...) en puissent être molestés ... » [там же]. Изменения, затрагивающие эксплицитное оформление пишущего (*nous*→*Sa Majesté*), связаны, по нашему мнению, с нежеланием Короля брать на себя ответственность за непопулярные (поэтому — секретные) предписания.

Адресатом закона являются все подданные короля: «*Défendons à tous nos sujets...*» (запрещаем всем нашим подданным), а также сословия или группы лиц, выделяемые на основе религиозной и национальной принадлежности: «*Ceux de ladite religion prétendue réformée* (те, кто исповедуют так называемую реформированную религию)...». Адресат эксплицитно выражается именем существительным с определенным артиклем в генерализирующем (обобщенном) значении, указывающем на родовое единство, или притяжательным прилагательным: *les conseillers*-советники, *nos[dits] sujets* — наши вышеназванные подданные.

Волеизъявление законодателя эпохи абсолютизма эксплицируется соответствующими глаголами в перформативном употреблении, т. е. в форме 1 лица *множественного числа* в настоящем времени *Présent de l'Indicatif*. В зависимости от семантики глаголов речевое действие квалифицируется адресатом как:

Приказ, относящийся к категорическим формам предписания: «*Ordonnons* que la religion catholique, apostolique et romaine sera remise et rétablie en tous les lieux et endroits de cestui notre royaume ... » [там же] («Приказываем, чтобы католическая, апостольская и римская религия была восстановлена и снова введена во всех местностях и населенных пунктах нашего королевства ... »).

Запрет: «*Défendons à tous nos sujets...*». Категорический запрет подтверждается семантикой перформативного глагола: *défendre* — *ordonner de ne pas avoir* (de ne pas faire) → *ordonner* — *prescrire par un ordre* → *prescrire* — *ordonner expressément* [5, с. 1005].

Разрешение: «Et pour ne laisser aucune occasion de troubles et différends entre nos sujets, *avons permis et permettons* à ceux de ladite religion prétendue réformée vivre et demeurer par toutes les villes et lieux de cestui notre royaume ... » [4] («И чтобы не осталось никакого повода для беспорядков и распрей между нашими подданными, [мы] *разрешили* [ранее] и *разрешаем* [теперь] тем, кто принадлежит к так называемой реформированной религии, жить и проживать (проживать постоянно или временно) во всех городах и местностях нашего королевства ...»).

Король эпохи абсолютизма — «великий расточатель милостей» [1, с. 143]. Только особая необходимость (*pour ne laisser aucune occasion de troubles et différends entre nos sujets*) заставляет его отказаться от запрета на проживание протестантов на территории королевства (*permettre = ne pas défendre*). Употребление *permettre* сразу в двух временах усиливает категоричность предписания: *avons permis* подтверждает факт принятия законодателем решения о разрешении, а *permettons* непосредственно выражает интенцию законодателя.

Волеизъявление законодателя в XVII — конце XVIII века может быть выражено эксплицитно косвенным способом (т. е. косвенными речевыми актами):

Косвенный приказ: «*Voulons et entendons* que lesdites chambres (...) soient réunies et incorporées en iceux parlements ... » [4] («Хотим и желаем, чтобы вышеназванные палаты (...) были объединены и включены в состав этих парламентов ...»). Законодатель не предусматривает возможности невыполнения косвенного приказа, следовательно, он является категорической формой предписания.

Косвенное разрешение: «Nos sujets de ladite religion du parlement de Bourgogne auront le choix et option de plaider en la chambre ordonnée au parlement de Paris ou en celle de Dauphiné» [там же] («Наши подданные вышеназванной религии, принадлежащие к парламенту Бургундии, будут иметь выбор и право выбора на ведение тяжбы в палате, предписанной парламенту Парижа или Дофине»), т. е. *nos sujets auront le choix et option de... = Nous permettons à nos sujets ...*.

Этимология выражения *être loisible*-быть дозволенным (*être permis* [5, с. 748], d'après «*loisir*», «*loisible*» — «laissé à la libre disposition, volonté», «agréable», «plaisant» [3, с. 2051]) способствует косвенному выражению разрешения: «*Sera loisible* à ceux de ladite religion, de faire ledit exercice public d'icelle à Pimpoul ... » [4] («Будем дозволено представителям вышеназванной религии исповедовать ее публично в Пимпуле ...»). Употребление *être loisible* вместо традиционного *pous permettons* подчеркивает результат речевого действия, а не само действие.

Косвенный запрет: Отрицание, присоединенное к глаголам *vouloir/entendre* (*хотеть, желать*), меняет их значение на противоположное — *ne pas vouloir/ne pas entendre* (*не хотеть, не желать*, а применительно к волеизъявлению «вышестоящего» — *запрещать*): «...Sadite Majesté ne veut ni entend, pour plusieurs bonnes considérations, qu'ils en soient recherchés ni molestés ...» [там же] («... Его вышеназванное Величество по многим соображениям

не хочет и не желает, чтобы их преследовали в судебном порядке и притесняли ...»).

Таким образом, прагматическая организация текста закона Франции конца XVI века отвечает историческим, культурным и политическим требованиям французского общества данного периода. Ее отличительными особенностями являются: субъектность — отождествление с личностью Короля, эксплицитным выражением которой является местоимение *vous* (мы); коллективная определенная адресованность и преимущественная категоричность законодательного предписания.

Список литературы:

1. Гервэ Г. История Франции и Европы: первонач. курс истории в свете принципов мира и справедливости / Г. Гервэ. — СПб.: В.И. Яковенко, 1908. — 432 с.
2. Сабанеева М.К. Историческая грамматика французского языка: учеб. Для вузов / М.К. Сабанеева, Г.М. Щерба. — Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1990. — 270 с.
3. Dictionnaire historique de la langue française: en 3 vol. / sous la direction de A. Rey. — 21e éd. — Paris: Le Robert, 2006. — Vol. 1: A-E. — 1381 p.; Vol. 2: F-Pr. — 1383—2909 p.; Vol. 3: Pr-Z. — 2911—4304 p.
4. Edit de Nantes suivi des articles particuliers et des brevets [Electronic resource] / Centre d'Édition de Textes Electroniques. — Université de Nantes. — Mode of access: http://www.aidh.org/Biblio/Text_fondat/FR_01_1.htm — Date of access: 03.11.2012.
5. Le Robert Micro poche: dictionnaire d'apprentissage de la langue française. — Paris: Dictionnaires le Robert, 1993. — 1506 p.
6. Maingueneau D. L'énonciation en linguistique française / D. Maingueneau. — Paris: Hachette, 1994. — 158 p.

2.5. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

СЕМНЫЙ СОСТАВ И ДИСТРИБУЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ NOCTURNE/DE NUIT

Аммосова Марианна

*аспирант Северо-Восточного Федерального Университета,
г. Якутск*

E-mail: marianna0888@mail.ru

В данной статье рассматривается проблема употребления грамматических синонимов *nocturne/de nuit* в современном французском языке.

Ключевые слова: грамматическая синонимия, сема, семантическая структура, дистрибуция, функционирование.

Синонимия является наименее изученной областью языкознания как в лексике, так и в грамматике, а особенно в синтаксисе. Благодаря многочисленным работам, появившимся в последнее время и посвященным отдельным частным вопросам грамматической синонимии (например, Запасова М.И., Колосова Е.И., Костюшкина Г.М., Сорокина Т.С., Шендельс Е.И., Ярцева В.Н.), в настоящее время можно сказать, что разработка этого вопроса дала результаты как в теоретическом, так и в практическом планах.

Термин «синонимия» может определяться как в узком понимании (с точки зрения лексикологии), например, как отношение между двумя лексемами, формально различными, но имеющими одинаковое значение [6, с. 560], так и в широком (включая и грамматические единицы), как тип семантических отношений языковых единиц, заключающихся в полном или частичном совпадении их значений [2, с. 446].

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения функциональной грамматической синонимии как проблемы «выбора» языковых средств, проблемы, напрямую связанной с изучением когнитивных аспектов функционирования языка. До настоящего времени проблема «выбора» грамматических синонимов не получила когнитивно ориентированной интерпретации [5, с. 92]. Выбор синонимов типа *nocturne/de nuit* во французском языке представляет трудность для русскоязычных

говорящих, поскольку в русском языке значения, выражаемые грамматическими синонимами прилагательное + адъективированное существительное, передаются только одним прилагательным.

Целью данного исследования является выявление условий употребления грамматических синонимов *nocturne/de nuit*, для чего мы определили семантическую структуру каждого синонима, тождественные и нетождественные семы, их дистрибуцию. Исследование проводилось на основе 180 примеров, выявленных методом сплошной выборки в интернет-сайтах на французском языке.

Мы рассмотрели отдельные варианты лексического значения прилагательных — лексико-семантические варианты (ЛСВ) или семемы, являющиеся иерархически организованной совокупностью сем. Под семой понимается микрокомпонент лексического значения, элементарная единица смысла, называемая также дифференциальным признаком или дифференциальной семой [1, с. 262; 4, с. 57; 3, с. 437—438].

Рассмотрим семантическую структуру прилагательного “nocturne”. Мы определили количество лексико-семантических вариантов внутри семантической структуры слова *nocturne*. При этом использовались четыре толковых словаря французского языка (le Petit Robert, онлайн словари “Centre national des ressources textuelles et lexicales”, “Wikipedia” и “Dictionnaire de l’Académie française”).

Таким образом, согласно словарям, у прилагательного «nocturne» выделяются следующие лексико-семантические варианты (ЛСВ) и семы:

ЛСВ 1. Относящийся к ночи, происходящий ночью;

ЛСВ 2. Имеющий место в ночное время суток;

ЛСВ 3. Ведущий активную жизнь в ночное время.

Сема 1. Признак растения, цветущего в ночное время суток.

Сема 2. Признак животных с максимальной активностью ночью, охотящихся ночью.

Итак, рассмотрим прилагательное “nocturne” в найденных нами примерах в интернет-сайтах. Слово «nocturne» употребляется:

1. В текстах зоологической тематики: «раон — павлин», «papillon — бабочка», «epeire — паук-крестовик», «lézard — ящерица», «corneille — ворона», «animal — животное», «rapace — вид», «chacal — шакал», «environnement — среда». Например, “Comme les papillons diurnes, la plupart des **papillons nocturnes** ont les pièces buccales modifiées en un proboscis enroulé en spirale au repos, qui sert à extraire le nectar des fleurs”; “En français elle est appelée Araignée des fissures, Epeire des fissures ou **Epeire nocturne**”. Здесь реализуется

сема 2 «признак животных с максимальной активностью ночью, охотящихся ночью» (ЛСВ 3).

2. В текстах, посвященных астрономическим явлениям: «ciel — небо», «arc — дуга, свод». Например, “Votre contribution aux observations donnera des indications précieuses sur la qualité du **ciel nocturne**. En observant la constellation d'Orion, ...”, “*Arc nocturne*, arc que le soleil décrit ou paraît décrire pendant qu'il est au-dessous de l'horizon”. Здесь мы также считаем нужным выделить дополнительную сему «признак астрономического явления» (ЛСВ 2).

3. В текстах с медицинской тематикой: «pollution — отравление», «ejaculation — эякуляция», «myopie — близорукость», «tumesence — тумесценция», «érection — эрекция», «hemoglobinurie paroxystique — пароксизмальная гемоглобинурия», «énurésie — недержание мочи» — “**L'énurésie nocturne** est, à un âge où le contrôle volontaire doit être présent, le fait d'uriner de manière spontanée pendant le sommeil”, “D'après White & al (2000), celle-ci affecte 38 % des sujets de moins de 25 ans et parmi ces derniers 4 % ont une **myopie nocturne** supérieure à 2,5 D entraînant une acuité visuelle inférieure au minimum légal pour la conduite”. Мы выделяем сему «признак заболеваний, проявляющихся в ночное время» (ЛСВ 2).

4. Для обозначения ночного транспорта: «train — поезд», «conduite — управление», «chasseur — истребитель», «bus — автобус» «service — обслуживание» — “Un **train nocturne** prive de sommeil des Fidéens. Pierre-André Normandin ...”, “L'heure est venue pour le **Chasseur nocturne** d'accomplir sa mission secrète: purifier la League of Legends” [53]. Здесь также выделяется новая сема, не указанная в словарях, «признак транспорта, функционирующего в ночное время» (ЛСВ 2).

5. В текстах, где прилагательное nocturne содержит не указанную в словарях сему «признак действия, деятельности, имеющих место ночью» (ЛСВ 1): «observation — наблюдение», «service — служба», «surveillance — наблюдение», «escalade — восхождение (на гору)», «sonnerie — звонок», «réunion — собрание», «rassemblement — объединение», «étude — учение», «vie — жизнь», «activité — активность», «autorisation — разрешение», «scène — сцена», «chasse — охота», «écoute-vision — аудио-видео», «séance — сеанс», «pique-nique — пикник», «vote — голосование», «déambulation — прогулка, хождение», «vente — продажа», «travail — работа», «spectacle — спектакль». Например, “Une autre livresque surfréquenté, formidable terrain de **chasse nocturne**”, “On va pas pleurer le temps du Palace, c'est infantile. Il s'agit d'un dynamisme plus large, de

l'offre des **services nocturnes**”, “Bien que l’employeur puisse y recourir, le travail de jour est la norme et le **travail de nuit** est exceptionnel”.

6. Для характеристики военных действий: «heurт — столкновение», «assaut — атака», «couvre-feu — комендантский час», «combat — бой», «bombardement — бомбардировка», «gardien — охранник», «courses — бега» — “Le Côte d’Ivoire est sous **couvre-feu nocturne** depuis la veille de la présidentielle du 28 novembre”, “Il fait directement références aux rassemblements sauvages de motards à Rungis faisant des **courses nocturnes** aux alentours des halles desertes”. Поскольку подходящая сема не указана для данного примера, мы считаем нужным выделить сему «характеристика военных действий, имеющих место в ночное время».

7. В текстах с астрологической тематикой: «domicile — дом» — “Chacune de ces deux planetes est en domicile dans un signe masculin domicile diurne et dans un signe feminine (**domicile nocturne**)”. Здесь реализуется сема «ночной дом планеты» (астрол.).

8. В текстах о заведениях, работающих в ночное время: «cabaret — кабаре», «boîte — кабак», «festival — фестиваль», «marche — переход» — “Cabaret Nocturne in March is pleased to present the official Emilie Autumn after party, which means lots of Emilie Autumn played in the”, “Le Macumba est l'une des grandes *boîtes nocturne* de l'Est de la France. Il accueille des fêtards de toute l'Europe avec en majorité des français, des...” Здесь реализуется сема «характеристика заведений, работающих в ночное время».

9. В текстах о растениях, цветущих ночью: «jasmin — жасмин» — “Pourtant, j'aime le jasmin non "floral", mais l'odeur du **jasmin nocturne**, lourd, opulent (mais pas gras!)”. Этот пример мы относим к ЛСВ 3 с семой 1 «признак растений, цветущих в ночное время суток».

Адъективируемое существительное de nuit в словаре le Petit Robert имеет следующие лексико-семантические варианты:

ЛСВ 1. Происходящий, имеющий место ночью.

ЛСВ 2. Живущий в ночное время суток.

ЛСВ 3. Работающий, выполняющий свои функции ночью.

ЛСВ 4. Служащий в ночное время суток.

При анализе контекстов с de nuit мы посчитали целесообразным самостоятельно определить семы, реализуемые в них. Адъективируемое существительное de nuit употребляется в разных контекстах, но в отличие от nocturne, адъективируемое существительное реже используется в текстах зоологической тематики и не используется вообще в текстах астрономической тематики. Оно встречается:

1. В текстах о животных, ведущих активную жизнь в ночной период: «animal — животное», «papillon — бабочка», «lézard — ящерица», «garase — вид», «chacal — шакал», «paon — павлин» — “Cela fait depuis très longtemps que je n'entends plus le cri du **chacal de nuit!**”, “Le Grand Paon **de nuit**, *Saturnia pyri*, est un *insecte lépidoptère* de la famille des *Saturniidae*”. Этот пример совпадает с ЛСВ 2, мы считаем нужным выделить здесь сему «признак животных с максимальной активностью в ночное время суток».

2. В текстах о растениях, цветущих ночью: «jasmin — жасмин», «la belle de nuit — ночная красавица» — “La **Belle de nuit**, aussi connue sous le nom de Merveille du Pérou, est une *plante herbacée* vivace, de la famille des *Nyctaginacées*”. Мы относим этот пример к ЛСВ 3 с семой «признак растений, цветущих в ночное время суток».

3. Для обозначения признака одежды, белья: «lingerie — белье», «chemise — рубашка», «vêtement — одежда» — “La robe de chambre (parfois appelée peignoir) est un *vêtement d'intérieur* qui se porte généralement par dessus un **vêtement de nuit**”, “... boutiques préférées pour trouver les **vêtements de nuit** en vente — toutes au même ...”. Мы считаем здесь нужным выделить новую сему «признак предмета, используемого в ночное время суток» (ЛСВ 3).

4. Для обозначения ночного транспорта: «conduite — управление», «chasseur — истребитель», «bus — автобус», «train — поезд» — “La **conduite de nuit** est l'ensemble des règles particulières à appliquer lors de la conduite d'un véhicule dans l'obscurité...”. В этом случае мы относим данный пример к ЛСВ 3 с семой «характеристика транспорта, функционирующего в ночное время».

5. В текстах о заведениях, работающих в ночное время: «médecin — врач», «cabaret — кабаре», «portier — портье», «valet — слуга», «gardien — охранник», «boîte — кабак», «festival — фестиваль», «marche — переход» — “La **boîte de nuit**, c'est un lieu de position sociale, on y va pour mieux réaffirmer qui on est socialement”. Этот пример мы относим к ЛСВ 3 с семой «характеристика заведений, работающих в ночное время».

6. В текстах, содержащих дополнительную сему, выделенную нами, «признак действия, деятельности, имеющих место ночью» (ЛСВ 1): «surveillance — наблюдение», «soin — забота», «service — служба», «escalade — восхождение (на гору)», «sonnerie — звонок», «réveil — пробуждение», «rassemblement — объединение», «scène — сцена», «chasse — охота», «séance — сеанс», «activité — активность», «pique-nique — пикник» «déambulation — прогулка, хождение», «travail — работа» «observation — наблюдение», «étude — учение», «vie —

жизнь», «autorisation — разрешение», «vote — голосование», «vente — продажа», «travail — работа», «spectacle — спектакль». Например: “La loi actuelle sur les réunions et les manifestations interdit les **rassemblements** extérieurs **de nuit**, sauf dans certains cas absolument inévitables, et à la condition que l’ordre public ne soit pas trouble”, “Il est également équipé d’un arrêt **de sonnerie de nuit** automatique que l’on peut aisément désactiver ou non, qui stoppe les sonneries de 22h30 à 8h00. ...”, “Bien grimper dans le noir vous autorisera à tomber des voies longues en un seul jour, alors que des grimpeurs non aguerris à **l’escalade de nuit** pourraient mettre deux jours, voire plus”.

7. Для характеристики военных действий: «combat — бой», «assaut — атака», «couver-feu — комендантский час», «bombardement — бомбардировка», «courses — бега» — “L’Etat du Plateau, dans le centre du Nigeria, a levé mercredi le **couver-feu de nuit** imposé à la ville de Jos, un an et demi près des affrontements entre musulmans ...”. В этом случае нам нужно выделить новую сему «характеристика военных действий, имеющих место в ночное время» в ЛСВ 1.

8. В текстах с медицинской тематикой: «myopie — близорукость» — “En effet, les phénomènes de la **myopie de nuit** et de l’hypovigilance seraient la cause de plus de 35 % de la mortalité sur autoroute, environnement ...”. Мы выделяем сему «признак заболеваний, проявляющихся в ночное время».

Наше исследование показало, что прилагательное «nocturne» реализует в контекстах следующие семы:

1. Сема «признак животных с максимальной активностью ночью, охотящихся ночью» (ЛСВ 3);
2. Сема «признак астрономического явления» (ЛСВ 2);
3. Сема «признак заболеваний, проявляющихся ночью» (ЛСВ 2);
4. Сема «характеристика транспорта, функционирующего в ночное время суток» (ЛСВ 2);
5. Сема «признак действия, деятельности, имеющих место ночью» (ЛСВ 1);
6. Сема «характеристика военных действий, имеющих место ночью» (ЛСВ 2);
7. Сема «ночной дом планеты (астрол.)» (ЛСВ 1);
8. Сема «признак растения, цветущего в ночное время суток» (ЛСВ 3);

В ходе исследования мы выявили для адъективируемого существительного de nuit следующие семы:

1. Сема «признак действия, деятельности, имеющих место ночью» (ЛСВ 1);
2. Сема «характеристика военных действий, имеющих место ночью» (ЛСВ 1);;
3. Сема «признак заболеваний, проявляющихся в ночное время суток» (ЛСВ 1);
4. Сема «признак животных с максимальной активностью в ночное время суток» (ЛСВ 2);
5. Сема «признак растений, цветущих в ночное время суток» (ЛСВ 3);
6. Сема «признак предмета, используемого в ночное время суток» (ЛСВ 3);
7. Сема «характеристика транспорта, функционирующего в ночное время» (ЛСВ 3);
8. Сема «характеристика заведений, работающих в ночное время» (ЛСВ 3).

Прилагательное *nocturne* и *de nuit* тождественны в следующих окружениях и могут взаимозаменяться в следующих окружениях:

1. «признак животных с максимальной активностью в ночное время суток»: *animal nocturne/animal de nuit*;
2. «характеристика транспорта, функционирующего в ночное время»: *train nocturne/train de nuit*;
3. «характеристика деятельности в ночное время суток»: *observation nocturne/observation de nuit*;
4. «характеристика заведений, работающих в ночное время»: *cabaret nocturne/cabaret de nuit*;
5. «характеристика военных действий»: *combat nocturne/combat de jour*;
6. «признак растений, цветущих в ночное время суток»: *jasmin nocturne/jasmine de nuit.*;
7. «признак заболеваний, проявляющихся в ночное время»: *myopie nocturne/myopie de nuit*.

Исследование дистрибуции и условий употребления грамматических синонимов *nocturne/de nuit* позволило прийти к следующим выводам:

1. В ходе исследования нами выделены дополнительные семы, не указанные в словарях для прилагательного *diurne* и адъективированного существительного *de jour*. Анализ показал, что грамматические синонимы *nocturne/de nuit* имеют тождественные семы и могут взаимозаменяться в некоторых окружениях, например, семы «признак животных с максимальной активностью в ночное время суток» (*animal*

nocturne/animal de nuit); «характеристика транспорта, функционирующего в ночное время» (train nocturne/train de nuit); «характеристика деятельности в ночное время суток» (observation nocturne/observation de nuit); «характеристика заведений, работающих в ночное время» (cabaret nocturne/cabaret de nuit); «характеристика военных действий» (combat nocturne/combat de jour); «признак растений, цветущих в ночное время суток» (jasmin nocturne/jasmin de nuit); «признак заболеваний, проявляющихся в ночное время» (myopie nocturne/myopie de nuit). В окружениях, где данные семы реализуются, прилагательное nocturne и адъективированное существительное de nuit являются абсолютными синонимами.

2. С нетождественными семами синонимы nocturne и de nuit используются в специальных контекстах. Прилагательное nocturne используется преимущественно в научных текстах (ботанической, зоологической, астрономической, медицинской тематики). Адъективированное существительное de nuit встречается чаще в тех контекстах, где оно реализует архисему «деятельность» (семы: «использование в дневное (ночное) время суток», «действие, деятельность в ночное время суток», «характеристика военных действий в ночное время суток», «характеристика транспорта, функционирующего в ночное время суток», «характеристика заведений, работающих в ночное время»).

3. Грамматические синонимы nocturne /de nuit имеют семь тождественных сем (из 9 у nocturne, из 8 у de nuit).

Список литературы:

1. Гак В.Г. Лексическое значение слова // БЭС. Языкознание. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. — С. 147—152.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Новиков Л.А. Сема // БЭС.Языкознание. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. — С. 230—235.
4. Рублева О.А. Лексикология современного русского языка. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004 // [Электронный ресурс] Режим доступа. URL http://window.edu.ru/window_catalog/files/r41008/dvgu129.pdf.
5. Сорокина Т.С. Функциональные основы теории грамматической синонимии // Вопросы языкознания. — 2003. — № 3. — с. 92—112.
6. Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. — Presses universitaires de Paris, 2004.

ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

Бувевич Анна Александровна

*аспирант каф. общего и русского языкознания,
филологического факультета Витебского государственного
университета имени П.М. Машерова,
г. Витебск*

E-mail: gatuska@gmail.com

Одним из важнейших направлений в исследовании языка стало его изучение в семиотическом аспекте. С семиотических позиций язык рассматривается как знаковая система, как важнейший элемент жизнедеятельности культуры. Посредством знаков (значимых и самостоятельных элементов языковой системы) и их комбинаций языки отображают и конструируют мир. В семиотике понятие «язык» находится в непосредственной связи с понятием «код».

Здесь код определяется как «система, в которой заданы (т. е. оговорены по предварительному соглашению) репертуар знаков и их значений вместе с правилами комбинаций знаков» [12, с. 57]. В настоящее время особенно широко термин «код» применяется в семиотике культуры. С семиотической позиции культура рассматривается как совокупность текстов, понимаемых как последовательность знаков любой природы. Тексты — это «истинные хранители культуры» [9, с. 30]. Именно в тексте отображается духовный мир человека, так как в нем хранится информация об истории, культуре, национальном поведении определенного этноса. Таким образом, тексты воплощают в себе культурные коды, так как представляют собой «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных» [9, с. 30].

Многие исследователи, сравнивая «код» и «язык», считают, что язык связан с «естественным» происхождением, поскольку участники коммуникации, бессознательно подчиняясь правилам языка, не чувствуют при этом от них своей зависимости, в то время как код не всегда носит осознанный характер и несет представление об искусственно созданной структуре, обусловленной мгновенной договоренностью.

По мнению Ю.М. Лотмана, термин «язык» мы бессознательно связываем с исторической протяженностью его существования, тогда

как «код» с психологических позиций ориентирует нас на некую искусственную, идеальную модель языка (а также «машинную» модель коммуникации); если код не предполагает истории, то язык, напротив, можно интерпретировать как «код плюс его история» [5, с. 13—15].

Поскольку семиотика имеет междисциплинарный характер, понятие «кода» стало широко использоваться и в других науках. К классикам современной семиотики относят философов, логиков, математиков (Чарльз С. Пирс, Чарльз У. Моррис, У. Эко), литературоведов (Р. Барт, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман), антропологов и этнологов (Б. Малиновский, К. Леви-Строс), историков религий, культуры и искусств (А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский.), лингвистов (Фердинанд де Соссюр, Р. Якобсон, В.В. Иванов, Н.Б. Мечковская, Б.А. Успенский), а также психологов (Л.В. Выготский, Н.И. Жинкин, Ж. Пиаже).

На сегодняшний день код по-разному понимается в этих областях знаний. Так в психологии код определяется как «набор правил, норм, ставящих в соответствие определенным сигналам или знакам некоторые фиксированные «значения», в то же время это и «система (алфавит) условных обозначений, применяемых при кодировании различных сообщений» [8].

В своей работе «О кодовых переходах во внутренней речи» Н.И. Жинкин определяет код как «систему материальных сигналов, в которых может быть реализован какой-нибудь определенный язык» [2, с. 26]. Он говорит о буквенном, звуковом, речедвигательном, предметном, субъективном и предметно-изобразительном коде.

В лингвистике некоторые исследователи (В.И. Беликов, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская) под кодом понимают «языковые образования (язык, территориальный или социальный диалект, городское койне), то есть те варианты языка, которые используют участники данного коммуникативного акта» [7, с. 14].

В.М. Савицкий определяет код как «генеративно-интерпретативное начало языковой системы», как «язык в функции генератора текстов при порождении речи и в функции регенератора смыслов при понимании речи» [11, с. 7, 24]. Следовательно, знаковую систему именуют кодом тогда, когда рассматривают механизмы возникновения и функционирования текстов на её основе.

С этих позиций, коды отождествляются с ячеистой сетью, забрасывая которую в текст можно вскрыть информацию разных уровней кодирования.

Ещё И.В. Арнольд трактовала понимание художественного текста как его декодирование. Поскольку информация не существует вне того или иного кода, за операцией декодирования следует операция кодирования, то есть перевода на другой код, который можно назвать естественным, или собственным, кодом интерпретатора [1, с. 128—133].

Понимание есть перекодирование с «чужого» кода на «свой». Усвоенный «чужой» код ассимилируется субъектом и обычно присоединяется к «своему». Но иногда код остается для субъекта «чужим», т. е. человек не принимает его душой. Таковы коды, содержащие идеи и ценности, несовместимые (или плохо совместимые) с когнитивно-аксиологической системой данного индивида.

Рассматривая культуру как семиотический феномен, В.М. Савицкий отметил: «Одной из входящих в нее подсистем является обширная парадигма образов, выполняющая знаковую функцию в процессе общения. В неё входят ... образы, почерпнутые из хозяйственной практики, ритуалов, игр, расхожих житейских представлений, поверий, фольклора, мифологии, религии, литературы и т. д. Образные знаки, извлеченные из «текстов культуры» (как вербальных, так и невербальных), со временем могут отрываться от них, обретать относительную самостоятельность и, в свою очередь, способствовать созданию новых текстов культуры» [10, с. 117]. Упомянутые «парадигмы образов», обретая знаковую форму, имеют переменную субстанцию плана выражения. Это означает, что они могут воплощаться в разном материале — живописном, скульптурном, архитектурном, музыкальном, вербальном и др. Следовательно, коды пронизывают всю культуру. Их взаимодействие — это «перевод» информации с одних кодов на другие, и как следствие, преобразование и создание новой информации.

В современных лингвистических исследованиях код рассматривается как важное понятие лингвокультурологии. Правила его прочтения «задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора» [6, с. 19]. Следовательно, код вырабатывается и функционирует в культуре. В этом случае говорят о существовании «кодов культуры» (культурных кодов). Д.Б. Гудков, В.В. Красных подчеркивают, что «код культуры» представляет собой передачу материального и духовного опыта (достижений, нравственных заветов), выработанных человечеством в период реальной истории, т. е. истории, подтвержденной материально и имеющей свидетельства (артефакты и описания, письма, летописи, дневники, отзывы путешественников).

В качестве основы для культурного кода может послужить любой комплекс чувственно воспринимаемых реалий действительности — флора, фауна, явления природы, оружие, орудие труда, хозяйственная утварь, одежда, пищевые продукты, здания и прочие артефакты, а также культурные сценарии (трудовые процессы, празднества, игры, состязания, битвы, шоу, торги и другие социокультурные трансакции).

Для нас, в частности, представляет интерес определение и классификация культурных кодов, предложенная В.В. Красных, которая определяет код культуры как «сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [3, с. 232] и выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный код, то есть те, которые соотносятся с архетипическими представлениями культуры народа и в которых зафиксированы наивные представления человека о мироздании [4, с. 298].

Как было отмечено ранее, истинными хранителями культуры являются тексты, хранящие информацию о происхождении, истории, национальном поведении определенного этноса, составляющие, таким образом, содержание культуры и воплощающие в себе культурные коды.

С позиции лингвокультурологии наиболее насыщенными культурными смыслами являются фразеологизмы, рассматриваемые здесь как тексты, т. е. хранители культурной информации, которые воспроизводят характерологические черты народного менталитета.

Известно, что любой язык обладает большим количеством слов-соматизмов. Соматический код является наиболее древним. Так, в русском языке широко используются слова *рот, голова, рука, ноги, сердце*, которые наделены разветвленной парадигмой значений: *носить на руках, рука руку моет, склонить голову, голова варит, голова на плечах, с головы до ног, сердце падает, сердце кровью обливается* и т. д.

Как известно, соматический код тесно связан с пространственным и временным. Время и вместе с ним пространство достаточно широко отображаются в пословицах русского языка. Выражение пространства в языке является указанием на расположение объекта относительно говорящего. Предельность, очерченность границ является очень важным признаком человеческого восприятия, поскольку в мифологических представлениях неограниченная протяжённость, которую невозможно познать, упорядочить, беспредельность и отсутствие границ ассоциируется с хаосом. Примерами могут послужить такие пословицы, как: «*На край света [земли]*» в значении

«куда-нибудь очень далеко куда угодно (идти бежать и т. п.)»; «По всему белу свету» в значении «по всей земле». В них мир (скорее всего, обитаемый людьми) имеет границы. Языковое выражение пространственных реалий осуществляется с позиций человека. Человек воспринимает пространство относительно самого себя, стремится отразить себя в названиях пространственных объектов. В формировании модели мира человек использует наименования частей своего тела — соматизмы. Так, например, в русском языке, важным мерилем мира является *шаг*, закрепленный в следующих фразеологических единицах: *в двух шагах, ни на шаг, шаг за шагом*. Известные всем выражения *за плечами, перед носом (на носу)* включают в себя также части тела, но они выступают уже не только со значением отображения пространства, но и для выражения времени (*за плечами* — значит прошлое; *перед носом (на носу)* — ближайшее будущее). В ряде пословиц ход времени отображается как постоянная чередой событий: «*Жили люди до нас, будут жить и после нас*», «*старое старится, молодое растет*», «*много дней впереди, много и позади*» и др. В русском языке существуют пословицы, отображающие необратимость времени: «*Все прошло и былшем поросло*», «*прожитого не пережить, а прошедшего не воротить*» и др.

Таким образом, анализируя конкретные фразеологизмы мы можем отметить то, что русские воспринимают время как что-то достоверное и осмысленное, кроме того время и пространство тесно связаны в нашем сознании.

Предметный код культуры прежде всего связан с предметами, наполняющими пространство и составляющими неотъемлемую часть окружающего мира. В русском языке предметный код проявляется в таких фразеологизмах, как «*гвоздь программы*», «*воз и маленькая тележка*», «*до последней нитки*» и др.

Следующим базовым кодом культуры в используемой нами классификации В.В. Красных является биоморфный код культуры, который связан с живыми существами, населяющими окружающий мир, сюда же можно отнести и растительный мир. По мнению автора, этот код культуры в первую очередь связан с существующими стереотипами. Так, русский оборот *белая ворона* означает «выбиваться из стаи; быть не таким, как все; отличаться от остальных, от большинства», то есть это средство порицания субъекта. Значительное число устойчивых оборотов с компонентом-зоонимом восходит к библейским источникам: например, *козел отпущения* означает «расплачиваться за чужие грехи, отдуваться за других...».

Подобных библеизмов довольно много, приведем в качестве примеров некоторые из них: *метать бисер перед свиньями; волк в овечьей шкуре; заблудшая овца; прежде чем пропоет петух* и т. д.

Как мы видим, лексико-семантическая группа названий животных отличается высокой продуктивностью образования оценочных номинаций — образных характеристик человека, дающих полное представление о его внешних и внутренних качествах.

В данной статье мы рассмотрели, как базовые коды культуры (соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный) фиксируются и отражаются в лексико-фразеологических предпочтениях представителей русской культуры.

Список литературы:

1. Дубровский Д.И. Понимание как расшифровка кода / Д.И. Дубровский // Философские основания науки: сб. н. тр. — Вильнюс, 1982. — с. 128—133.
2. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. — М., 1964. — № 6. — с. 26—38.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2003. — 375 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв среди мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки / Ю.М. Лотман. — СПб., 2001. — 704 с.
6. Маслова В.А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры / В.А. Маслова // Лінгвістика. — 2010. — № 2 (20). — С. 19—30.
7. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. — М.: Аспект-Пресс, 2000. — 207 с.
8. Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. — М.: Прайм-Еврознак, 2003. — 672 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высших учебн. заведений / В.А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
10. Савицкий В.М. Английская фразеология: проблемы моделирования / В.М. Савицкий. — Самара: Самарский ун-ет, 1993. — 172 с.
11. Савицкий В.М. Проблема моделирования во фразеологической системе языка: дис. ... докт. филол. наук / В.М. Савицкий. — М.: 1996. — 395 с.
12. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — СПб.: Симпозиум, 2006. — 544 с.

2.6. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К ВОПРОСУ О НОМИНАЦИИ АСТРОНИМА МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Гатовкина Оксана Петровна

*преподаватель русского языка и литературы
Краснодарского президентского кадетского училища г. Краснодар
E-mail: oksana_kcu.72@mail.ru*

Разнообразие названий Млечного Пути можно свести к нескольким семантическим типам. В последние столетия широко распространилось по планете название, принятое в науке у народов Западной Европы. Выражая одно понятие, оно звучит различно на разных языках: фр. *voie*, нем. *Milchstrasse*, англ. *Milky Way*, польск. *Mleczna Droga* и проч., его калька Млечный Путь принята и русским литературным языком. Эта идея унаследована от древнеримской культуры (лат. *Via lactea*, но в классической латыни его нет, а встречается только с IV в. н. э.) [11, с. 42]. Греки же никогда не обращались в названии этого космического объекта к идее дороги. Они называли его Молоком, интерпретируя его субстанцию, тем более что у них это название было связано с мифом: богиня Гера отняла у младенца грудь, молоко, брызнув по небу, превратилось в Млечный Путь. Образование современного ареала этого названия повторяло общеизвестное из истории распространение европейских завоеваний. Так, в глубине острова Сулавеси, у тораджей, Г. Крёст записал миф о лунной деве, которая кормила грудью своего ребёнка, рождённого от земного мужчины, и из разбрызганного молока возник Млечный Путь [11, с. 44]. Названия же Млечного Пути в санскрите не имели ничего общего с этим мифом. «Молочное» название этого космического объекта было заимствовано у греков римлянами. Плиний пользовался именем «Молочный круг» — буквальным переводом греческого. Но у римлян было и своё собственное название, основанное на идее дороги: «царская дорога неба». Своё и заимствованное у греков названия соединились, и получилось алогичное: *Via lactea* — Млечный Путь [11, с. 44]. Название это стало

со временем астрономическим научным термином, ведь латинский язык в средневековой Европе был языком науки.

В русском именовании Млечного Пути отразилась церковнославянская традиция: молоко по-старославянски млько. Впрочем, в 1730 году Антиох Кантемир ещё не считал нужным подчиняться этой традиции и в своём переводе с французского «Разговоров о множестве миров господина Фонтенеля» писал о «малых вихрях Молочной дороги» [17, с. 19].

В основу самого распространённого на Руси названия Млечного Пути был положен мотив дороги. Образ дороги в русских говорах связан с развитием у наших далёких предков понятий о пространстве и времени, представлений о своём и чужом, а также с историческими событиями, хозяйственной деятельностью и позднее — с христианской традицией. Все эти именованья связаны с центричностью, свойственной и горизонтальным, и вертикальным проекциям мироздания, что находит отражение в характерных словесных формулах и наименованиях [5, с. 62]. Например, у наших предков время дня — «света» членилось на отрезки благодаря его пространственному воплощению в траектории движения солнца относительно вертикальной оси, — например, дуба [16, Т. 2, с. 56]: «солнце в дуб» — солнце в зените; «солнце у дуба», «солнце в полдуба» — фазы восхода; «солнце за дуб» — закат [16, т. 2, с. 140]. Таким образом, цикличность времени получило пространственное выражение. Зеркальная симметричность неба по отношению к земле предстает в образах небесных дорог. «Батыева дорожка», «Батыев шлях» — довольно распространённые в русских говорах названия Млечного Пути, привязанные к определенным осям. В данном случае это Северо-восток — Юго-запад, что соответствует исторически достоверному пути Батыя на Дон, если точкой отсчета считать южные степи [7, с. 101]. Специфическую окраску образупонятию придает «историческая память». Таким образом, исторически локализованными названиями Млечного Пути, типичными для южнорусских говоров и отражающими трагический этап в жизни Русского государства, являются и астронимы *Мамаева дорога*, *Дорога татарская на Святую Русь*, *Татарское становище*, *Басурманское становище* [9, Т. 2, с. 80]. Перечисленные названия отмечены в тамбовских, тульских, донских и саратовских говорах. Окско-донской ареал названия Батыева дорога уточняется за счет дополнительных сведений по рязанской этнографии: космоним *Батыева дорога* был отмечен в Скопинском уезде Рязанской губернии [6, с. 31].

Одно из древнейших представлений о Млечном пути как о *Птичьей дороге* [3 с. 265], по которой пернатые отправляются на зимовку, обусловлено одним из видов хозяйственной деятельности. Для земледельцев очень важны были точные рамки природных циклов — для сева (начало весны — прилёт пернатых), для окончания полевых работ (наступление осени — отлёт птиц в тёплые края). Заметим, что у народов Восточно-Европейской равнины рассматриваемый астроним конкретно связывается с каким-то одним видом птицы, чаще с гусем. В русской народной астронимике название Млечного Пути также чаще всего соотносилось с гусем. Отсюда широко разбросанные на географической карте такие локальные названия Млечного Пути, как *Гусиная дорога (дорожка)*, *Диких гусей дорога*. Но наряду с *Гусиной дорогой* локально бытовало и название Млечного Пути — *Журавлиная дорога* [2, с. 24]. Такой астроним был отмечен, например, в Мещовском уезде Калужской губернии. Согласно объяснению: «Это Бог примету дал для птицы небесной, чтобы она нашла дорогу в теплые края» [1, Д. 160, с. 84].

Разнообразен семантический блок названий Млечного Пути, характеризующих благочестивое подвижничество христиан [3, с. 265], как в Европе, так и в России с целью посетить святые места. Паломничество по святым местам, вплоть до Палестины, было обычным укладом жизни русских православных в царской России. Из этого блока названий в пособии М.Э. Рут отмечены: *Святая дорога* (курское) и *Моисеева дорога* (без указания места) [17, с. 32]. Материалы Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии дополняют список астронимов Млечного Пути с христианской тематикой. В Мещовском уезде Калужской губернии было записано представление, что Млечный Путь — это «путь Моисеев на небо, состоящий из множества звезд». Можно предположить, что в этом именовании вертикальная ось намечается от Полярной звезды до конкретной точки на карте местности. Редким является представление о Млечном Пути как об облаке, но так же с ориентацией дороги и движения. В селе Путятино Сапожковского уезда Рязанской губернии было записано, что Млечный Путь — это облако, которое после перехода Моисея через Чермное (Красное) море показывало ему с израильским народом путь в землю обетованную [1, Д. 147, с. 35].

Благодаря положению Млечного Пути на небесной сфере с северо-востока на юго-запад, паломники определяли ориентацию и маршрут в своем движении к главной православной святыне в старой России — Киево-Печерской лавре. Отсюда название Млечного

Пути — *Киевская дорога*. В селе Веретье Спасского уезда Рязанской губернии было записано: «Млечный Путь есть Киевская дорога, указывающая путь к святым местам». Восприятие Млечного Пути как *Дороги из Киева в Иерусалим* было отмечено в Калужской губернии. В Епифанском уезде Тульской губернии бытовало название Млечного Пути как *Белая дорожка, что ведет в Святой Иерусалим* [1, Д. 163]. В этих случаях мы имеем своего рода проекцию земного пути паломников на небесную сферу, где ориентиром путникам служил Млечный Путь.

Если названия типа *Киевская дорога* или *Дорога из Киева в Иерусалим* проецируют на небесный свод реальный маршрут паломников по святым местам, то были и названия, которые есть скорее проекция астральной мифологии на земную географию. В качестве намека на некий навсегда утраченный астральный миф можно рассматривать отмеченное в 1830-е годы бытописателем П.И. Сахаровым название Млечного Пути *Комаринской дорогой*. Согласно преданию, через Комаринский брод на Упе-реке кочевники шли к Туле [1, Д. 163]. Поэтому Млечный Путь получил название *Комаринской дороги*. Предание о нашествии кочевников локализует во времени астроним *Комаринская дорога*. Его, как и предыдущие астронимы типа *Батыева дорога*, можно было бы считать новообразованием. Однако другое предание, записанное в рязанских землях, позволяет датировать название *Комаринская дорога* глубже XIII в. Согласно рязанским преданиям, таинственная Комарина дорога шла от Рязани через поля и луга, обходя деревни, и терялась в Радовицких борах Егорьевского уезда [1, Д. 150]. В этом предании так же видим мотив движения, пути, дороги, ориентированных на Святое Радовицкое озеро.

Само предание о неведомой Комариной дороге наводит на предположение, что эта дорога — не что иное, как символ некоего объекта, сопоставимого с *закомарой*. Как известно, закомары повторяют очертания свода православного храма (купола), символизируя в православной церкви подобие неба над землей. Как закомары своими очертаниями повторяют небесный свод, так и Комарина дорога как бы дублировала на земле небесную дорогу, то есть Млечный Путь. Таким образом, рязанское предание, сохранив воспоминание о Комариной дороге, возможно, по сути своей сохранило одно из древних названий Млечного Пути. Можно предположить, что Комарина дорога рязанского предания, как и Комаринский брод тульского предания, — это проекция утраченного астрального мифа на земной ландшафт. Можно сделать

вывод, что в названии Млечного Пути Комариной дорогой кроется восприятие этого небесного явления в качестве *закомары, поддерживающей небесный свод*. Именно по этой закомаре восходят души умерших на небо, ибо в русских народных представлениях о воскресении усопших Млечный Путь — это дорога, по которой восходят умершие на небо. Отражением этого представления была традиция устанавливать вдоль Комариной дороги часовни для поминовения умерших. Таким образом, Комариная дорога как бы символически соединяла землю и небо, помогала умершим совершить восхождение на небо.

Перечисленные выше русские народные астрономы Млечного Пути были зафиксированы в XIX в. Новая запись названия Млечного Пути была сделана в полевой сезон 1999/2000 года в рязанской Мещере [1, Д. 148]. Это обозначение Млечного Пути как *Путь волка*. Была записана и легенда, объясняющая название: «Однажды, когда Бог прогневался на людей, один из Архангелов решил помочь людям. Чтобы пройти незамеченным свой путь на землю, он обернулся волком и, прячась между звезд, спустился с неба на землю. Вот почему, когда волки воют, они поднимают морды к звездам. Когда Архангел спустился на землю, то и другие волки стали тоже помогать людям. Через какое-то время потомки этих волков стали собаками».

Как отголосок этой легенды можно рассматривать *знак крылатого волка*. Известен только один предмет с таким знаком. Это небольшой резец из коллекции обычных инструментов (стамески, напильники, задвижки и т. д.), собранных в Шиловском краеведческом музее Рязанской области. Знак крылатого волка (*крылатого охотника*) вытиснен на деревянной ручке резца и говорит о том, что резец предназначался только для магикоритуальных целей [19, с. 282].

Возможно, что легенда об Архангеле и крылатом волке, как и знак крылатого волка, восходят к традиции юношеских инициации (*волчьих союзов*). В древности инициации индоевропейцев включали ритуальные перерождения иницируемых в волков.

Немаловажным является и ещё один аспект, повлиявший на формирование русской астрономии, — традиционный «домоцентрический» уклад жизни русского крестьянина, существовавшего преимущественно в моноязыковой и монокультурной среде, в условиях ограниченных передвижений. Эти обстоятельства существования определяли весьма слабую степень знакомства с «большим миром», миром чужих земель [12, Т. 1, с. 32] незнакомых городов, непонятных языков [4, с. 78]. Но этот мир так или иначе — вместе с реалиями культуры и цивилизации, историческими

событиями, торговыми контактами — все больше и больше вторгался в жизнь, что не могло не отразиться в народной лексике и ономастике.

При формировании образной основы языковых единиц предел знакомого и незнакомого мира может быть задан не только с помощью статичного «видеонаблюдения», но и маршрутно, при мысленном передвижении из дома к некоторой особо значимой точке, аксиологически выделенному пространственному пределу. Любопытные примеры такого маршрутного видения обнаруживаются в номинативной системе детских игр с однопипными правилами, известных на разных территориях [10, с. 534]. К примеру, в Симбирской губернии игра называется *Москва*: для нее прежде всего выбирается палочка со множеством сучков, торчащих в одну сторону в виде крючков. Верхушка этой палочки называется *Москва*. Это ещё одна ось. Каждый играющий имеет свою палочку с крючком — и эти палочки вешаются на сучки основной палки. Цель игры — добраться до верха, до *Москвы* [15, с. 294—295; 13, с. 49]. В такую же игру играли в Смоленской губернии: в землю втыкается небольшая суковатая палочка; сучкам даются названия городков, селений и деревень. Первый сучок всегда называется именем той деревни, где играют, а самый верхний сучок *Москвой*; в числе «промежуточных станций» чаще всего упоминаются *Королево, Тушино, постоянный двор, кабак*. Цель игроков — добраться до *Москвы*. Кто раньше других возвратится из *Москвы*, тот делается царем, победителем, который наказывает отставших щелчками в лоб [10, с. 536].

Игровой маршрут напоминает маршруты пассажирских поездов дальнего следования, которые, отбывая от какой-то точки, сначала делают частые остановки, собирая всех пассажиров ближней округи, а потом остановки устраиваются все реже и реже — вплоть до станции назначения: дети тщательно наносят на свою «деревянную карту» то, что видят в непосредственной близости от себя (не обходя вниманием первые на пути из дома объекты внешнего мира — кабаки и постоянные дворы), а потом пространство становится все более разреженным — и ограничивается пунктом, имеющим самую высокую значимость, неким «центром мира» [5, с. 68].

Конечной точкой мысленного маршрута может быть не только столица страны или центр своей/соседней области, но и особо значимое святое (культурное) место. Указания такого рода содержатся, например, в названиях Млечного Пути, ср. курск. *Дорога в Иерусалим* [13, с. 132], калуж. *Дорога (из Киева) в Старый Иерусалим* и т. п. [13, с. 264]; ср. в других языках: укр. *Дорога*

из Москвы в Иерусалим, Шлях в Кипр, тур. *Hazilar jolü* «путь пилигримов», тат. (вост. — дагестан) *Мякъянун елы* «дорога в Мекку» [17, с. 13]. Вообще, названия Млечного Пути дают интересные возможности для наблюдений за особенностями маршрутного восприятия пространства: его «небесность» и единственность располагают к тому, чтобы видеть в нем небесное отражение особо значимого для народа маршрута, «главной» дороги. В русской астрономии, принадлежащей народу, у которого традиции длительных паломничеств выражены весьма слабо, обращения к образу «главного» культового места редки; гораздо чаще носители традиции при маршрутном видении Млечного Пути склонны видеть в нем мемориал исторических событий, примерами таких именовании могут служить всё те же исторически локализованные сарат., семипалат. *Мамаева Дорога*, *Дорога Татарская на Святую Русь*, тамб., тул. *Батыева Дорога*, тамб. *Бакеева Дорога*, дон. *Батеева Дорога*, *Басурманское Становище* [17, с. 13] или же названия маршрутов «путевых», кочующих народов: арх. *Зырянская Лыжня* [18, Т. 1, с. 141]. *Зырянская Лыжня полосой прошла, она где есть, где пропала. Зыряна-то на лыжах дивья ходили, по всякому снегу пройдут*; арх. *Чудские Звезды — Раньше чудь жила тут, от её званье осталось Чудские Звезды, их далеко протянулось, много* [14, с. 67;]. В основе рассмотрения именовании Млечного Пути, проводимых нами, лежит прагматический аспект, но целостное представление о возникновении и развитии названий данного астронома можно воссоздать, только объединив прагматический, системный и семантико-мотивационный аспекты изучения.

Выводы:

1. в основу самого распространённого на Руси названия Млечного Пути был положен мотив дороги.
2. образ дороги в русских говорах связан с развитием у наших далёких предков понятий о пространстве и времени, представлений о своём и чужом, а также с историческими событиями, хозяйственной деятельностью и позднее — с христианской традицией.
3. все эти именования связаны с центричностью, свойственной и горизонтальным, и вертикальным проекциям мироздания, что находит отражение в характерных словесных формулах и наименованиях русских говоров.
4. названия Млечного Пути дают возможности для наблюдений за особенностями маршрутного восприятия пространства: его «небесность» и единственность располагают к тому, чтобы видеть

в нем небесное отражение особо значимого для народа маршрута, «главной» дороги.

5. прагматический аспект рассмотрения номинаций данного астронома должен быть дополнен системным и семантико-мотивационным, что поможет воссоздать народную «культурную карту мира»[4, с. 85].

Список литературы:

1. Архив Института этнологии и антропологии Российской Академии наук. Фонд Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Д. 157, 160, 161 (Калужская губерния); Д. 147, 148, 150, 151 (Рязанская губерния); Д. 163 (Тульская губерния).
2. Архангельский областной словарь. М., 1980 — Вып. 1.
3. Белова О.В. Млечный Путь //Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. с. 264—266.
4. Березович Е.Л. «Чужие земли» в русском народном языковом сознании: прагматический аспект // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2005. № 2. с. 70—85.
5. Березович Е.Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции // Славяноведение. М., 2002. № 6. с. 60—71.
6. Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., 1994.
7. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
8. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград, 2003.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-ое изд. СПб.; М., 1880—1882 (1989). Т. I—IV.
10. Игры народов СССР. Сб. материалов. М.; Л., 1933.
11. Карпенко Ю.А. Названия звёздного неба. М., 1982.
12. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. М., 1994. Т. 1—2.
13. Новгородский областной словарь. Новгород, 1992—1995. Вып. 1—12.
14. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
15. Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские. СПб., 1994 (репринт — М., 1895).
16. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. М., 1993. Т. 1—3.
17. Рут М.Э. Русская народная астрономия. Свердловск, 1987.
18. Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001 — Т. 1—2.
19. Тульцева Л. Астрономия древних обществ. М., 2002.

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ УНИВЕРСОЛОГИЯ Т.Н. НИКОЛАЕВОЙ

Карат Елена Васильевна

*преподаватель, Измаильский государственный
гуманитарный университет, г. Измаил
E-mail: lenakarat@gmail.com*

При исследовании общих структурных характеристик языка необходимо уделять большое внимание изменениям, которые происходили во времени в рамках различных его категорий. Этому служит изучение диахронических универсалий. Чрезвычайно важной чертой диахронических универсалий является их направленность не только в прошлое, но и в будущее, то есть их прогностическая нацеленность. Знание диахронических универсалий позволяет прогнозировать исчезновение тех или иных явлений в языке и возникновение новых.

Авторы «Меморандума о языковых универсалиях» постулируют, что «языковые универсалии по своей природе являются обобщенными высказываниями о тех качествах и тенденциях, которые присущи любому языку и которые разделяют все, кто говорит на этом языке» [1, с. 118]. Именно поэтому универсалии считаются наиболее общими законами лингвистики.

По отношению к оси синхрония / диахрония выделяются синхронические (статические) и диахронические (динамические) универсалии. Диахронические универсалии «легче интерпретировать как результат динамических процессов...» [1, с. 126]. Логическая структура диахронических универсалий такова: «Для всех x и всех y , где x более ранний, а y — более позднее состояние того же языка...» [1, с. 127].

Следует отметить, что ряд лингвистов, среди которых Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Д. Дженкинс, И.Ф. Вардуль, Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, М.М. Гухман и др., осуществлял попытки поиска языковых универсалий — синхронических и диахронических. Вопрос о диахронических универсалиях актуален по сей день.

Т.Н. Николаева является современным исследователем диахронических универсалий. Она акцентирует внимание на том, что «эволюционный и единый (униязыковой) принцип развития отмечался и для наиболее ранних этапов становления тех или иных категорий» [2, с. 14]. В качестве иллюстрации она приводит гипотезы Дж. Охала, Т. Гивона и Л.Г. Герценберга.

Л.Г. Герценберг, например, связывает становление фоном с формированием слова из слогоморфем, то есть с переходом от языка слогоморфемного типа к языку с основной единицей — словом. Именно таким образом появляется гетеросиллабическое состояние корня, корень утрачивает связь со слогом. Аллофоны, которые зависели от соседних просодических характеристик, получают самостоятельный фонологический статус. Таким образом, Л.Г. Герценберг и Дж. Охала допускают гипотезу об определенном состоянии «до первого толчка»: до-тональный, до-фонологический, до-словесный. Позже подобное состояние уже не наблюдается.

Объектом лингвистических поисков Т. Гивона является грамматико-синтаксический аспект формирования ранних языковых систем, поскольку в центре внимания исследователя находится коммуникативный уровень, а движущим фактором при таком подходе видится человек и развитие его дискурсивных формаций. Наиболее архаический порядок элементов в высказывании — прагматический код — представляется параллельным по отношению к разворачиванию элементов в коммуникативной ситуации. Осуществляется переход от прагматического кода к сугубо языковому; данный переход определяется как синтактизация. При синтактизации речи речевая единица превращается в языковую, причем в каждом языке специфическим способом. Метод реконструкции протофактов можно отнести к синтаксису лишь отдаленно, поскольку синтаксические модели в связи с индивидуальными особенностями их структур не сводятся к одной архетипической конструкции. В свою очередь синтаксические структуры модифицируются появившейся в языке флективной морфологией. Имеет место так называемый обратный анализ, то есть перераспределение, переформулирование, прибавление или исчезновение компонентов поверхностной структуры. Основной силой в этой концепции является сама речевая личность и окружающий мир.

Иллюстрацией сказанному могут стать такие факты: развитие местоимений и артиклей, которое осуществляется, как правило, после определенных сдвигов мировосприятия; позже других во временной системе глагола развивается Futurum как выход за черту реально осуществляющегося действия. Много разнофункциональных явлений в данной концепции связаны между собой. Например, связаны возникновение перфекта, порядок слов (от VS до SV) и степень известности субъекта отрывка текста в древнееврейских памятниках; в более поздних текстах объем знаний носителей языка расширяется, возникает потребность в анафорике для отождествления объекта внутри класса актантов, который увеличивается. Выделение новых

актантов и их действий приводит к порядку слов SV и возникновению неимперфектных форм.

Таким образом, Т.Н. Николаева считает, что ментальный статус архаического состояния не равен наиболее позднему. Она отмечает: «Сделав шаг в сторону признания однонаправленности языкового процесса, мы переходим к пониманию диахронии как эволюции, которая содержит оценочный компонент. Именно так понимал языковое развитие О. Есперсен» [2, с. 15]. Также в данном контексте, учитывая существующие взгляды относительно языковых изменений, лингвист предлагает следующие схемы этих изменений.

1. Языковая система изменяет свой статус?

нет да

2. Это изменение является однонаправленным?

нет да

3. Оно телеологично?

нет да

4. Цель связана с эволюцией?

нет да

Кроме того, Т.Н. Николаева ссылается на высказывание Дж. Гринберга относительно поставленной проблемы. Он, говоря о возможности определения диахронических универсалий, объясняет множеством фактов отсутствие сейчас в науке эксплицитно выраженных исторических законов. Среди них — несинхронное возникновение диахронических процессов в различных языках, ограниченность выведенных законов определенными хронологическими рамками, возможность циклических повторений этих законов и т. д. Поэтому, по мнению Дж. Гринберга, существенным является построение теории изменяющихся языковых состояний (имеется в виду нечто близкое к теории стадиальности).

Анализируя вопросы, предложенные Дж. Гринбергом, Т.Н. Николаева предпринимает попытку сформулировать тенденцию языкового развития: «язык стремится к передаче все большего количества информации в единицу времени (выделено нами — Е. К.)» [2, с. 16]. При этом информация трактуется как все то, что мы узнаем, услышав или прочитав речевое сообщение. Информация также — это и передающиеся сведения о ситуации (локальные, темпоральные сведения, сведения о количестве актантов и их отношениях), модально-субъективные факты, все феномены звукового строя и т. д.

В соотношении *языковая единица / единица времени* модификации может подвергаться только языковая часть. Язык характеризуется двойным членением: на звуковом и на семантическом

уровнях. Поэтому Т.Н. Николаева считает нужным остановиться на каждом из этих феноменов.

Общие для звука и значения положения она формулирует следующим образом:

1. Тенденция к передаче все большего количества информации в единицу времени осуществляется в языках двумя способами:
 - a. компрессией,
 - b. суперсегментизацией.
2. В языках, эволюционировавших в большей степени, сформулированная тенденция реализуется в большей степени.

Таким образом, возможны как звуковые, так и семантические компрессии и суперсегментации.

Относительно звукового аспекта Т.Н. Николаева отмечает, что наиболее простой способ семантической компрессии — говорить быстрее. Но преградой при этом становится временная ограниченность артикуляционных движений.

Язык может, не нарушая перцептивных законов, которые обуславливают указанные возможности компрессии, двигаться в сторону передачи большего объема информации в единицу времени путем модификации речевых единиц, то есть слов и их компонентов.

Общеизвестно, что причиной языковых изменений, в частности фонологических, является ускоренная речь. Но можно сформулировать вопрос и по-другому: язык изменяется потому, что его носители вдруг начали говорить быстро, а люди потому говорят быстрее, что внешние и внутренние речевые обстоятельства провоцируют языковую переинтеграцию определенного характера. В данном случае интерес представляет универсалия, сформулированная следующим образом: асимметрия перехода от нормального темпа к медленному и от нормального темпа к быстрому (выделено нами — Е. К.), при этом в последнем случае языковых изменений меньше, то есть речь как будто продвигается к ускорению.

Воплощение указанной эволюционной тенденции на уровне значения, считает Т.Н. Николаева, является симметричным, или параллельным, развитию звукового аспекта. На семантическом уровне также можно говорить о компрессии и суперсегментизации.

«Под компрессией тут можно понимать уменьшение числа значимых единиц в пределах большей единицы, то есть то, что Т. Гивон называет синтактизацией» [2, с. 19]. Иными словами, перед нами явление все большего отдаления от близкого к шаблонности прагматического кода. Таким образом, уменьшается число дискретных единиц в пределах слова. Возникают флективно-фузионные процессы, следствием которых можно считать склеивание единиц плана

содержания, ранее передаваемого разными знаками. В частности речь идет об уменьшении единиц в составе синтаксических конструкций.

Суперсегментацию на звуковом уровне Т.Н. Николаева понимает как возникновение дополнительного смыслового ряда, относящегося ко всей речевой единице, но не привязанной эксплицитно к сегментной единице. Как утверждает лингвист, суперсегментностью на смысловом уровне являются пресуппозиции. Например, пресуппозитивные частицы типа *даже* появляются в истории языка позже соединительных частиц-коннекторов, характерных для древних языков.

Резюмируя все вышеизложенное, Т.Н. Николаева констатирует следующее. Эволюционная тенденция к передаче все большего количества информации в единицу времени является именно тенденцией, которая реализуется в различных языках неодинаково со сложными пока неясными компенсаторными корреляциями. На каждом синхронном срезе может выявляться все более сложное типологическое разнообразие. Важной особенностью является относительность эволюционной хронологии: древние языки уже могут эволюционно быть более развитыми, чем не только синхроничные им языки, но и значительно более поздние языки.

Не все языковые изменения обслуживают вышеуказанную эволюционную тенденцию. Большое количество изменений является результатом сложных компенсаторных тенденций, другие изменения регулируются внутрисистемной динамикой. Наконец, возможно и движение в сторону регресса, языки распадаются, исчезают, деградируют. Так, например, для вымирания языков отмечаются такие параллельные процессы, как структурное (и стилистическое) упрощение, а также рост вариативности. Данное наблюдение Т.Н. Николаевой, на наш взгляд, может служить формулировкой еще одной диахронической универсалии.

Таким образом, Т.Н. Николаева является исследователем, который с современных лингвистических позиций сумела не только показать существующие диахронические универсалии, но и предложить собственные формулировки универсалий подобного типа.

Список литературы:

1. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Зарубежная лингвистика. II / Общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. — [3-е изд.]. — М.: Издательская группа «Прогресс». — 1999. — С. 118—131.
2. Николаева Т.Н. Диахрония или эволюция? (Об одной тенденции развития языка) // Вопросы языкознания. — 1991. — № 2. — С. 12—26.

**КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ»
В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ:
ПРИМЕР ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА
К АНАЛИЗУ КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ**

Федорив Ярослава Романовна

*доцент, канд. филол. наук, Национальный университет
«Киево-Могилянская академия»,*

г. Киев, Украина

E-mail: yar.fed@gmail.com

В данной работе предлагается новая трактовка ранее рассматриваемых автором речевых явлений, связанных с условиями эффективности публичного обращения, а именно: анализ примера коммуникативной неудачи оратора в лингвокогнитивном аспекте с позиций лингвокультурной специфики функционирования и восприятия используемых базовых концептов.

На сегодняшний день отмечается особое внимание ученых к публичной речи в лингвокогнитивном аспекте, поскольку он привлекает к научному анализу комплекс сведений, объединяемых понятием «национальная картина мира» и связан с фундаментальной проблемой взаимосвязи языка, мышления и культуры. Уточняя актуальность предложенного исследования, следует отметить всеобщее внимание учёных к устной риторике, потребность осмысления ее философско-гуманитарного (лингвистического, коммуникативного, культурологического, когнитивного, психолингвистического, антропоцентрического и т. п.) содержания, комплексного анализа публичной речи, представленного реальными фрагментами коммуникативной практики, а также недостаточным изучением условий эффективности публичного речи и, как следствие нарушения этих условий, — причин коммуникативных неудач.

В связи с ограничениями на объем материала для публикации, мы сужаем предмет данного исследования до приветственной речи женщины-лидера во время проведения университетских торжественных церемоний. Исследование базируется на описательном, количественном и сравнительном методах, а его материалом служит текст выступления Народного депутата Верховной рады Украины Раисы Богатырёвой в Национальном университете «Киево-Могилянская академия» в 2011 г.

Как известно, приветственная речь может быть посвящена юбилею учреждения или лица, началу или окончанию учебного года или работы конференции, встрече делегации, вручению дипломов или наград, памятной дате. Главная цель этой речи — создать приподнятое настроение, вдохновить слушателей. При этом торжественные выступления, произносимые на церемониях открытия, выпуска или других университетских мероприятиях, в меньшей степени, чем некоторые другие жанры церемониального дискурса, бывают импровизациями, поскольку академичность ситуации так или иначе побуждает говорящего к предварительной подготовке речи, продумыванию ее структуры (вступление, основная часть, выводы), основных положений (обращение, слова приветствия, краткая характеристика события, экскурс в прошлое, успехи и достижения; референция к нынешней ситуации с акцентом на важности и значимости происходящего; перспективы и пожелания на будущее), образов и необходимых средств выразительности речи, уместных ассоциаций и примеров, призванных вызвать у публики интерес и даже симпатию к личности оратора. Например, оратор может провести аналогию с каким-либо историческим событием, рассказать предысторию праздника (тонко подчеркивая кульминационные моменты) или акцентировать внимание на влиянии этого события на каждого отдельного участника с плавным переходом на его общечеловеческое значение.

Опытный оратор располагает богатым арсеналом средств выразительности, среди которых синтаксические, семантические и просодические интенсификаторы, как например: аллитерация, ассонанс, аффиксация и словообразование, усилительные наречия и прилагательные интенсифицирующего содержания, формы степени сравнения прилагательных и наречий, грамматическая форма длительного времени глагола, различные виды повтора, логическое ударение, паузация, варьирование громкости и темпа речи и т. п. Анализ имеющихся теоретических и экспериментальных исследований в этой сфере показывает, что для достижения большего воздействия (то есть для того, чтобы сделать выступление более убедительным, искренним, обоснованным, логичным и вызывающим доверие), женщины-ораторы чаще, чем мужчины, используют в речи языковые интенсификаторы, смягчающие выражения («как бы»), вопрос с переспросом или повествовательные предложения с восходящей интонацией, неуверенности, дейктичные фразы (касающиеся говорящего или ситуации, например, «он», «я», «здесь», «сегодня», «сейчас», «завтра» и т. д.) [6].

При этом успешная реализация коммуникативного события не является фактом гарантированным, приводя нас к необходимости введения в рассмотрение понятия аутентичности ораторской речи.

Учитывая, что во многих случаях общественные деятели произносят речи, авторство которых принадлежит так называемым «спичрайтерам» — профессиональным составителям текстов публичных выступлений, мы квалифицируем ораторскую речь как аутентичную не столько по совокупности формальных лексико-грамматических показателей авторского стиля, определение которых уже успешно автоматизировано, сколько по просодическим атрибутами устной речи, которые способны максимально обеспечить воздействие на аудиторию. При этом в публичном общении на передний план — с точки зрения достижения перлокутивно эффекта — выдвигаются такие субъективные параметры говорящего, как искренность, открытость, убедительность, неравнодушные к предмету обсуждения. Очень часто индивидуальные черты: тембр и сила голоса, темперамент, особенности невербального поведения, внешний вид — создают тот эмоциональный фон, который преобладает над интеллектуальной составляющей процесса коммуникации, вызывая иногда предполагаемую, а иногда — совершенно неожиданную реакцию аудитории.

Наглядной иллюстрацией того, как диссонанс между вербальным и невербальным поведением говорящего может повлиять на исход коммуникативного события, является рассматриваемое в данном исследовании выступление Раисы Богатырёвой. Это типичный пример чтения вслух заранее подготовленного текста без видимых признаков положительной патетики: мелодика монотонная, вариативность громкости и темпа — незначительна. Визуальный контакт с аудиторией — минимален и регистрируется лишь в местах более или менее длительных пауз. Элементы юмора отсутствуют. Соответственно, аудитория восприняла речь Раисы Богатырёвой сдержанно, со скупыми формальными аплодисментами. Иначе говоря, по признаку успешности коммуникативного акта — то есть установления эмоционально-интеллектуального контакта между говорящим и аудиторией — анализируемое выступление является иллюстрацией неаутентичной ораторской речи.

При этом эмотивная составляющая данного публичного обращения усугубляется когнитивным диссонансом: три истории из жизни, на которых Р. Богатырёва строит свою речь, вызывают неоднозначные чувства у слушателей, которые не привыкли слышать о чем-либо слишком личном от ораторов, которые по возрасту

подпадают под категорию воспитанников советской — коллективистской риторической традиции, направленной на сглаживание личного и выдвигание на первый план общественного. Такое несоответствие между привычным, ожидаемым и услышанным, неожиданным побудила присутствующих на торжествах журналистов к поиску аналогов этой речи в мировой ораторской практике.

Стоит отметить, что в лингвистике проблема определения авторства художественных и нехудожественных текстов уже стала традиционной, и для объективного анализа содержания применяют формализованные методы контент-анализа текстов [5, с. 45]. В частности, для определения подлинности исследователи подсчитывают определенные слова в текстах автора, чья аутентичность уже доказана, определяют длины предложений, особенности употребления частей речи, лексический запас и сравнивают их в контрольных и сомнительных текстах. Таким образом, в отличие от опросов, методология контент-анализа позволяет измерить не субъективную оценку людьми определенных действий или намерений что-то сделать, а фактическое вербальное поведение индивида.

Поэтому следствием выступления Р. Богатырёвой стали такие заглавия в популярных средствах массовой информации (даем в переводе на русский): «Богатырёва копирует Джобса» — видеоресурс "Youtube.com"; 1 августа 2011, <http://www.youtube.com/watch?v=zo0Plu2FCUI>; «Богатырёва в Киево-Могилянке прочитала речь главы Apple Стива Джобса» — «Западная информационная корпорация», 1 августа 2011, 13:37, <http://zik.ua/ua/news/2011/08/01/301442>; «Речь для студентов Могилянки Богатырёва списала у руководителя Apple» — «Тижень.ua», 1 августа 2011, 15:00, <http://tyzhden.ua/News/27599>; «Плагіат Раїси Богатирьової» — Сергей Щербина, «Українська правда», 1 септня 2011, 10:24, <http://www.pravda.com.ua/articles/2011/08/1/6437552/>.

Рассмотрим ряд культурологические показательных фрагментов анализируемой речи, к которым, как показывает реакция, украинская аудитория не осталась равнодушной. Комментарии «Української правди» даны в переводе на русский язык:

- *Знання, які ви отримали сьогодні в цих стінах, ваш характер, доля, життя, по крайній мірі карма, вам допоможуть знайти правильну відповідь, — сказала секретарь СНБО.*
- *Вам доведеться на щось опиратися. На свій характер, долю, життя, карму, що згодиться, — сказав керівник Apple випускникам Стенфорда.*

Не побрезговала чиновница даже фрагментом выступления Джобса о смерти. Один из самых успешных менеджеров мира рассказывал студентам о том, как у него обнаружили рак.

— Смерть тогда подошла ко мне близко. И, надеюсь, ближе на следующие несколько десятков лет. Пережив это, я теперь могу сказать следующее с большей уверенностью, чем тогда, когда смерть была полезной, но чисто абстрактной концепцией — никто не хочет умирать, — рассказывал Джобс.

— Тогда смерть подступила ко мне очень близко. Ближе, чем сейчас в своем возрасте я нахожусь к ней. Пережив эту минуту, могу вам сказать — никто не хочет умирать, — поделилась своими мыслями Богатырёва.

В выступлении секретаря СНБО является фрагмент, который вообще почти полностью идентичен речи Джобса.

— Простите за драматизм, но это правда. Время человека очень ограничено. И поэтому вывод из своего опыта предлагаю следующий — не живите чужой жизнью, не теряйте времени. Не попадайте в капкан догмы, которая советует жить чужими мыслями. Не позволяйте шуму чужих мнений перебить ваш внутренний голос, — говорила Богатырёва.

— Простите за такой драматизм, но это правда. Ваше время ограничено, поэтому не тратьте его, чтобы прожить чью-то чужую жизнь. Не попадайте в ловушку догмы, которая учит жить в соответствии к мнениям других людей. Не позволяйте шуму чужих мнений перебить ваш внутренний голос, — отмечал Джобс [4].

Понятно, что ничего личного, особенно частного, на самом деле касалось бы жизнь оратора, аудитория в выступлении Р. Богатырёвой не отчитала. Что же касается определения использованных в выступлении ключевых концептов, то их помогает выявить количественный анализ с помощью программы *Textalyser V 1.05* [7], которая находится в свободном доступе в сети Интернет. По результатам подсчетов употребление знаменательных слов в выступлении Р. Богатырёвой особенно проминантны являются универсальные категории бытия — СМЕРТИ, в противовес ЖИЗНИ. Очевидно, они адресованы к каждому, находящемуся в аудитории, т. к. относятся к общей экзистенциальной сфере. Однако в эмоционально сухой подаче Р. Богатырёвой они, в отличие от жизнеутверждающей речи Стива Джобса, вносят эмоциональный диссонанс с анализируемой торжественно приподнятой коммуникативной ситуацией.

Кроме этого, нам представляется уместным воспользоваться здесь выводами О.В. Ивановой [2], согласно которым содержательные свойства ключевых концептов, репрезентирующих конкретную лингвокультуру, в значительной степени обусловлены идеологической спецификой.

Здесь уместно упомянуть, что функционирование базовых концептов в устной и письменной коммуникации исследуется многими учёными (см., например, [1]). Уточняя дефиницию концепта с целью грамотного оперирования им, можно обратиться, например, к работам В.И. Карасика, который характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой «фрагмент жизненного опыта человека» [3, с. 3], хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [3, с. 59], «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [3, с. 71], «переживаемая информация» [3, с. 128], «квант переживаемого знания» [3, с. 361].

В этом смысле упомянутая нами ранне коллективистская традиция, к которой онтологически восходит риторика поколения Р. Богатырёвой, не приветствовала выпячивание глубоко личностных тем — например, проблем, связанным со здоровьем, вынуждающих говорящего балансировать между жизнью и смертью, — и спекулирование ими с целью воздействия на аудиторию. В тоже время в индивидуалистической американской традиции, к которой принадлежал Стив Джобс, такие приемы воздействия на слушателей, напротив, популярны и — в зависимости от специфики контекстов, допускающих соответствующие языковые реализации упомянутых концептов — находят широкое и конкретное речевое выражение, охотно воспринимаемое аудиторией.

Исходя из приведенных выше рассуждений, мы можем сделать вывод, что воздействующий потенциал публичного обращения зависит не только от композиционных или риторических средств, но и от культурно-специфических когнитивных факторов, отражающих ментальность аудитории и апеллирующих к ней. При этом нарушение гармоничности коммуникативного события на уровне слухового восприятия может катализировать дополнительный контент-анализ материала на предмет выяснения подлинности ораторского речи.

Список литературы:

1. Гаврилова М.В. Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов [Электронный ресурс] // Политическая экспертиза. — Режим доступа: URL: <http://www.politex.info/content/view/198/30/>.
2. Иванова О.В. Функционально-когнитивные особенности репрезентации ключевых концептов американского политического дискурса: дис. на соискание науч. ступеня канд. филол. наук: спец. ВАК РФ: 10.02.04 «Германские языки» / Ольга Владимировна Иванова. — Белгород, 2010. — 183 с.
3. Карасик В.И. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004. — С. 84—93.
4. Щербина С. «Плагіат Раїси Богатирьової» [Электронный ресурс] // «Українська правда», Понеділок, 01 серпня 2011, 10:24. — Режим доступа: URL: <http://www.pravda.com.ua/articles/2011/08/1/6437552/>.
5. Юськів Б.М. Контент-аналіз. Історія розвитку і світовий досвід: Монографія. Рівне.: «Перспектива», 2006. — 203 с. — ISBN 966-7643-77-8.
6. Lazda R. Linguistic Markers, Power and Persuasion [Электронный ресурс] / Reinis Lazda. — Режим доступа: URL: http://reinis.lazda.lv/research_media/Reinis_Lazda_Linguistic_markers_power_and_persuasion.pdf.
7. Textalyser 2004 © textalyser.net text analysis V 1.05 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://textalyser.net/index.php?lang=en#analysis>.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**«В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Часть I

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

10 декабря 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 18.12.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,75. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3